

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1886.

№ 3.

ФЕВРАЛЬ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

	Стр.
Архіепископъ Иннокентій Борисовъ. Біографическій очеркъ (продолженіе). Святц. Т. Буткевича	145—176
Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству. Историческое изслѣдованіе. А. Вертеловскаго	177—196
Обозрѣніе важнѣйшихъ событій и явленій церковной жизни за прошедшій годъ (окончаніе). Ѳ. Садова	197—212.
L'union Chrétienne и другія изданія о. Владиміра Гетте	213—216

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

Метафизическій анализъ эмпирическаго познанія (продолженіе). Профессора Московской духовной академіи. В. Кудрявцева	104—130
Дарвинизмъ. Критическое изслѣдованіе Н. Я. Данилевскаго. И. Чпатовича	131—136
Письма философа Сенени (продолженіе) * * *	137—154

III. ЛИСТОКЪ ДЛЯ ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе: Опредѣленія Святѣйшаго Синода. — Отъ училищнаго Совѣта при Св. Синодѣ. — Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 1884/85 учебный годъ (окончаніе). — Отъ Харьковскаго комитета Православнаго миссіонерскаго общества. — Вѣдомость о средствахъ Харьковскаго Епархіальнаго свѣчнаго завода на 1-е число января мѣсяца 1886 года. — Отъ правленія Харьковской духовной семинаріи. — Отъ Совѣта Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища. — Епархіальныя извѣщенія. — Извѣстія и замѣтки. — Объявленія.

„ВѢРА и РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входятъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръніе замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ челоуѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковского духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложения, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по восьми и болѣе листовъ въ каждомъ №.

Цѣна за годовое изданіе 10 руб. съ пересылкою.

РАЗРОЧКА ВЪ УПЛАТУ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ монастырѣ, въ конторѣ типографіи Окружнаго Штаба, Иѣменская, № 26 и въ книжномъ магазинѣ В. и А. Впрюковыхъ, Московская, № 7; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Андрея Николаевича Ферапонтова; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ Тузова, Садовая, д. № 16.

Въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884 и 1885 годы, по прежней цѣнѣ, т. е. по 10 рублей за каждый годъ, и „Харьк. Епарх. Вѣдомости“ за 1883 годъ, по уменьшенной цѣнѣ, именно по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкою.

Πίστει νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI. 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ, Февраля 15 дня 1886 года.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ.*

АРХІЕПИСКОПЪ ИННОКЕНТІЙ БОРИСОВЪ.

(БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

(Продолженіе *).

10-го апрѣля, въ Великую Субботу, соединенный англо-французскій флотъ началъ правильную бомбардировку Одессы. „Въ 6 часовъ утра, рассказываетъ свидѣтель-очевидецъ, раздался со стороны непріятельскаго флота первый пушечный выстрѣлъ, за нимъ—второй, третій, четвертый... и, въ нѣсколько минутъ, воздухъ огласился страшнымъ громомъ кровавой брани: дрогнула земля, поколебались стѣны домовъ и солнце скрылось въ тучахъ пороховаго дыма... Три часа дня... Частые удары соборнаго колокола какъ-бы вторили неумолкаемому треску и гулу разрушительныхъ, смертоносныхъ выстрѣловъ... Среди величественнаго Одесскаго кафедральнаго собора возвышается изящной работы балдахинъ, драпированный чернымъ бархатомъ, а подъ нимъ, на мраморномъ ложѣ, лежитъ святая плащаница. Видны группы колѣнопреклоненнаго народа, усердно молящагося и благоговѣнно лобызаящаго язвы лежащаго во гробѣ Жизнодавца. Архипастырь съ обычною церковною торжественностію совершаетъ Божественную литургію; горячая молитва предстоящихъ, тихіе вздохи и слезы обнаруживали крѣпкое желаніе всѣхъ найти утѣшеніе взволнованныхъ сердець въ упованіи на помощь Божію. Богослуженіе близилось къ концу; пѣли

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1886 г. № 1.

причастный стихъ; вдругъ моментально раздался страшный оглушительный взрывъ (порохового ящика на Щеголевской батарее)... крѣпкія стѣны соборнаго храма поколебались; стекла задрезжали... молитвенныя пѣснопѣнія умолкли и народъ, пораженный паническимъ страхомъ, опустился на церковный полъ... Всѣмъ представилось, что массивный куполъ собора отъ сотрясенія разрушится. Послышались истерическія рыданія и вопли,—словомъ, это была картина, способная потрясти душу каждаго, и кто видѣлъ ее разъ, тому не забыть ее во всю жизнь!.. И въ эти-то минуты едва-ли не одинъ архипастырь сохранилъ полное присутствіе духа!.. Царскія врата немедленно растворились... Терпѣливо выждавъ, пока испуганный народъ ободрился и пришелъ въ себя,—владыка вышелъ изъ алтаря, взялъ пастырскій жезлъ и, съ свойственнымъ ему краснорѣчіемъ, началъ бесѣду. „Вы устрашили сего браннаго звука, произведеннаго вражескою рукой, и, стоя на молитвѣ въ этомъ святилицѣ, не устыдились пасть на землю по маловѣрію... Но какой страхъ и ужасъ обметъ грѣшную душу, когда возгремитъ архангельскій гласъ трубы, чтобы призвать насъ на всеобщій судъ!“ и проч. Бесѣда длилась не менѣе получаса“. — Приведенныхъ выраженій нѣтъ въ словѣ Иннокентія, которое имъ было произнесено въ Великую Субботу, 10-го апрѣля 1854 года, во время бомбардированія Одессы, и помѣщено въ VIII томѣ его сочиненій, изданномъ въ 1874 году Вольфомъ, а слова Иннокентія въ напечатанной проповѣди—„смотрите, день уже преклоняется къ вечеру; у врага начинаютъ даже оскудѣвать оружія; но много-ли онъ успѣлъ сдѣлать зла намъ?“—даже, повидимому, говорятъ противъ приведеннаго рассказа... Но если мы примемъ во вниманіе то обстоятельство, что это слово, по всей вѣроятности, было произнесено безъ предварительной записи, то мы поймемъ вполне, почему и какъ приведенное рассказчикомъ начало проповѣди не вошло въ нее при слѣдовавшей затѣмъ записи ея на бумагѣ. Какъ-бы то ни было, но Иннокентій, совершивъ литургію, и въ этотъ день, по обычаю, утѣшалъ своихъ слушателей, восхваляя ихъ за то, что они не рѣшились оставить гроба

Спасителя своего даже и въ такія грозныя минуты, въ которыя смерть и пагуба носились надъ ихъ собственными главами. При этомъ онъ высказалъ свою увѣренность какъ въ безуспѣшность осады Одессы, такъ и въ скорое ея окончаніе. „Облобызавъ снова язвы Спасителя,—говорилъ онъ своимъ слушателямъ въ концѣ проповѣди,—идите съ миромъ, братіе мои, въ дома свои и ждите спасенія отъ Господа, всегда и вездѣ спасающаго правые сердцемъ. За Великою Субботою всегда слѣдуетъ свѣтлый день Воскресенія: не замедлитъ и за настоящею, сугубо-великою для насъ, субботою послѣдовать сугубо-великое воскресеніе,—т. е. вмѣстѣ съ воскресеніемъ Господа, и наше избавленіе отъ обышедшихъ насъ золъ“... Бомбардировка Одессы продолжалась до поздняго вечера...

О событіяхъ этого дня, спустя недѣлю, преосвященный Иннокентій писалъ въ Петербургъ Макарію слѣдующее: „Уже вы, я думаю, слышали, что съ нами. Насъ въ самую Великую Субботу бомбардировали цѣлый день. Подробности сего адскаго дѣла вы прочтете въ прилагаемомъ листкѣ (разумѣется листокъ „Одесскаго Вѣстника“).—Мой домъ на самомъ берегу морскомъ, гдѣ особенно кипѣло сраженіе; по сему намъ было все видно, какъ на ладони. Не смотря на то, что мы первые были подъ выстрѣлами, любопытство превосходило страхъ и мы большую часть дня провели въ смотрѣніи на эту ужасную картину. Господь видимо помогаль намъ. Двѣ пушки держали въ респектѣ девять пароходовъ и три изъ нихъ повредили значительно. Бѣдная батарея, творившая эти чудеса, буквально была осыпаема градомъ ядеръ и картечи, и однако-же продержалась часовъ восемь и отстрѣливалась. Къ вечеру уже орудія непріятельскія прямо были наведены на городъ, т. е. на насъ. Тутъ мы прочь отъ оконъ: кто въ погребъ, кто въ темный уголъ. Одно ядро, упавшее въ стѣну домовой церкви, отразилось потомъ въ этомъ погребѣ и явилось посреди сидѣвшей тамъ братіи. Можете представить, что было съ нею. Но ядро оказалось холоднымъ. Что, если-бы на мѣстѣ его была бомба или граната? Вся ночь была освѣщена горѣвшими судами. Особенно прекрасно горѣло одно судно, отбившееся во время пожара

отъ гавани и занесенное теченіемъ въ самую среднюю залива. Это была какъ-бы небольшая огненная церковь. Теперь у меня два стола въ гостинной извнѣ наполнены всѣмъ, чѣмъ по насъ стрѣляли—до конгреговыхъ ракетъ. Одна бомба вѣсомъ въ три пуда. Вредъ по городу отъ всего этого почти ничтожный, кромѣ страха смертельнаго, разгнавшаго жителей на многія версты кругомъ“...

Предположеніе Иннокентія сбылось. 11 апрѣля непріятель прекратилъ огонь, а 14-го въ среду на Святой и совсѣмъ оставилъ Одессу, направивъ всѣ свои силы къ Севастополю. Тѣмъ не менѣе преосвященный Иннокентій не переставалъ ободрять жителей Одессы своими одушевленными проповѣдями. Такъ онъ произнесъ слово 11 апрѣля въ день Пасхи на литургіи въ Одесскомъ кафедральномъ соборѣ; поводомъ къ этому слову послужило прекращеніе бомбардированія Одессы соединеннымъ непріятельскимъ флотомъ; на вечерни въ тотъ же день онъ снова коснулся этого-же самаго событія. 14 апрѣля, по случаю удаленія отъ Одессы англо-французскаго флота, онъ совершилъ благодарственное молебствіе въ Одесскомъ кафедральномъ соборѣ и также произнесъ слово, вполне приличное столь радостному событію, а 18 апрѣля такое-же молебствіе имъ было отправлено на площади. 2 мая въ Одесскомъ кафедральномъ соборѣ преосвященный Иннокентій снова совершаетъ благодарственное молебствіе по случаю взятія въ плѣнъ и сожженія ставшаго на мель англійскаго парохода-фрегата „Тигръ“, который особенно свирѣпствовалъ во время бомбардированія Одессы въ Великую Субботу,—и снова произноситъ свое одушевленное слово. 9 мая въ томъ-же самомъ Одесскомъ храмѣ Иннокентій опять совершаетъ благодарственное молебствіе по случаю пожалованія Всемилостивѣйшей грамоты г. Одессы за сохраненіе спокойствія, порядка и благочинія во время бомбардированія ея флотомъ непріятельскимъ и снова присовокупляетъ къ молебствію свое пастырское слово. 31 мая онъ освящаетъ вновь устроенныя въ защиту Одессы прибрежныя батареи и на такъ называемой Щеголевской батарее снова произноситъ свою прекрасную рѣчь.

Предвидя грозное появленіе непріятельскаго флота для бомбардированія Одессы, Иннокентій еще заблаговременно началъ готовиться ко встрѣчѣ непрощенныхъ *гостей*, какъ онъ называлъ нашихъ тогдашнихъ противниковъ. Между прочимъ, еще 4-го апрѣля онъ призвалъ къ себѣ благочиннаго одесскихъ церквей и сдѣлалъ такого рода распоряженіе: „сегодня-же распорядитесь, чтобы завтра, 5-го апрѣля, въ семь часовъ вечера, собралось ко мнѣ градское духовенство. Въ виду тревожныхъ, грядущихъ дней, мнѣ необходимо побесѣдовать съ нимъ и дать нѣкоторыя наставленія“.—А въ своемъ словѣ въ Великую Субботу, 14-го апрѣля 1854 г., т. е. въ день самой бомбардировки города Одессы, обращаясь къ священнослужителямъ, Иннокентій говорилъ: „А вы, возлюбленные сослужители наши, столь бодрственно доселѣ стоявшіе съ нами на духовной стражѣ у креста Христа, удвойте и утройте усердіе и попеченія ваши, дабы къ наступающей священно-таинственной ночи все было уготовано по чину церковному, да не речетъ врагъ града нашего: укрѣпихся на него“ (Псал. 12, 5). Не безъ пользы могли-бы быть приняты во вниманіе совѣты Иннокентія, относившіеся даже къ самому военному дѣлу. Вотъ что, между прочимъ, рассказывалъ Иннокентій одному полковому священнику того-же самаго 4-го апрѣля. „На дняхъ былъ у меня, говорилъ онъ, командующій одесскими войсками, генераль-адъютантъ баронъ Остенъ-Сакенъ. Трактовали о мѣрахъ и средствахъ защиты города на случай блокады или высадки непріятеля... Между прочимъ, я ему указывалъ на необходимость сооруженія нѣсколькихъ батарей около одного изъ предмѣстій города, известнаго подъ именемъ „Пересыпь“, какъ прилегающаго къ взморью очень близко. Баронъ находилъ это излишнимъ, мотивируя свои соображенія тѣмъ, что у названнаго предмѣстья уровень моря, на цѣлыхъ пять верстъ, не превышаетъ четырехъ футовъ, слѣдовательно тотъ районъ отъ дѣйствій непріятельскихъ выстрѣловъ совершенно гарантированъ. Но я ему замѣтилъ, что при эскадрѣ могутъ существовать плоскодонные пароходы, для которыхъ указанный уровень воды не послужитъ препятствіемъ подойти къ берегу

моря на самое близкое разстояніе. Тѣмъ не менѣе, кажется, меня не послушали... По крайней мѣрѣ, слышу, объ устройствѣ батарей и не думаютъ!“ *) По словамъ свидѣтеля-очевидца, впоследствии оказалось, что предположенія преосвященнаго Иннокентія были вполне основательны. Плоскодонные пароходы безпрепятственно заняли у „Пересыпи“ настолько близкую позицію, что она въ буквальномъ смыслѣ была засыпана огнестрѣльными снарядами...

Дѣятельность преосвященнаго Иннокентія въ Крымскую войну не ограничивалась одною Одессою. Обстоятельства времени заставили его, скоро-же послѣ неудачнаго бомбардированія Одессы англо-французскимъ флотомъ, обратить особенныя заботы и вниманіе на Крымскій полуостровъ. Послѣ сраженія подъ Альмою войска наши начали отступленіе; врагу былъ открытъ путь какъ къ Севастополю, такъ и Симферополю; даже Перекопъ не могъ считаться безопаснымъ убѣжищемъ для охваченнаго паническимъ страхомъ русскаго населенія... Ко всему этому нужно присоединить еще злорадство и измѣну крымскихъ татаръ, которые, узнавъ о пораженіи русскихъ, нарядились по праздничному и съ надменностію расхаживали по всему Симферополю, съ часу на часъ ожидая мнимыхъ избавителей своихъ. Многіе изъ жителей Севастополя и Симферополя думали найти для себя спасеніе въ бѣгствѣ. Паника распространялась тѣмъ сильнѣе, что никто съ точностію не могъ сказать, куда дальше былъ намѣренъ двинуться грозный непріятель. О положеніи дѣлъ на Крымскомъ полуостровѣ ходили самые ужасные слухи, богато, но мрачно разукрашенные фантазіею устрешенныхъ... Однихъ этихъ слуховъ было вполне достаточно для того, чтобы пылкій по природѣ, горячо любившій Россію и всецѣло преданный ей,—своему отечеству, Иннокентій оставилъ неприступную Одессу и немедленно полетѣлъ къ бѣдствующей паствѣ своей въ Тавридѣ, чтобы вмѣстѣ съ нею раздѣлить ея горе и грозившую ей опасность. Но къ этому присоединилось еще одно обстоятельство: непріятельскій па-

*) „Харьков. Епархіальн. Вѣдом.“ 1883 года, стр. 241.

роходъ привезъ въ Одессу раненныхъ въ Альминскомъ сраженіи... Ясно, что слухи, дошедшіе до Иннокентія, не были произведеніемъ только одной разгоряченной фантазіи. Поэтому, если когда, то именно теперь для русскихъ крымцевъ крайне нужна была нравственная, душевная поддержка... Предъ общественнымъ бѣдствіемъ, предъ опасностію, угрожавшею всему отечеству, мыслямъ о безопасности личной мѣста уже болѣе не было, а у такого человѣка, какъ Иннокентій, его и быть не могло... И вотъ 13-го сентября пресвященный Иннокентій совершенно неожиданно, одинъ, безъ свиты, безъ зова, уже является въ Симферополѣ и, къ своему глубокому сожалѣнію, повсюду находитъ только уныніе и малодушіе... На другой день въ Симферопольскомъ Александро-Невскомъ соборѣ онъ совершаетъ покаянное молебствіе и произноситъ слово, начинающееся текстомъ: „миръ вамъ!“ (Луки 24, 36). Въ этомъ словѣ онъ коснулся измѣнческаго поведенія крымскихъ татаръ, обличалъ легковѣріе и малодушіе русскихъ и утѣшалъ послѣднихъ указаніемъ на болѣе благопріятный для нихъ поворотъ обстоятельствъ и всемогущее заступничество Божіе. „Никогда не хорошо и неблагоразумно предаваться воображенію опасностей,—сказалъ онъ своимъ слушателямъ,—тѣмъ паче въ настоящихъ обстоятельствахъ. Если-бы, устремившись къ вамъ, я хотя въ половину приложилъ вѣры тому, что слышалъ о нѣмнѣшнемъ положеніи вашемъ, что разные, и нелегковѣрные, люди говорили мнѣ объ ожидающихъ меня на пути опасностяхъ, то мнѣ тотчасъ надлежало-бы остановиться и отказаться отъ намѣренія посѣтить и утѣшить васъ. Но, по милости Божіей, слышанное мною нисколько на меня не подѣйствовало; и я теперь опытный и очевидный свидѣтель для васъ въ томъ, что положеніе страны нашей отнюдь не такъ опасно, какъ могло казаться нѣкоторымъ, и что если была какая-либо опасность, то она со дня на день уменьшается, и скоро должна пройти совершенно“. Проповѣдь эта, хотя и обличала малодушіе симферопольцевъ, произвела однако-же весьма сильное впечатлѣніе. „Слышавшіе это слово правды говорили, что оно такъ было сильно, что всѣ присутствовавшіе въ храмѣ слу-

шатели отъ стыда краснѣли и плакали и совершенно попяли, что сдѣланное ими было только одно малодушіе“ *). На другой день въ томъ-же самомъ Симферопольскомъ Александро-Невскомъ соборѣ пресвященный Иннокентій произнесъ новое слово; но это слово было уже словомъ не обличенія, а утѣшенія, ободренія, успокоенія. О духѣ его можно судить уже по самому его началу. „Не опечалилъ-ли я васъ вчера чѣмъ-либо, возлюбленныя?“—такъ онъ началъ теперь свою проповѣдь. „По той-же любви къ вамъ о Христѣ и по той-же ревности по васъ можно было, пожалуй, сказать что-либо и слишкомъ горькое... Но вы поймете, надѣюсь, и уразумѣете, какъ должно, причину и цѣль всего сказаннаго, и не будете огорчаться нашимъ словомъ, памятуя слово Священнаго Писанія, что достовѣрнѣе язвы друга, нежели льстивыя лобзанія врага“ (Притч. Солом. 27, 6).

Изъ Симферополя Иннокентій намѣревался отправиться въ Севастополь. Но князь Меншиковъ на этотъ разъ успѣлъ отговорить его. Тѣмъ не менѣе Иннокентій не отказался совсѣмъ отъ своего намѣренія и прибылъ въ Севастополь въ болѣе тяжкую для него пору. „Посѣщеніе его окровавленнаго и опаленнаго Севастополя,—говоритъ одинъ очевидецъ-свидѣтель крымскихъ событій **),—останется памятнымъ для меня навсегда. Я встрѣтилъ его въ Куринной балкѣ; я шелъ къ раненымъ въ 4 №. Мнѣ указали, что въ каретѣ, которая стоитъ, пріѣхалъ архіерей; я подошелъ и увидалъ въ ней Иннокентія. Не выдавши его почти пять лѣтъ, я нашелъ его очень постарѣлымъ. Я подошелъ къ нему во-время: лица, которыя должны-бы его встрѣтить и принять, по крайней мѣрѣ позаботиться о ночлегѣ, тутъ не случилось, и, конечно, онъ былъ доволенъ моими услугами, хотя я для него былъ совершенно постороннимъ лицомъ. Пальба въ это время была не сильна, только на курганѣ, да 1 и 2 №№ перестрѣливались. Онъ замѣтилъ, что предполагалъ гораздо болѣе, нежели видить, тѣмъ болѣе, что окружающія лица—въ нормальномъ состояніи, и онъ нисколько не замѣчалъ безпокойства, хотя мѣсто было не без-

*) Вѣнокъ, стр. 123.

**) Вѣнокъ стр. 124.

опасно. Я отвѣтилъ ему, что въ Севастополѣ никто не въ безопасности, а между тѣмъ никто о ней и не думаетъ, и не только здѣсь видите спокойствіе на лицахъ, но и тамъ, гдѣ теперь убиваютъ на бастіонахъ, и тамъ матросы играютъ въ карты по носкамъ и сказываютъ сказки,—иначе можетъ быть упадокъ духа, а это всего гибельнѣе. Я попросилъ людей у стоявшаго тутъ отряда при офицерѣ и, высвободившись съ каретой изъ этой трущобы, мы направились въ сѣверное укрѣпленіе, гдѣ онъ долженъ былъ остановиться. Когда поднялись на гору, то онъ приказалъ остановиться каретѣ и началъ подробно спрашивать о всякомъ бастіонѣ (съ этого мѣста видна была вся линія, огонь и непріятельскія батареи, траншеи и лагери). Прежде всего бросились въ глаза редуты: Камчатскій, Волынскій и Селенгинскій, которыми уже владѣлъ непріятель. Въ это время малаховцы съ Камчатскаго завели живую перестрѣлку. Осматривая всю линію, опоясывавшую южный Севастополь и глядя на непріятельскую позицію, онъ началъ дѣлать свои замѣчанія стратегическія... Въ сѣверномъ укрѣпленіи онъ остановился въ пустой солдатской палаткѣ, и сейчасъ-же нашлись знакомые ему: тутъ встрѣтился съ нимъ генералъ Тетеревниковъ; завязался разговоръ самый близкій къ положенію тогдашнихъ дѣлъ. Иннокентій говорилъ, что пріѣхалъ посмотреть Севастополь и пройти по траншеямъ; но генералъ ему не совѣтывалъ, и спасибо ему. Тоже самое мнѣніе имѣли и удерживали неумѣстное самоотверженіе главнокомандующій князь Горчаковъ и графъ Сакенъ... Каждый изъ знавшихъ Иннокентія знаетъ, что онъ не боялся смерти и готовъ былъ всегда жертвовать собою. Но его могли ранить или—и болѣе того. Онъ пошелъ-бы не одинъ по бастіонамъ. Въ это время собраніе нѣсколькихъ лицъ въ одномъ мѣстѣ привлекало все вниманіе непріятели и сыпались градомъ снаряды туда; а на бастіонахъ и траншеяхъ не только нельзя было сказать что-нибудь командѣ, но даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мы отправляли и богослуженіе шопотомъ, чтобы не слышно было непріятелю (когда онъ былъ въ 20 саж.)...“

Впрочемъ, въ это время Иннокентій все-таки успѣлъ до-

казать на дѣлѣ, что онъ не боялся смерти. Мы говоримъ о его поѣздкѣ къ графу Сакену. Поѣздка эта была соединена съ явною опасностію для жизни, но Иннокентій не остановился и предъ такою опасностію. Вотъ что рассказываетъ по этому случаю тотъ-же свидѣтель-очевидецъ, лично сопровождавшій преосвященнаго. „Спустя нѣсколько часовъ (послѣ прибытія Иннокентія въ сѣверное укрѣпленіе), говоритъ онъ, я перевозилъ Иннокентія съ сѣверной стороны на южную, на катеръ съ парохода „Эльборусъ“. Онъ ѣздилъ къ графу Сакену. Ему уже сказано было, что по рейду палятъ изъ мортирной батареи, поставленной въ развалинахъ Херсонеса; сказали уже, что нѣсколько часовъ раньше упала бомба на корабль „Парижъ“, прошла до киля и накуралесила порядкомъ. Съ благоговѣніемъ, но безъ страха, взшелъ онъ на катеръ, благословилъ гребцовъ. Я спросилъ: „благословите отваливать?“—„Съ Богомъ!“—Ребята ударили въ весла. Я сказалъ: „навались!“ (морское техническое слово—значить—сильнѣй). Мы отвалили; онъ сѣлъ, окинулъ взоромъ рейдъ и городъ и спросилъ: „а гдѣ Парижъ?“... Я ему рассказалъ имена судовъ, около которыхъ мы шли; то были: фрегатъ „Коварна“, пароходъ „Эльборусъ“, транспортъ „Березань“ и корабли: „Императрица Марія“, „Храбрый“, „Чесма“, „Парижъ“ и „В. К. Константинъ“. Мы были уже на серединѣ бухты, какъ летитъ бомба изъ Херсонеса. Я пристально гляжу на архіерея: мнѣ хочется видѣть, какъ на него подѣйствуетъ, и—грѣшенъ,—признаюсь, хотѣлъ, чтобъ бомба упала по ближе,—она упала у насъ за кормою, и онъ такъ былъ твердъ, что трудно было уловить перемѣну въ его лицѣ. Я сказалъ:—„навались!“—ребята навалились, и вотъ идетъ другая, и упала впереди насъ,—дѣйствіе тоже... Упавшія двѣ бомбы, одна впереди, а другая за кормою, въ бухту, разсѣяли волненіе, но нисколько не помѣшали нашему катеру, и мы благополучно пристали къ графской пристани (она же и Екатерининская). Когда мы вышли изъ катера, онъ (т. е. Иннокентій) замѣтилъ, что тутъ мало поврежденій и что вѣрно сюда мало палятъ. Я проводилъ его до Николаевской батареи, гдѣ квартировалъ графъ Сакенъ, а самъ отправился на

свое подворье. У Сакена онъ пробылъ недѣлю, и, когда возвращался, то графская пристань была уже разрушена; упавшая бомба на ступенькахъ разворотила и разнесла все, причемъ пострадали львы и другія украшенія пристани. Нужно замѣтить, что графская пристань была украшена колоннадой, въ нишахъ стояли мраморныя статуи, а при сходѣ въ бухту лежали два льва—тоже мраморные; всѣ эти украшенія вывезены изъ Италіи Лазаревымъ. Обрато владыка переправился безъ всякихъ приключеній и въ тотъ-же день успѣлъ еще съѣздить къ главнокомандующему князю Горчакову на Инкерманскія высоты“...

Во время самыхъ воинскихъ дѣйствій на Крымскомъ полуостровѣ Иннокентій не переставалъ совершать литургіи, молебствія, водосвятія, при чемъ, по обычаю, всегда сопровождалъ всѣ священнодѣйствія своимъ архипастырскимъ словомъ. Такъ, между прочимъ, онъ совершалъ Божественную литургію въ походной церкви въ сѣверномъ укрѣпленіи, когда Херсонесъ и часть Севастополя были уже въ рукахъ непріятеля; здѣсь-же онъ произнесъ одушевленное слово, благословлялъ солдатъ, раздавалъ имъ просфоры, убѣждалъ твердо стоять противъ враговъ Царя и отечества. На другой день онъ совершалъ литургію въ Михайловскомъ соборѣ въ 6 часовъ утра, а въ 8 часовъ, по окончаніи литургіи, на площади противъ адмиралтейства, онъ уже отправлялъ молебствіе съ водосвятиемъ, окроплялъ святою водою наши войска и орудія и благословлялъ иконами защитниковъ Севастополя—князя Горчакова, Коцебу, графа Сакена, Нахимова и др. Для этой именно цѣли ему были присланы святыя иконы изъ разныхъ мѣстъ Россіи: Знаменія Пресвятыя Богородицы—изъ Новгорода, Святителя Митрофана—изъ Воронежа, Святителя Николая и др. При врученіи этихъ иконъ, Иннокентій каждому присовокуплялъ нѣсколько теплыхъ словъ ободренія и благословенія. Какъ во все время совершенія литургіи, такъ и во время отпѣванія молебствія и врученія святыхъ иконъ пальба не прекращалась. Нѣсколько бомбъ пало недалеко отъ самаго собора. Страшный взрывъ закончилъ церковную церемонію.

Главнымъ предметомъ особой пастырской заботливости преосвященнаго Иннокентія во время Крымской войны были преимущественно госпитали, госпитальное духовенство и сестры милосердія, ухаживавшія за ранеными и больными воинами: чрезъ нихъ раненные снабжались перѣдко предметами продовольствія, собранными Иннокентіемъ,—духовными книгами и иконами. Изъ писемъ къ Иннокентію всѣхъ этихъ лицъ, говоритъ Н. И. Барсовъ (Хр. Чт. 1884 г. III—IV, стр. 514), можетъ составиться самая подробная хроника войны, неофициальная, которая, можетъ быть, во многомъ, измѣнитъ имѣющуюся доселѣ официальную исторію событій того времени, составленную по реляціямъ, освѣтивъ ее съ новыхъ точекъ зрѣнія и дополнивъ характеристиками дѣйствовавшихъ лицъ и множествомъ интересныхъ деталей къ этой грандіозной эпопеѣ.

Въ собраніи словъ преосвященнаго Иннокентія, произнесенныхъ имъ по случаю общественныхъ бѣдствій, находится два „слова послѣ побѣды“ и „слово въ первое служеніе послѣ сраженія“. Эти слова также были произнесены преосвященнымъ Иннокентіемъ на Крымскомъ полуостровѣ во время военныхъ дѣйствій 1853—1856 годовъ. Само собою понятно, что этими „словами“ еще далеко нельзя ограничивать ораторской дѣятельности Иннокентія за это время. Многіе изъ его словъ и рѣчей, произнесенныхъ экспромтомъ, остались незаписанными.

Въ февралѣ 1855 года былъ объявленъ Высочайшій манифестъ о государственномъ вооруженіи. Не было ни для кого тайною, какою опасностію угрожалъ непріятель нашему отечеству. Глубокое смущеніе охватило Россію; побережье Чернаго моря было близко къ отчаянію. Непріятель занялъ Крымскій полуостровъ. На Черномъ морѣ уже не было ни одного суда русскаго. Но Иннокентій не переставалъ ободрять и утѣшать свою паству. По прочтеніи Высочайшаго манифеста, онъ произноситъ слово въ кафедральномъ Одесскомъ соборѣ (13 февраля 1855 года, въ недѣлю Православія), которое состоитъ въ рѣшеніи вопроса: „Россіи-ли уступить малодушно побѣду надъ собою и правымъ дѣломъ сво-

имъ этой незаконной зависти и враждѣ, и, подобно невѣрному пѣкогда ученику, отречься-изъ страха рабыни отъ своего великаго и святаго предназначенія?“...

Не прошло и мѣсяца послѣ объявленія манифеста о государственномъ вооруженіи, какъ Россію постигло новое горе. На четвертой недѣлѣ великаго поста въ Одессѣ было получено прискорбное извѣстіе о кончинѣ Государя Императора Николая Павловича. Этому событію преосвященнымъ Иннокентіемъ было посвящено два слова. И странное совпаденіе обстоятельствъ! Въ четырехдесятницу этого именно года Иннокентій рѣшился предложить своимъ слушателямъ цѣлый рядъ бесѣдъ о смерти. На это совпаденіе обстоятельствъ не могъ не обратить вниманія прежде всего самъ, конечно, проповѣдникъ. „Начавъ, по случаю святаго и великаго поста, пастырскія собесѣдованія съ вами о смерти“, говорилъ онъ въ своемъ первомъ словѣ по поводу полученнаго извѣстія о смерти Императора Николая Павловича, — „думали-ль мы, братія мои, что, среди сихъ собесѣдованій, ужасный образъ смерти представитъ намъ въ лицѣ самаго возлюбленнаго Монарха нашего?“—Извѣстіе это было тѣмъ прискорбнѣе, что смерть Императора послѣдовала въ самую критическую пору, которую переживала тогда Россія. Только въ милосердіи Божіемъ и достоинствахъ новаго Императора Иннокентій могъ почерпнуть достаточно утѣшенія для своихъ слушателей.

Въ маѣ 1855 года, оставивъ Одессу, Иннокентій снова отправился въ Крымъ, чтобы утѣшать и подкрѣплять духъ какъ въ жителяхъ, такъ и въ войскахъ. А за нѣсколько дней предъ симъ, именно отъ 29-го апрѣля 1855 года, вотъ что писалъ онъ Макарію: „на дняхъ думаю провѣдать свой Крымъ. Двухъ скитовъ нашихъ—Херсонскаго и Инкерманскаго какъ не бывало. Первый, строенный едва не однѣми слезами, пошелъ на топливо для французовъ, а второй чуть не развалился весь отъ англійскихъ бомбъ и ядеръ. Севастополь сдѣлался истинною купиною—горитъ непрестанно и не сгараеть. Это теперь европейское кладбище. И здѣсь то особенно теперь во всей силѣ дышетъ и вѣетъ русскій духъ.

Войско готово все умереть, но не уступать святаго мѣста псамъ, какъ называютъ враговъ наши воины“.

Въ первыхъ числахъ сентября 1855 года въ Одессѣ получено было новое прискорбное извѣстіе: южная часть Севастополя была оставлена нашими войсками и занята непріятелемъ. Безнадежное уныніе и глубокое смущеніе охватило какъ всю Россію вообще, такъ и паству Иннокентія въ особенности. Бодрый пастырь не замедлилъ выступить предъ своею паствою съ новымъ словомъ ободренія и утѣшенія. 4-го сентября въ Одесскомъ кафедральномъ соборѣ оны произнесъ „слово по случаю унынія и смущенія народныхъ мыслей объ оставленіи нами южной части Севастополя“.

„Не смущаютъ-ли, братія, кого-либо изъ васъ недавнія вѣсти съ нашего полуострова?“ такъ началъ оны свое слово. „Кто вѣдаетъ истинное положеніе дѣлъ и знакомъ съ мѣстностію Севастополя, тотъ нисколько не будетъ смущаться тѣмъ, что мы его оставили, а еще обрадуется, узнавъ, что мужественные защитники Севастополя нашли способъ выйти съ такимъ достоинствомъ изъ своего чрезвычайно труднаго и, можно сказать, смертоноснаго положенія, продавъ врагу за великую цѣну то, что для насъ уже давно потеряло свое прежнее значеніе, а между тѣмъ продолжало требовать непрестанно новыхъ великихъ жертвъ“. По мнѣнію Иннокентія, взятіе непріятелемъ Севастополя не было дѣломъ неожиданнымъ,—его замедляло только чрезвычайное геройство его защитниковъ. Значеніе этого событія составляетъ главное содержаніе слова, которое въ данномъ случаѣ скорѣе можно назвать учено-милитарнымъ трактатомъ, чѣмъ церковною проповѣдію. Цѣль ея состояла главнымъ образомъ въ томъ, чтобы поддержать упавшій духъ народа, а вслѣдствіе этого самое взятіе Севастополя Иннокентій представляетъ не столь важнымъ событіемъ, какимъ оно было на самомъ дѣлѣ.

Еще до взятія Севастополя, въ Одессѣ всѣ были твердо убѣждены, что въ непродолжительномъ времени непріятель снова начнетъ бомбардированіе города. Въ виду этого нѣкоторыя прибрежныя укрѣпленія были усилены и исправлены, другія воз-

ведены вновь. Къ этому-то времени относится знаменитая рѣчь пресвященнаго Иннокентія, произнесенная 14-го мая 1855 г. на Щеголевской батарее при освященіи новыхъ одесскихъ батарей. „Долго-ли, спрашивалъ ораторъ, освящать вамъ страшныя орудія смерти и истребленія?—Мечу Божій, доколѣ будешь сѣщи и не увидиши почити въ ножны твоя?.. Увы, бѣдный родъ человѣческой, какъ немного уразумѣлъ ты, въ продолженіе цѣлыхъ седми тысячъ лѣтъ, тайну и цѣль бытія твоего на земли, и какъ мало приблизился ты къ своему высокому предназначенію!—Увы, святая вѣра христіанская, такой-ли черной неблагодарности надлежало ожидать тебѣ отъ собственныхъ сыновъ твоихъ за тѣ благодѣянія, какими ты ущедряла ихъ доселѣ и видимо превознесла надъ всѣми прочими народами!“ Въ доказательство сказаннаго Иннокентій указываетъ на то, что образованнѣйшіе изъ народовъ запада, именуясь христіанскими, все-таки продолжаютъ проливать кровь свою за непримиримыхъ враговъ христіанства, жертвуютъ жизнью избранныхъ сыновъ своихъ, для того только, чтобы продлить тиранское владычество ихъ надъ несчастными народами христіанскими...“ Прекрасно и молитвенное обращеніе къ Богу, заканчивающее рѣчь Иннокентія: „Господи и Владыко царствъ и народовъ, аще посланный Тобою Ангелъ истребитель еще не пожалъ всего числа жертвъ, предназначенныхъ къ истребленію: то да снидетъ сила Твоя и на сія орудія смерти и на тѣхъ, коимъ предлежитъ дѣйствовать ими; ибо мы увѣрены, что они будутъ дѣйствовать, какъ подобаетъ читателямъ пресвятаго и страшнаго имени Твоего! А если въ безднахъ премудрости и милосердія Твоего обрѣтается какое-либо средство ускорить концемъ брани и пришествіемъ вождельнаго мира: то да останутся, о Всеблагій, безъ дѣйствія и сія страшныя орудія и ихъ мужественные служители, о чемъ послѣднемъ, по христіанской любви къ человѣчеству, они умоляютъ благость Твою вмѣстѣ съ нами!“...

Предположенія о новомъ бомбардированіи Одессы, къ сожалѣнію, не замедлили оправдаться. Вскорѣ по взятіи Севастополя, именно 26-го сентября 1855 года, многочисленный непріятельскій флотъ явился снова предъ Одессою, угрожая жи-

телямъ города всѣми ужасами войны, разоренія и опустошенія, которымъ уже было подвергнуто южное побережье Крымскаго полуострова. Съ слѣдующаго-же дня и до 3 го октября, т. е. во все время блокады преосвященный Иннокентій не переставалъ совершать покаянныя молебствія и произносить свои одушевленные пастырскія рѣчи то на соборной площади, то въ кафедральномъ соборѣ. 3-го октября непріятель снова покинулъ Одессу, не причинивъ городу никакого вреда. И Иннокентій по этому случаю совершаетъ въ кафедральномъ соборѣ благодарственное молебствіе и произноситъ слово.

Если военныя дѣйствія того времени составляли злобу дня для каждаго русскаго подданнаго, любившаго свое отечество, то въ особенности это нужно сказать въ отношеніи къ Иннокентію. Все вниманіе его было поглощено ходомъ событій и военныхъ дѣйствій; всѣ силы его были направлены къ тому, чтобы облегчить трудность военнаго времени, чтобы принести какую-нибудь пользу своему отечеству. И словомъ, и дѣломъ онъ стремился къ этому. Проживая въ Одессѣ и посѣщая неоднократно Крымъ въ это тяжелое для Россіи время, онъ внимательно слѣдилъ за всѣми движеніями, постоянно былъ обложенъ военными картами и планами, интересовался и собиралъ самыя подробныя и всевозможныя свѣдѣнія о столь близкомъ къ его сердцу дѣлу Россіи. Знавшіе его близко въ то время утверждали, что тогда онъ былъ похожъ болѣе на полководца, чѣмъ на архіерея. „Вотъ что, рассказываетъ одинъ современникъ *), я самъ слышалъ въ Севастополѣ: „если-бы архіерея Иннокентія назначили начальникомъ на такое-то мѣсто, то дѣло было-бы хорошо“. Своими письмами къ Сакену и Горчакову онъ старался подкрѣплять, ободрять и поддерживать духъ въ главныхъ русскихъ руководителяхъ военнаго дѣла и не стѣснялся указывать имъ истинныя причины понесенныхъ нами неудачъ, ясно при этомъ обнаруживая свое пониманіе дѣла даже съ военной точки зрѣнія. Въ этомъ отношеніи большой интересъ представляетъ цѣлый рядъ вопросовъ, предложенныхъ Иннокентіемъ графу Д. Е. Остенъ-Сакену. Вотъ нѣ-

*) Вѣнокъ, стр. 123.

которые изъ нихъ: „Въ продолженіи осени и зимы были-ли одѣтъ нашъ солдатъ и дошло-ли до него множество тулуповъ и другихъ вещей, накупленныхъ въ имперіи?“— „Почему мы съ нашими силами, у себя дома, гдѣ, какъ говорятъ, и стѣны помогаютъ, ведемъ войну оборонительную и не можемъ перейти въ наступленіе?— феноменъ необыкновенный въ исторіи войнъ!“— „Отчего, главнымъ образомъ, зависѣлъ неуспѣхъ на Альмѣ, на Инкерманѣ и на Черной?“— На послѣдній вопросъ послѣдовалъ отъ графа такой отвѣтъ: „не дерзаю сказать ничего, на основаніи изреченія Спасителя: „не судите, да не судимы будете“...“

Слова и рѣчи, произнесенныя Иннокентіемъ по поводу событій Севастопольской кампаніи, быстро расходились по всей обширной Россіи; ихъ читали повсюду съ воодушевленіемъ и патриотическимъ возбужденіемъ. И если даже бывшіе наши непріатели хотѣли хотя посмотрѣть только на этого архіерея русскаго, то тѣмъ болѣе для соотечественниковъ преосвященный Иннокентій сталъ теперь предметомъ общаго вниманія и горячихъ симпатій. Московскій митрополитъ Филаретъ, въ своемъ исьмѣ къ Иннокентію отъ 6-го января 1854 года, указавъ на то, что Иннокентій стоитъ „близко брани и слышанія бранемъ“, пишетъ далѣе: „не прибавляйте намъ къ скорбямъ скорби вашею болѣзнію. Сила Божія да совершается въ немощи вашей. Слова ваши подають надежду, что духъ вашъ сохранить силу носить немощное тѣло и дѣятельно употреблять его“... „Въ прошедшемъ году Онь (Воскресшій) даровалъ вамъ въ сіе время безоружную побѣду и надъ видимымъ всеоружнымъ зломъ міра: да даруетъ и нынѣ или видимую побѣду, или совершенную неприкосновенность. Читая ваши слова, утѣшаюсь ихъ силою и вмѣстѣ ихъ свидѣтельствомъ, что здоровье ваше, при помощи Божіей, поддерживается“. А на поздравленіе съ заключеніемъ мира, Филаретъ отъ 21 апрѣля 1856 года отвѣчалъ Иннокентію: „какъ вы, такъ и мы утѣшены, что празднуемъ въ мирѣ. Вы имѣете особенное право на утѣшеніе въ мирѣ, потому, что мы страдали слышаніемъ брани, а вы входили въ самую брань и среди ея подвизались вашимъ священнымъ служеніемъ и словомъ“... Не менѣе сочувственно

относился къ патріотической дѣятельности Иннокентія и соименный Московскому святитель Кіевскій. Отъ 31 декабря 1854 г. онъ писалъ Иннокентію: „Въ годину велія искушенія православной Церкви и любезнаго отечества нашего крѣпко молимъ Господа Бога о спасеніи и избавленіи и молящися уповаемъ, что врата ада, который, кажется, воздвигъ всѣ свои козни и насилія, не одолѣютъ святой матери нашей. Вашему высокопреосвященству достался въ удѣль особенный пастырскій подвигъ въ сію годину. Подвизайтесь, Владыко святой, и словомъ и дѣломъ утѣшать и ободрять воинство христіанское и паству вашу“. — „На паству вашу, пишетъ онъ въ другомъ письмѣ отъ 4 апрѣля 1855 года, — въ настоящее время обращено вниманіе всего міра. Подвизайтесь, пастырю добрый, и словомъ и дѣломъ къ ободренію ея въ тяжелыхъ испытаніяхъ. Весьма желательное благословеніе міра; но съ звѣремъ едва ли достигнемъ міра, доколѣ онъ не будетъ укрощенъ силою свыше. Вашему высокопреосвященству подобаетъ расти, мнѣ же малиться“... А по поводу извѣстія о заключеніи мира Филаретъ писалъ Иннокентію отъ 2 апрѣля 1856 года: „И все наше отечество, а особенно паству вашу, столь много пострадавшую отъ войны, достоинъ привѣтствовать съ вождельнымъ миромъ. Вашему высокопреосвященству отъ всего сердца желаю долгоденствія и благоденствія“. — „Мы здѣсь всѣ, — писалъ Макарій изъ Петербурга, отъ 10 сентября 1854 года, — съ восхищеніемъ читаемъ ваши архипастырскія слова и рѣчи по случаю современныхъ событій; съ восхищеніемъ услышали о новой Монаршей къ вамъ милости (разумѣется пожалованіе Иннокентію алмазнаго креста для ношенія на клобукѣ) за доблестный подвигъ, относящійся къ чести и славѣ отечественнаго духовенства“... „Отъ всей души благодарю васъ за присланныя вами проповѣди“, писалъ онъ въ другомъ письмѣ отъ 16 августа 1855 г. „Я прочелъ ихъ съ умиленіемъ, а послѣднюю, сказанную въ Одессѣ, даже со слезами: говорю по совѣсти. Да и можно-ли не прослезиться?... Что за предметъ, что за духъ, что за краснорѣчіе!... Извините, обоими вашими словами я украсилъ сентябрьскую книжку „Христіанскаго чтенія“ *). Да сохра-

*) Разумѣется: 1) слово, произнесенное въ Севастополѣ, въ лагерной, что на

нить Господь Вашу жизнь на многія лѣта!“ — „Съ новою царскою милостію имѣемъ радость привѣтствовать ваше высокопреосвященство, писалъ также и Антоній, бывшій тогда ректоромъ Кіевской академіи, отъ 7 августа 1854 года. Въ высшей степени и назидательно и утѣшительно было для всѣхъ насъ слышать объ истинно пастырскихъ доблественныхъ дѣйствіяхъ вашихъ въ Одессѣ во дни тяжкаго искушенія, постигшаго ее, и читать поученія ваши по сему случаю, а теперь радостно видѣть и достойную награду за сіе — драгоцѣнный крестъ отъ царскихъ щедротъ. Что теперь враги креста? Все еще, какъ слышно, ходятъ окрестъ назадъ и впередъ въ виду Одессы. Да сохранитъ ее Господь отъ новаго незаконнаго нападенія!“

Послѣ заключенія мира съ западно-европейскими державами и Турціею, 8 апрѣля 1856 года, Иннокентіемъ было отслужено благодарственное молебствіе и произнесено слово, достойное и событія, и славнаго имени проповѣдника.

Страшное время военныхъ дѣйствій севастопольскихъ окончилось; но и послѣ заключенія мира, трудовъ у Иннокентія нисколько не уменьшилось *). Явилось множество заботъ о

сѣверномъ укрѣпленіи, церкви и 2) слово, произнесенное въ Одесской Успенской единоувѣрческой церкви, по возвращеніи изъ Севастополя.

*) Не лишнимъ считаемъ привести здѣсь еще одно изъ писемъ Иннокентія къ П. Н. Романовскому, также собственноручно имъ написанное и находящееся нынѣ въ нашемъ распоряженіи, — оно касается событій затронутого нами времени и содержитъ въ себѣ взглядъ Иннокентія на Крымскую войну и ея послѣдствія. Вотъ это письмо: „Мар. 1, 1856. Вы меня, почтеннѣйшій Н(иколай) Н(иколаевичъ), привѣтствовали дружески съ новымъ годомъ; а я васъ съ тѣмъ-же чувствомъ души привѣтствую со святымъ и великамъ постомъ. Не даромъ св. Церковь называетъ постъ весною душевною; точно это весна и во истину новый годъ, если подъ ветхимъ солнцемъ нашимъ есть что-либо новое. Да поможетъ-же вамъ Господь среди сея новыя весны набрать какъ можно больше цвѣтовъ духовныхъ, развести ихъ у себя и, глядя на нихъ, самому разцвѣсть предъ Господомъ!“

„Вы пишете, что на васъ возложена тяжесть предводительства. Какъ я ни желаю для васъ всякаго облегченія, но этой тяжести я почти радъ; ибо увѣренъ, что вы будете нести ее во имя Господне и съ истинною любовію къ человѣчеству. А теперь именно такое время, когда особенно нужны таковыя дѣлатели! О, въ трудныя времена досталось намъ дѣйствовать! Эта трудность нигдѣ такъ не видна, какъ у насъ. Разумѣю все наше побережье и съ Крымомъ. Я помню 12 годъ, и могу сравнивать: Какъ тогда, такъ и теперь шли не одинъ, а другъ

возстановленіи и исправленіи разрушеннаго войной. „Неволь-но, говоритъ Муравьевъ, посѣтившій Крымъ вскорѣ послѣ за-ключенія мира, сжимается сердце на самыхъ отрадныхъ, по красотѣ своей, мѣстахъ южнаго берега, при одномъ воспоми-наніи о Севастополѣ! Все къ нему влечетъ, какъ-бы теченіемъ береговымъ, въ неизбѣжную пучину, и его роднымъ пепломъ, далеко разносимымъ, мысленно посыпано все поморье, какъ лавою и пепломъ Везувія засыпались окрестные города. Не тотъ это уже Крымъ, которымъ восхищался я за десять лѣтъ предъ симъ, отъ края его и до края, отъ Керчи до Севасто-поля. Та-же чудная природа, но по ней какъ-бы простерся саванъ, объемлющій поморье, какъ эти дымныя облака, кото-рыя бродятъ около вершины Яйлы, спускаясь туманами въ до-лины. На всемъ лежитъ еще страшная рука минувшаго; по всему берегу говорятъ о французѣ, пренебрегая англичани-номъ, какъ будто-бы сюда, на мирный дотолѣ берегъ Таври-ды, спустился, съ возвышенной полосы средней Россіи, незаб-венный нашъ *двѣнадцатый годъ*... Одинокія мачты потоплен-ныхъ судовъ въ заливѣ Севастополя. гласятъ еще о гибели нашего флота. Съ обѣихъ сторонъ сего залива неотпѣтыя мо-гилы и самъ онъ, какъ бездонная могила, хотя и много сла-вы яркимъ заревомъ осіяло это страшное тризнице, гдѣ все, что только люди могли изобреѣсти адскаго для взаимнаго истреб-

за другомъ, всѣ апокалипсическіе кони съ всадниками. Теперь, когда война за-молкла, идетъ язва и болѣзнь. Страшно сказать, что она производятъ. Но до-вольно будетъ сказать, что производятъ зло, не меньшее самой войны.

„Странно, что никто изъ васъ (пе) издумалъ посѣтить Севастополя во время его годовой осады. Вещь была очень возможная, и даже не дивитесь, если скажу —не опасная. Но что бы посѣтитель увидѣлъ? Адъ на земли. Копечно, для мно-гихъ такое видѣніе не нужно; а нѣкоторымъ оно было-бы въ истинную пользу. Милости просимъ по крайней мѣрѣ посѣтить эти мѣста, по прошествіи брани... На Бородино-же путешествуютъ; но се болѣе Бородинна здѣ! Тутъ-же есть чему и поклониться; ибо здѣсь колыбель нашего православія—Херсонесъ священный.

„Братъ М(атвій) А(лексѣевичъ), слышу, осиротѣлъ. Провожайте его къ намъ. Ему-то именно стыдно было просидѣть въ такую эпоху дома и не явиться къ намъ раздѣлить наше обстояніе и горе. Посылаю вамъ книжицу во свидѣтель-ство того, что съ нами было. Въ эти два года мы пережили какъ-будто 20 лѣтъ. О. протоіерсею вашему, общимъ знакомымъ, начиная съ вашего семейства, мира, здоровья и радости!. Извѣщайте, хотя пзрѣдка, что происходитъ въ вашемъ кругѣ. Вѣдь онъ не далекъ отъ меня по сердцу!... а братъ слишкомъ молчаливъ“.

ленія, было ими изобрѣтено, и отъ столькихъ здѣсь столпившихся ужасовъ осталась только одна ужасная память того, что совершилось!..

Опустошенная войною святыня края, разоренные монастыри и церкви, нестроенныя еще кладбища падшихъ на брани воиновъ и другія епархіальныя дѣла Крыма всецѣло завладѣли вниманіемъ и заботами преосвященнаго Иннокентія. Почти все свое время онъ посвящалъ хлопотамъ о приведеніи въ исправность и надлежащій порядокъ того, что было разрушено и опустошено войною. Самъ лично онъ постоянно разъѣзжалъ по Крымскому полуострову, чтобы на мѣстѣ лучше можно было увидѣть, что и какъ слѣдовало устроить. Работа кипѣла повсюду: церкви, поврежденныя непріателемъ, поправляли, на нѣкоторыхъ мѣстахъ знаменитыхъ битвъ строили часовни, кладбища обносили рвами и оградами. Къ сожалѣнію, все это Иннокентіемъ было только начато, но не суждено ему было довести дѣло до конца...

Между тѣмъ событія шли своимъ чередомъ. Вся Россія, вздохнувъ свободно по окончаніи войны, готовилась къ радостному празднованію священнаго коронованія благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича, которое рѣшено было совершить 26 августа 1856 года. Для участвованія въ этомъ священномъ торжествѣ былъ, между прочимъ, назначенъ и преосвященный Иннокентій. По этому поводу Московскій митрополитъ Филаретъ, отъ 26 іюня 1856 года, писалъ Иннокентію: „сегодня получилъ я извѣщеніе, что вы приглашаетесь въ Москву къ священнодѣйствию коронованія Его Императорскаго Величества. Есть-ли вы не назначили себѣ мѣстопробываніе, предлагаю вамъ настоятельскія келліи въ Симоновѣ или въ Златоустовѣ монастырѣ. Тамъ просторнѣе, но далеко; здѣсь менѣе просторно, но ближе къ Кремлю. Благоволите увѣдомить меня, что избираете. Остаюсь въ пріятной надеждѣ личнаго собесѣдованія“.

Къ сожалѣнію, и на пути въ Москву, и все время своего пребыванія въ Москвѣ въ дни коронаціонныхъ празднествъ Иннокентій чувствовалъ себя весьма дурно и часто высказывалъ мысль, что больше ему уже не прійдется быть въ рус-

ской столицѣ. На возвратномъ пути изъ Москвы онъ пожелалъ заѣхать въ Харьковъ, гдѣ и пробылъ цѣлыхъ три дня. Въ это время (14 сентября 1856 года) по случаю коронаціи въ Харьковскомъ Императорскомъ университетѣ было устроено торжественное собраніе, на которое былъ приглашенъ и дорогой Харьковскій гость. Былъ здѣсь между прочимъ тогда и самъ министръ народнаго просвѣщенія. Ректоръ университета Фойгтъ, профессора: Лавровскій, Станиславскій и др. произнесли публичныя рѣчи: Лавровскій — „о педагогическомъ значеніи сочиненій Екатерины Великой“, Станиславскій — „о происхожденіи положительнаго права“. По своему одностороннему направленію, заправленному духомъ грошоваго либерализма, рѣчь Станиславскаго слишкомъ не по душѣ была пресвященному Иннокентію, такъ что онъ написалъ даже на нее свои „Замѣчанія“, начинающіяся эпиграфомъ изъ книги премудрости Іисуса сына Сирахова (XIX, 19), процитованнымъ на латинскомъ языкѣ: „Improbitalis scientia non est sapientia, neque est prudentia, ubi consilium peccatorum“ (Нѣсть премудрость—вѣдѣніе лукавства, и нѣсть разума, идѣ-же совѣтъ грѣшныхъ). „Замѣчанія“ эти (на 19 листахъ), неизданныя доселѣ, въ настоящее время находятся въ нашемъ распоряженіи, благодаря любезности о. пастоятеля Харьковской Воскресенской церкви протоіерея Гавріила Федоровскаго, получившаго ихъ въ даръ отъ близкаго къ Иннокентію человѣка—священника Калиновича. Профессоръ Станиславскій, какъ видно, принадлежалъ къ числу послѣдователей такъ называемой *исторической школы* и усвоилъ себѣ ея тенденціи... Лозунгъ Николаевскаго царствованія—„православіе, самодержавіе и народность“ не встрѣтилъ одобренія на этомъ собраніи; вмѣсто него были провозглашены новыя начала предстоявшаго царствованія „въ тройственномъ союзѣ правды, труда и науки“. Опредѣливъ, что такое положительное право въ его отличіи отъ права естественнаго и замѣтивъ, что вопросъ о происхожденіи положительнаго права принадлежитъ къ разряду самыхъ запутанныхъ вопросовъ по односторонности направленія ученыхъ, упомянувъ, наконецъ, о вѣковомъ разладѣ между юристами-практиками и юристами-философами и находя справед-

ливыми упреки, дѣлаемые послѣдними первымъ, профессоръ Станиславскій исходною точкою своего изслѣдованія ставить ученіе, господствовавшее въ Германіи до появленія „исторической школы правовѣдѣнія“ въ концѣ XVIII столѣтія, т. е. предъ началомъ, злополучной памяти, французской революціи. „Сущность этого ученія, говорилъ профессоръ, состояла въ томъ, что государство представляемо было какъ нѣчто не зависящее отъ своего естественнаго основанія,—отъ народа, а вслѣдствіе того и право рассматриваемо было, какъ произведеніе власти государственной—власти законодательной“. Г. профессору, говоритъ Иннокентій въ своихъ „замѣчаніяхъ“ (стр. 4), не нравится это старинное положеніе и онъ приступаетъ къ изложенію противоположнаго ученія „исторической школы“, къ послѣдователямъ которой онъ самъ хотѣлъ принадлежать. Гуго Геттингенскій, проникнутый духомъ историческаго законовѣдѣнія XVI и XVII столѣтій, преимущественно ученіемъ Куяція и Шультинга, первый рѣшился выступить противу господствовавшихъ убѣжденій съ неотразимыми, по мнѣнію г. профессора, доказательствами ихъ неосновательности и высказалъ основную мысль, что положительное право есть органическое цѣлое, которое надобно рассматривать не какъ совокупность постановленій законодательной власти, но какъ одно изъ важнѣйшихъ проявленій духовной производительности извѣстнаго народа“. „Т. е., поясняетъ Иннокентій въ своихъ „замѣчаніяхъ“, если какое-либо государство представить себѣ, какъ живое, органическое, на примѣръ, человѣческое тѣло, то власть имъ управляющая и содержащая весь порядокъ душевныхъ и тѣлесныхъ отправленій происходитъ не отъ головы, а отъ брюха“. „Народность есть основаніе государства и права; постановленія власти законодательной должны быть почерпаемы изъ народнаго духа и сознанія“. „Т. е., опять поясняетъ Иннокентій рѣчь профессора Станиславскаго,—что брюхо пожелаетъ, то голова должна исполнять, передавая повелѣнія его исполнительной власти органамъ движенія: рукамъ и ногамъ. Вотъ сущность ученія исторической школы,—ученія, которому слѣдуетъ г. профессоръ и „котораго представитель г. Савиньи (F. C. V. Savigny) строго, но справедливо, по мнѣнію г. про-

фессора, оцѣнилъ три замѣчательнѣйшіе европейскіе кодексы!“ Преосвященнаго Иннокентія при этомъ особенно возмутило то, что свои воззрѣнія профессоръ Станиславскій задумалъ оправдывать еще и данными Св. Писанія, надѣвая на себя „библейскую личину“. Къ сожалѣнію здѣсь не мѣсто подробно знакомить нашихъ читателей съ этимъ интереснымъ произведеніемъ Иннокентіевскаго пера...

Изъ Харькова Иннокентій проѣхалъ въ столь любимый имъ Святогорскій монастырь. И архимандритъ Арсевій, бывшій еще тогда настоятелемъ Святогорскаго монастыря, два года спустя (въ 1858 году) рассказывалъ А. Н. Муравьеву, что въ последнее посѣщеніе обители, когда возвращался съ коронаціи, преосвященный Иннокентій уже предчувствовалъ свою близкую кончину и, прощаясь во св. вратахъ, поклонился до земли настоятелю и всему братству, прося себѣ прощенія, если чѣмъ ихъ оскорбилъ во время управленія его епархіею, потому что, присовокупилъ онъ, мы уже не свидимся болѣе въ земной жизни“ *).

Во время своего управленія Херсонскою епархіею преосвященный Иннокентій не переставалъ заниматься и трудами учеными. Такъ, кромѣ хлопотъ по изданію своихъ проповѣдей, онъ все еще продолжалъ трудиться и надъ составленіемъ „Догматическаго Сборника“. „Новый годъ что-то начался для меня тяжело, писалъ Иннокентій Макарію отъ 14 января 1851 года,—около трехъ недѣль страдаю отъ простуды,—въ постелю не кладетъ, но и дѣлать ничего путемъ не даетъ. А много-бы есть чѣмъ заняться, начиная съ сборника“. Тѣмъ не менѣе, къ сожалѣнію, нужно сказать, что трудъ этотъ такъ и остался неоконченнымъ. Изъ экзегетическихъ трудовъ Иннокентія доселѣ въ печати не явилось ни одного **). Но онъ много трудился и надъ толкованіемъ Слова Божія. Съ этою

*) Впечатлѣнія Украины и Севастополя 1859 года, стр. 2.

***) Впрочемъ, Н. И. Барсовъ, профессоръ С.-Петербургской духовной академіи, охотно готовъ приписать Иннокентію „Разборъ нѣкоторыхъ мѣстъ русскаго перевода Евангелія, изданнаго Библейскимъ Обществомъ въ 1823 году“. Этотъ „разборъ“ тѣмъ же Н. И. Барсовымъ нынѣ отпечатанъ въ „Чтеніяхъ въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія“, 1884 г., іюль—августъ, стр. 33—40.

именно цѣлю онъ просилъ Макарія выслать ему извѣстное сочиненіе Гретца—*Commentair in Matheum*. Впрочемъ, въ недавнее время въ печати опубликовано, составленное Иннокентіемъ для Великаго Князя Константина Николаевича, истолкованіе многихъ неудобопонятныхъ выраженій, встрѣчающихся въ псалтырѣ и другихъ богослужебныхъ книгахъ православной Церкви. О научномъ достоинствѣ этого толкованія можно судить по тому, что вмѣстѣ съ нимъ Иннокентій тогда же писалъ Его Высочеству: „удостоенный высокаго порученія Вашего, спѣшу представить Вамъ краткое поясненіе тѣхъ мѣстъ и выраженій нашего церковнаго молитвенника, кои темнотою своею запинали для Васъ стремленія духа молитвеннаго. Поелику темнота сія происходитъ въ молитвенникѣ не отъ самаго предмета, а отъ образа его изложенія, т. е. отъ не точности и устарѣлости славянскаго перевода: то, для разъясненія ея, естественно, надлежало обратиться къ подлиннику греческому и еврейскому, что и сдѣлано мною съ возможною точностію, безъ привода однако-же на бумагѣ самыхъ словъ подлинника, такъ какъ это, безъ особенной нужды, распространило-бы сдѣланныя мною для Васъ примѣчанія и придало-бы имъ школьный видъ. Гдѣ самый подлинникъ, особенно еврейскій, по глубокой древности языка и оригинальности выраженій, не представлялъ желанной ясности,—тамъ призвана была мною на помощь священная археологія, безъ ученаго, однако-же, ея снаряда, который также показался мнѣ въ настоящемъ случаѣ неумѣстнымъ“.

Не мало интересовался преосвященный Иннокентій также и современною ему церковно-общественною жизнью,—слѣдилъ за развитіемъ раскола и борьбою съ нимъ, равно какъ занимался изслѣдованіемъ сущности и исторіи русскаго скопчества. Съ этою цѣлю онъ просилъ Макарія сдѣлать для него выписки изъ толковниковъ на извѣстное мѣсто изъ евангелія отъ Матѳея, на которое обыкновенно ссылаются скопцы, какъ на мнимое оправданіе своего заблужденія; съ этою цѣлю онъ просилъ выслать ему и ту часть „Христіанскаго чтенія“, въ коей помѣщена статья противу скопцовъ.

Въ это-же время Иннокентій составилъ и нѣсколько ака-

листовъ, каковы: Пресвятой Троицѣ, Воскресенію Христову, Архангелу Михаилу и къ причащенію Святыхъ Таинъ. Отсылая къ Макарію акаѳистъ Архангелу Михаилу, онъ писалъ ему между прочимъ слѣдующее: „думаю, что васъ, не смотря на Аландскія острова, еще не взяли въ плѣнъ англичане; мы тоже ходимъ покамѣстъ на свободѣ, и потому занимаемся кое-чѣмъ на досугѣ. Прилагаемая при семъ книжица есть плодъ подобныхъ занятій. Она предназначена для здѣшняго сиротъ-воспитательнаго Михаило-женскаго монастыря, который содержится почти всецѣло церковными доходами. Для сего между прочимъ у нихъ служится въ понедѣльникъ акаѳистъ св. Михаилу, читавшійся доселѣ по тетради, выписанной изъ извѣстнаго Почаевскаго акаѳистника. И лучше конечно будетъ, если позволятъ напечатать и употреблять вновь составленный. Но для сего, какъ вѣдаете, ему надобно пройти не мало мытарствъ. И вотъ среди ихъ то вы благоволите взять эту книжицу подъ ваше опытное руководство. Еслибы паче чаянія въ ней открылось что-либо колеблющее Церковь и отчество, — въ такомъ разѣ нечего показывать ее и на усмотрѣніе Синода, а если она явится достойною того, чтобы быть представленной Синоду для пропуска, то о времени представленія ея туда дайте мнѣ знать, дабы я успѣлъ во время закинуть тамъ слово благо въ пользу ея. Хочется дѣло довести до конца, потому что этимъ дается и немалый кусокъ хлѣба для сиротъ и монахинь. Подобнаго происхожденія всѣ мои акаѳисты, т. е. мною редактированныя, что въ сущности они существовали, кажется, у насъ еще задолго до книгопечатанія“...

Въ Одессѣ-же Иннокентій въ третій разъ занялся хлопотами объ изданіи своего давняго, обширнаго и знаменитаго труда — „Послѣдніе дни земной жизни Господа нашего Іисуса Христа“. „Пересматривая недавно свою бібліотеку, — писалъ онъ Макарію отъ 29 апрѣля 1855 года, — невольно наткнулся я на три тома рукописи съ послѣдними днями земной жизни Спасителя, которая цѣлые десятки лѣтъ стоитъ безъ движенія, съ тѣхъ поръ, какъ ей не посчастливилось въ вашей цевзурѣ, благодаря усердію о. Райковскаго. Перевернувъ нѣсколько десятковъ листовъ въ рукописи, я нашель, что она, при нѣко-

торой перечисткѣ мыслей и выраженій, при нѣкоторыхъ небольшихъ пропускахъ и добавленіяхъ, могла бы явиться въ свѣтъ. И вотъ это сдѣлано уже мною надъ первымъ томомъ. Остается узнать: можно-ли прислать его въ вашу цензуру или къ вамъ для сдачи его туда? Недоумѣніе рождается отъ того, что эта рукопись уже была въ вашей цензурѣ и не пропущена ею. Благоволите посему преподать намъ наставленіе, которому мы послѣдуемъ неуклонно". На этотъ разъ хлопоты Иннокентія увѣнчались успѣхомъ: изданіе въ свѣтъ его прекраснаго произведенія было разрѣшено; но безпощадная смерть, къ сожалѣнію, похитила автора раньше, чѣмъ оно вышло изъ подъ типографскаго станка.

По порученію Императорской академіи наукъ, въ 1854 г. преосвященный Иннокентій разсматривалъ догматическое богословіе ректора С.-Петербургской академіи, епископа Макарія и, по разсмотрѣніи, представилъ свой отзывъ. Отзывъ этотъ весьма интересенъ; съ одной стороны онъ показываетъ намъ, какую глубокою эрудиціею обладалъ самъ рецензентъ, а съ другой — свидѣтельствуетъ и о томъ, насколько Иннокентій былъ благороденъ въ сужденіи о чужомъ трудѣ и какъ радъ онъ былъ поддерживать выдающіеся таланты, хотя-бы они и грозили затменіемъ его собственной славы. „Разсматриваемое нами сочиненіе, — такъ начинается Иннокентій свой отзывъ, — составляетъ собою рѣдкое и самое отрадное явленіе въ нашей богословской литературѣ, подобнаго коему она давно не видала на своемъ горизонтѣ и, по всей вѣроятности, не скоро увидитъ опять. Самыя иностранныя богословскія литературы, не смотря на ихъ давнее развитіе и вѣковыя усовершенствованія, не представляютъ, особенно въ современности, творенія съ такими достоинствами, какъ православная догматика преосвященнаго Макарія. Богословіе, какъ наука, подвинуто симъ многоученнымъ твореніемъ далеко впередъ и много пріобрѣло уже тѣмъ, что разоблачено въ немъ совершенно отъ схоластики и латинскаго языка и такимъ образомъ введено въ кругъ русской литературы и предложено, такъ сказать, ко всеобщему употребленію для всѣхъ любителей богословскихъ познаній. Но самая большая заслуга автора состоитъ въ томъ, что въ сочиненіи

его въ первый разъ изображены со всею силою и убѣдительною, ученымъ и вмѣстѣ удобопонятнымъ языкомъ, тѣ догматы и положенія, коими православная Церковь восточная отличается отъ всѣхъ прочихъ вѣроисповѣданій христіанскихъ. Послѣ сего иностранный богословъ никакъ не можетъ сказать, что въ восточной Церкви привыкли вѣровать въ свои мнѣнія безотчетно: ибо въ новой православной догматикѣ содержится такой отчетъ во всемъ, подобнаго коему доселѣ не представили большая часть церквей неправославныхъ“.

Приступая затѣмъ въ частности къ разбору догматики Макарія, Иннокентій прежде всего касается ея плана, метода, объема и способа изложенія.

„Во 1-хъ, относительно плана, говоритъ Иннокентій, преосвященный Макарій умѣлъ положить основу своему сочиненію гораздо лучше и прочнѣе своихъ предшественниковъ и вообще другихъ обработывателей догматическаго богословія. Принявъ за исходную точку самое понятіе о христіанской религіи, какъ не просто только первобытной или представляющей естественный союзъ человѣка съ Богомъ, но религіи въ ея дополненномъ чрезъ Откровеніе и исправленномъ видѣ, — какъ союзъ падшаго человѣка съ Богомъ, возстановленный сверхъестественно чрезъ таинство искупленія и благодати, — онъ раздѣлилъ свою догматику самымъ естественнымъ образомъ на двѣ части, по самому роду догматовъ, изъ которыхъ одни принадлежатъ ей, какъ религіи вообще, а другіе, — какъ религіи возстановленной, сверхъестественной христіанской. Въ первой излагается ученіе о Богѣ и объ отношеніи Его къ человѣку естественномъ и общемъ, какое имѣлъ къ нему Богъ въ религіи первобытной и имѣетъ равно ко всѣмъ прочимъ существамъ міра, какъ ихъ Творецъ и Промыслитель; во второй ученіе о Богѣ, какъ Спасителѣ человѣковъ падшихъ, и объ отношеніи Его къ человѣческому роду особенномъ, сверхъестественномъ, какое Богъ имѣетъ исключительно къ человѣку въ религіи возстановленной, какъ нашъ Искупитель, Освятитель, Судія и Мздовоздатель.

„Во 2-хъ, въ отношеніи къ методу или способу раскрытія истинъ богословскихъ, у преосвященнаго Макарія каждый дог-

мать обозрѣвается и раскрывается со всѣхъ сторонъ, съ какихъ только онъ можетъ съ пользою явиться въ наукѣ. Разсмотрѣніе всегда открывається обстоятельнымъ изложеніемъ о предметѣ ученія Церкви, какъ хранительницы православія, и авторъ, не ограничиваясь здѣсь приведеніемъ только главныхъ пунктовъ этого ученія касательно главныхъ догматовъ, выставилъ оное (первый) съ отчетливостію касательно всѣхъ прочихъ, — даже въ отношеніи къ нѣкоторымъ частнымъ истинамъ. За изложеніемъ ученія Церкви, относительно каждаго догмата, всегда слѣдуетъ подтвержденіе его изъ Священнаго Писанія, и гораздо превосходнѣе, нежели у прежнихъ догматиковъ, какъ относительно обилія текстовъ и выбора ихъ, такъ и въ особенности относительно раскрытія и приложенія къ доказываемому предмету. Вслѣдъ за указаніемъ на существованіе догматовъ въ Священномъ Писаніи, всегда съ подробностію приводится, какъ сіи же самыя догматы постоянно существовали въ преданіи Церкви вселенской и являются цѣлыя ряды свидѣтелей сего преданія—Отцы и учителя Церкви первыхъ шести вѣковъ. За симъ къ дальнѣйшему поясненію догматовъ, авторъ призываетъ на помощь и самую исторію ихъ, которая, по важности своей, давно составила изъ себя даже и особую науку въ иностранныхъ литературахъ, а у насъ оставалась въ забвеніи, и даетъ въ своей догматикѣ мѣсто для безпристрастнаго взора здраваго разума на догматы христіанскіе, удачно избѣгая при этомъ двухъ недостатковъ—направленія раціоналистическаго и схоластическаго. И наконецъ нравственные выводы изъ догматовъ, коими заключается у автора каждая глава, вездѣ являются въ приличной полнотѣ, проникнутые христіанскимъ чувствомъ, и какъ зрѣлый сочный плодъ, заставляютъ желать извѣдать ихъ собственнымъ вкусомъ на опытѣ.

„Въ 3-хъ, на счетъ объема содержанія, который предначерталъ себѣ преосвященный Макарій, догматика его превосходитъ всѣ бывшіе до него опыты этого рода въ русской литературѣ. Этому онъ достигъ, кромѣ обширности самаго метода, во-первыхъ тѣмъ, что далъ мѣсто въ своей догматикѣ нѣкоторымъ дотолѣ не включеннымъ въ нее предметамъ, какъ напримѣръ очеркъ постепеннаго раскрытія догматовъ въ пра-

вославной Церкви, исторія самой догматики и проч.; а во-вторыхъ тѣмъ, что онъ съ особенною обстоятельностью старался раскрывать тѣ догматы, которые составляютъ отличительный характеръ православнаго ученія Восточной Церкви и отвергаются или превращаются въ другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданіяхъ, какъ напримѣръ ученіе о вѣчномъ происхожденіи Святаго Духа отъ Бога Отца, о седми таинствахъ Церкви, о почитаніи и призываніи на помощь Святыхъ, о молитвахъ за умершихъ и прочее.

„Въ 4-хъ, и по самому изложенію догматическое богословіе преосвященнаго Макарія отличается отъ всѣхъ предшествовавшихъ ему сочиненій въ этомъ родѣ; оно написано чистымъ, правильнымъ, современнымъ русскимъ языкомъ, который легко можетъ понимать каждый сколько-нибудь образованный и смыслящій русскій человѣкъ; притомъ это сочиненіе изложено не столько въ формѣ академическаго учебника, сколько въ видѣ общенароднаго руководства, и потому освобождено отъ всѣхъ скучныхъ и тяжелыхъ формъ схоластики, почти неизбежныхъ въ краткихъ школьныхъ учебникахъ. Авторъ, при его особенномъ дарѣ выражаться о самыхъ возвышенныхъ предметахъ просто и ясно, умѣлъ достигнуть въ своемъ сочиненіи высшей степени общепонятности. Со всею справедливостію можно сказать, что наука православно-догматическаго богословія, которая доселѣ, какъ наука, была исключительно достояніемъ школы, выведена авторомъ изъ тѣсныхъ стѣнъ ея въ область дѣйствительной жизни и предложена для общенароднаго употребленія“.

Наконецъ, сравнивъ догматическое богословіе Макарія съ лучшими иностранными догматиками того времени, какъ напримѣръ Перроне, Клеэ, Штауденмайера и др., преосвященный Иннокентій заключаетъ свой критическій отчетъ слѣдующимъ общимъ выводомъ:

„Вообще православно-догматическое богословіе преосвященнаго Макарія представляетъ:

а) Грудь совершеннѣйшій изъ всѣхъ, какіе являлись у насъ доселѣ на томъ-же поприщѣ, и не только равняющійся по ученой обработкѣ съ лучшими современными иностранными

опытами, но и въ немалыхъ отношеніяхъ далеко ихъ превосходящій.

б) Трудъ самостоятельный и оригинальный, потому что авторъ ни въ системѣ, ни въ методѣ, ни въ способѣ изложенія истинъ не слѣдовалъ никому изъ отечественныхъ и иностранныхъ богослововъ, а шелъ своимъ путемъ, глубоко обдуманнымъ и вѣрно предъизмѣреннымъ, черпалъ свѣдѣнія изъ первыхъ источниковъ, изъ коихъ многіе имъ собственно найдены и всѣ имъ значительно разработаны, и такимъ образомъ при неутомимомъ трудѣ воздвигнуто стройное и громадное цѣлое, которое, при всемъ желаніи подобныхъ явленій, по всей вѣроятности, надолго останется единственнымъ.

в) Трудъ, удовлетворяющій всѣмъ современнымъ требованіямъ науки, по стройной системѣ и выводу всѣхъ частей и истинъ изъ одного начала, по глубокой и обширной учености автора, по господствующему историческому направленію, столь сродному богословію, какъ наукѣ положительной, по отличной ясности и вразумительности въ способѣ раскрытія истинъ, даже по слогу чисто русскому, постоянно носящему, притомъ, на себѣ печать здраваго вкуса.

г) Трудъ, составляющій важную заслугу не только для науки православнаго богословія, которую авторъ несомнѣнно подвинулъ весьма далеко впередъ,—не только для духовнаго нашего образованія, въ исторіи котораго появленіе на свѣтъ догматики его послужитъ нѣкогда одною изъ замѣчательнѣйшихъ эпохъ,—но и вообще для всей Церкви русской, для всѣхъ православныхъ соотечественниковъ, кои получаютъ въ этомъ трудѣ,—чего давно желали,—возможно полное, стройное, основательное и общедоступное изложеніе отличительныхъ догматовъ своей Церкви, столь драгоценныхъ для ихъ ума и сердца“.

Составивъ этотъ отзывъ и отославъ его въ Императорскую академію наукъ, Иннокентій отъ 18-го апрѣля 1854 года писалъ Макарію: „книга ваша отослана мною, куда слѣдуетъ и съ чѣмъ слѣдуетъ, послана 3-го апрѣля. Жаль, что время не позволило мнѣ распространиться въ разсмотрѣніи сего важнаго произведенія, но для цѣли будетъ достаточно“.

Что отзывъ былъ сдѣланъ Иннокентіемъ только по его вну-

тревнему убѣжденію, — въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Еще гораздо раньше, именно отъ 14-го января 1851 года, когда вышелъ въ свѣтъ только первый томъ догматики Макарія и когда Иннокентій не могъ еще и думать о томъ, представить-ли Макарій свой трудъ въ академію наукъ и будетъ-ли онъ порученъ его разсмотрѣнію, — онъ, жалуясь на свои неудобства въ ученыхъ занятіяхъ, писалъ Макарію далѣе: „желаемъ утѣхи по крайней мѣрѣ вамъ. Ведите къ концу догматику, которая надолго останется представительницею степени нашихъ успѣховъ по богословской литературѣ“.

Свящ. М. Буткевичъ.

(Продолженіе будетъ).

ЗАПАДНАЯ СРЕДНЕВѢКОВАЯ МИСТИКА

и

ОТНОШЕНІЕ ЕЯ КЪ КАТОЛИЧЕСТВУ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ.

Историческое значеніе средневѣковой мистики.—Характеристика мистики и общая критическая оцѣнка ея.—Краткій очеркъ исторіи восточной мистики.—Языческая восточная теософія.—Неоплатонизмъ.—Еретическіе мистическіе элементы въ гностицизмъ и въ монтеизмъ.—Созерцательное богословское направленіе въ греко-восточной Церкви.—Главнѣйшіе представители его: Св. Діонисій Ареопагитъ, пр. Макарій Египетскій и пр. Максимъ Исповѣдникъ.—Характеристическія особенности ихъ богословскаго міросозерцанія.—Іоаннъ Скоттъ Эригена, какъ отецъ западной средневѣковой мистики.—Развитіе западной мистики послѣ Эригены и раздѣленіе ея по направленіямъ.

Западная средневѣковая мистика имѣетъ важное историческое значеніе преимущественно по своему оппозиціонному отношенію къ католицизму. Въ умѣренномъ видѣ оппозиціонное отношеніе къ католицизму замѣчается уже у мистиковъ, жившихъ въ эпоху крестовыхъ походовъ, не смотря на то, что они вообще старались придерживаться церковнаго направленія: оно выражается преимущественно въ осужденіи многими изъ этихъ мистиковъ злоупотребленій католической іерархіи, а равно и того чувственнаго, мірскаго направленія, которое принимала въ это время церковь, въ несочувствіи схоластической теологіи, съ ея формальнымъ разсудочнымъ отношеніемъ къ истинамъ вѣры, наконецъ, въ отрицаніи нѣкоторыхъ частныхъ догматическихъ и обрядовыхъ нововведеній, которыя

допускались папами и утверждались схоластиками. Но открыто и рѣшительно оппозиціонное отношеніе къ католичеству обнаруживается въ западной мистикѣ съ XIV вѣка, именно съ того времени, когда, благодаря схоластикамъ, съ полною опредѣленностію устанавливается своеобразная католическая религіозная система, когда вмѣстѣ съ тѣмъ злоупотребленія католической іерархіи достигаютъ крайнихъ размѣровъ. Тогда представители такъ называемой „нѣмецкой мистики“ разрываютъ связь съ схоластикой, отрицаютъ значеніе католической религіозной системы въ тѣхъ отличительныхъ пунктахъ, въ которыхъ она препятствовала свободному духовному развитію человѣческой личности и, подѣ влияніемъ своего страстно-враждебнаго отношенія къ католичеству, вслѣдствіе чрезмѣрнаго стремленія къ одухотворенію христіанства (оматеріализированнаго католичествомъ), — стремленія, основаннаго на внутреннемъ субъективномъ религіозномъ чувствѣ, доходятъ до того, что вообще отвергаютъ всю высшую сторону христіанства, проводя идеи объ оправданіи вѣрою, объ общемъ священствѣ всѣхъ христіанъ и т. д. Такъ нѣмецкая мистика получаетъ смѣлое реформатское направленіе и подготавливаетъ путь къ протестантизму ¹⁾. Идеи, выраженные нѣмецкими мистиками, не остаются въ теоріи: онѣ находятъ себѣ живое сочувствіе въ нѣмецкой паціи и соотвѣтствующее практическое приложеніе

¹⁾ Лютеръ въ сущности былъ выразителемъ того ученія, которое раньше его развивалось нѣмецкими мистиками. Эту связь между Лютеромъ и средневѣковыми мистиками сознаютъ и западные ученые, которые потому причисляютъ этихъ мистиковъ къ предшественникамъ реформации (Ullmann, *Reformatoren vor der Reformation* B. II. S. 280). Бэрингъ, восторгаясь, съ своей протестантской точки зрѣнія, нѣмецкою мистикою, между прочимъ такъ одѣнываетъ значеніе ея по отношенію къ протестантизму: „черезъ мистиковъ исполнилось для насъ время законнаго средневѣковаго христіанства подобно тому, какъ для ново-завѣтнаго общества вообще завершился Моисеевъ законъ черезъ его пророковъ.—Евангелическіе мистики были пророками реформации; безъ предварительной ихъ дѣятельности реформаторы, сами богато вскормленные млекою внутренней вѣры, съ трудомъ могли-бы совершить свое великое дѣло“. Thomas von Kempen *der Prediger der Nachfolge Christi...* Bernhard Baehring. Leipzig. 1872. S. 7. То несомнѣнно, что Лютеръ самъ воспитался на сочиненіяхъ мистиковъ, какъ, между прочимъ, Канисъ говоритъ, что мистика Бернарда, Таулера и нѣмецкой теологій руководила имъ въ его стремленіи къ углубленію по внутреннюю сторону христіанства. (*Der Kirchenglaube*. Dr. Kahnis 1864 г. II B. S. 362).

въ ея жизни. Въ Германіи, подъ вліяніемъ спекулятивно-реформаторской теософіи, образуется обширный мистико-піетическій союзъ, извѣстный подъ именемъ „друзей Божіихъ“, постепенно возрастающій, члены котораго устрояютъ свою жизнь по новымъ началамъ. Мало-по-малу вся германская нація предъ началомъ реформаціи съ необыкновенной силою проникается мистическимъ религіознымъ настроеніемъ, которое доходитъ до высшей степени экзальтированности и, подобно эпидеміи, распространяется съ необыкновенною быстротою по другимъ странамъ, примыкающимъ къ Германіи. Въстѣ съ тѣмъ въ XIV вѣкѣ окончательно организуются секты, которыя, проводя мистическія начала съ болѣе строгою послѣдовательностію, подвергаютъ христіанство самому крайнему искаженію въ теоретическомъ и практическомъ отношеніяхъ. Секты эти были, повидимому, недолговѣчны: многихъ изъ нихъ мы не встрѣчаемъ позже въ періодъ реформаторскій; но, безъ сомнѣнія, онѣ не уничтожились безслѣдно, а преобразовались въ новыя религіозныя общества. Если о нѣмецкой мистикѣ можно сказать, что она подготовила германскій протестантизмъ, то о средневѣковыхъ мистическихъ сектахъ можно сказать, что онѣ подготовили благоприятную почву для образованія новыхъ сектъ съ крайнимъ реформаторскимъ направленіемъ ¹⁾.

Историческое значеніе средневѣковой мистики не ограничивается только ея ближайшимъ отношеніемъ къ реформаціи. Эта мистика представляется важною вообще по вліянію на возбужденіе мистическаго направленія въ послѣдующее время. Сочиненія средневѣковыхъ мистиковъ употреблялись, какъ намъ извѣстно, квіетистами въ XVII вѣкѣ, новѣйшими теософами, нашими массонами и другими сектантами и содѣйствовали развитію свойственнаго имъ міросозерцанія. Поэтому основательное пониманіе разнообразныхъ новѣйшихъ теософскихъ системъ возможно только по предварительномъ ознакомленіи съ западною средневѣковою мистикою, какъ главнымъ ихъ источникомъ.

¹⁾ Генетическая связь между средневѣковыми мистическими сектами и реформаторскими несомнѣнна. Она выясняется Эрбкамомъ (Erbkam, Geschichte der prot. Secten der Reformation. Hamb. 1848 г. S. 479—489).

Такимъ образомъ историческое значеніе западной средне-вѣковой мистики не подлежитъ сомнѣнію. Но теперь представляется вопросъ: въ чемъ заключается сущность мистики и насколько она законна въ религіозно-нравственной области? Вопросъ этотъ необходимо выяснитъ не только для того, чтобы понять рассматриваемое явленіе съ исторической точки зрѣнія, но также и для того, чтобы правильно судить о немъ. Однако въ данномъ случаѣ намъ представляется затрудненіе въ такомъ опредѣленіи мистики, которое обнимало-бы понятіе о ней во всей широтѣ, въ ея различныхъ формахъ. Известно, что мистика, какъ религіозное явленіе, проявлялась не только въ формѣ еретической, но и въ формѣ церковной, причемъ въ послѣдней формѣ мистика вообще не искажала церковныхъ догматовъ, а развѣ допускала болѣе или менѣе частное уклоненіе отъ церковности. Поэтому мы, для соблюденія необходимаго безпристрастія и должной основательности въ раскрытіи интересующаго насъ предмета, въ опредѣленіи понятія о мистикѣ прежде всего должны имѣть въ виду мистиковъ церковныхъ, или, по крайней мѣрѣ, считавшихъ себя такими.

Сущность мистики обыкновенно полагается въ стремленіи къ познанію Божества путемъ внутренняго чувства или непосредственнаго созерцанія, возвышаемаго и поддерживаемаго строго нравственною жизнью, или аскетическими подвигами, направленными къ подавленію страстей и къ отрѣшенію отъ всякихъ чувственныхъ привязанностей, которыя могутъ препятствовать „возвышенію ума къ Богу“ и „чистотѣ сердца“. Основаніемъ такого стремленія служитъ увѣренность въ томъ, что Богъ открываетъ Себя вѣрующимъ въ Него и любящимъ Его, что чистые сердцемъ Бога узрятъ (Матѣ. V, 8). Здѣсь мистики въ своемъ стремленіи къ богопознанію и общенію съ Богомъ соприкасаются съ строгими и опытными подвижниками, которые также силою своихъ подвиговъ пламенѣютъ желаніемъ возможно болѣе познать Бога въ этой жизни и достигнуть тѣснѣйшаго единенія съ Нимъ, при помощи благодати Божіей, такъ чтобы „сдѣлать духъ мѣстомъ присутствія Божія“, на самомъ опытѣ осязательнымъ образомъ увидѣть тѣ неизреченныя блага, *ихъ же око не видѣтъ и ухо не слыша*

и на сердце чловѣку не въздоша (1 Кор. II, 9), чтобы такимъ образомъ исполнить душу духовнаго веселія“¹⁾. Это стремленіе къ непосредственному духовному озаренію и тѣснѣйшему общенію съ Богомъ у подвижниковъ и у мистиковъ находятъ себѣ естественное психологическое основаніе въ духѣ чловѣка, въ его неотразимой потребности въ духовномъ общеніи съ Богомъ, возбуждаемомъ и поддерживаемомъ религіознымъ чувствомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ оправдывается положительнымъ ученіемъ Св. Писанія, по которому жизнь вѣчная полагается въ познаніи Бога (Іоан. XVII, 3), въ тѣснѣйшемъ общеніи съ Нимъ (1 Кор. VI, 17) и которое свидѣтельствуєтъ, что богоизбранныя лица, ветхозавѣтные праведники, пророки и апостолы дѣйствительно удостоивались созерцанія Божественныхъ тайнъ, видѣній, пророчествъ и другихъ благодатныхъ дарованій (Числь XII, 6—8; Ис. VI, 1; Дан. X, 8; 2 Кор. III, 18, 1 Кор. II, 9). Гдѣ же лежитъ та грань, которая уклоняетъ мистику отъ христіанской религіи, мистической способъ богопознанія и нравственнаго совершенства отъ тѣхъ способовъ, которые находятъ себѣ полное примѣненіе въ жизни подвижниковъ?

По нашему мнѣнію, такая грань заключается въ особенной напряженности религіознаго чувства, свойственнаго мистикамъ,—напряженности, въ силу которой оно возвышается до степени экстаза и притомъ не моментальнаго, по болѣе или менѣе продолжительнаго. Экстазъ (*экстаσις*, *raptus*, *exultatio*)—это то состояніе восхищенія, исхожденія изъ себя или изступленія, въ которомъ чловѣкъ въ большей или меньшей степени отрѣшается отъ сознанія своей индивидуальности и становится въ такое отношеніе къ Божественному существу, при которомъ онъ утрачиваетъ свою волю и пассивно подчиняется высшей Божественной волѣ. Большая часть западныхъ средневѣковыхъ теософовъ, находясь въ экстазѣ, мечтаютъ о томъ, чтобы „затеряться въ Богѣ“, погрузиться въ Него такъ, какъ

¹⁾ Это мѣсто мы заимствуемъ изъ бесѣдъ пр. Макарія (Слово о возвышеніи ума гл. VII, стр. 546). Извѣстно, что такой образъ мыслей раздѣляли всѣ подвижники.

„капля воды погружается въ море“, „какъ лучъ солнца утопаетъ въ общей массѣ свѣта“. И если одни изъ мистиковъ признають для себя величайшимъ счастьемъ хотя на одинъ моментъ испытать такое блаженное состояніе (Бернардъ Клервосскій), то другіе желали-бы это состояніе продолжить, „упиваясь восторгомъ отъ сладости его“,—постоянно жить въ Богѣ съ отрицаніемъ своей обособленности (Эккартъ). Въ экстазѣ мистики забываютъ не только все ихъ окружающее, но и самихъ себя, „упиваясь восторгомъ и заболѣвая отъ любви“ (Рюисброкъ). У нѣкоторыхъ мистиковъ экстатическое религиозное состояніе положительно сопровождается болѣзненными патологическими признаками. Такъ у многихъ женщинъ-мистиковъ послѣ экстаза появлялось крайнее физическое расслабленіе, такъ что онѣ на извѣстное время приходили въ автоматическое, полумертвое состояніе. Вообще же экстатическое состояніе мистиковъ походить на сонъ и характеризуется значительнымъ парализованіемъ сознанія и воли человѣка. Въ силу этого мистика мы должны признать такимъ религіознымъ направленіемъ, которое заключается въ пассивномъ, страдательномъ отношеніи личности человѣка къ Богу, выражается въ стремленіи къ непосредственному созерцанію и единенію съ Нимъ, возбуждаемомъ преимущественно путемъ аскетическаго самоотреченія и сопровождается ослабленіемъ сознанія и воли ¹⁾).

¹⁾ Другія опредѣленія мистики, по нашему мнѣнію, могутъ быть признаны, или односторонними и неосновательными, или тенденціозными. Ультрамонтанскій ученый Герресъ, перешедшій, какъ извѣстно, изъ протестантизма въ католичество и написавшій въ половинѣ XIX вѣка многотомное произведеніе о мистикѣ въ панегирическомъ теософскомъ направленіи, опредѣляетъ мистику такъ: „мистика есть созерцаніе и знаніе, происходящее при посредствѣ высшаго свѣта,—дѣйствіе и дѣло, совершаемое при посредствѣ высшей свободы, подобно тому, какъ обыкновенныя знанія и дѣла совершаются при посредствѣ духовнаго свѣта, озаряющаго духъ и при содѣйствіи личной свободы, насажденной въ немъ“. (Christliche Mystik von Görres B. 1. Regensburg 1836 г.). Опредѣленіе это, не говоря о его туманности, настолько широко, что на основаніи его нужно признать всякаго религіознаго человѣка мистикомъ, какъ скоро въ немъ духовная жизнь (какъ въ теоретическомъ, такъ и въ практическомъ отношеніяхъ) стоитъ выше нормальной жизни обыкновенныхъ людей.

Подобное-же понятіе о мистикѣ выражено было Арнольдомъ, который признавалъ мистику необходимою для достиженія высшаго религіозно-нравственнаго

Изъ даннаго опредѣленія представляется яснымъ, что всѣ частныя особенности мистики въ большей или меньшей степени зависятъ отъ основнаго начала ея—религіознаго чувства, которое въ мистикѣ преобладаетъ предъ другими духовными высшими силами въ религіозно-нравственной жизни человѣка. Поэтому для уясненія частныхъ особенностей мистики и для правильной оцѣнки ихъ прежде всего необходимо рѣшить вопросъ о томъ, какое значеніе имѣетъ внутреннее чувство въ религіозно-нравственной жизни человѣка и можетъ-ли оно само по себѣ служить спеціальнымъ, психическимъ основаніемъ религіозно-нравственной жизни? Чувство, безъ сомнѣнія, имѣетъ глубоко-важное значеніе въ религіозной жизни человѣка. Имъ живѣе воспринимаются возвышенныя истины и легче дѣлаются достояніемъ жизни не по одному только ихъ теоретическому достоинству, но по благотворному дѣйствию ихъ на духовную природу, вслѣдствіе котораго испытывается необыкновенное внутреннее довольство и счастье, когда удовлетворяются существенныя и законныя духовныя стремленія. Чувство предохраняетъ человѣка отъ внѣшняго холоднаго формальнаго отношенія къ дѣлу религіи. Оно оживляетъ, возбуждаетъ и другія духовныя силы человѣка въ ихъ частныхъ стремленіяхъ къ достиженію соотвѣтствующихъ имъ высшихъ идеальныхъ цѣлей. Само Св. Писаніе свидѣтельствуетъ о такомъ важномъ значеніи чувства въ религіозно-нравственномъ отно-

совершенства. Въ своей исторіи мистической теологіи она, противопоставляя ее схоластикѣ, описываетъ первую такъ: „это Божественная и тайная мудрость о Богѣ и о Божественныхъ вещахъ, посредствомъ которой духъ возрожденнаго человѣка озаряется, воля очищается отъ грѣховныхъ наклонностей, чтобы тѣснѣйшимъ образомъ соединиться съ Богомъ (Historie und Beschreibung der mystischen Theologie. Francf. 1703 Cap. § 16), причѣмъ высказываетъ мысль, что „всякій возрожденный человѣкъ долженъ быть мистикомъ“, хотя при этомъ совершенно опускается изъ виду, что былъ цѣлый рядъ представителей Церкви, совершенно чуждыхъ мистическаго направленія. Иные ученые ограничиваютъ понятіе о мистикѣ, отождествляя ее съ крайнимъ мистицизмомъ, имѣющимъ характеръ еретическій. Бретшнейдеръ опредѣляетъ мистику такъ: „мистика есть вѣра въ постоянное непосредственное воздѣйствіе Бога на душу, чтобы озарить ее, улучшить и утвердить. Отсюда—вѣра во внутренній свѣтъ, умаленіе писаннаго откровенія, воздержаніе, созерцаніе“ и т. д. Но если мистика необходимо ведетъ къ заблужденіямъ, то чѣмъ объяснить, что были мистики, уклонившіеся отъ нихъ?... (Real-Encyclopädie. Herzog. X. 160).

шеніи, указывая на то, что чистота сердечная возвышаетъ духъ до лицезрѣнія Бога: „Блажени чистіи сердцемъ, яко тѣи Бога узрять“ (Мат. V, 8). „Кто взыдетъ на гору и станетъ на мѣстѣ святѣмъ Его? Неповиненъ руками и чистъ сердцемъ“. (Псал. XXIII. 3, 4). И по ученію Св. Писанія, высокое напряженное религіозное настроеніе овладѣваетъ всѣмъ существомъ человѣка, побуждая его къ хваленію и прославленію Бога, при возвышеніи сердечнаго чувства: „Исполняйтесь духомъ, пишетъ ап. Павелъ въ посланіи къ Ефесеямъ, глаголюще себѣ во псалмѣхъ и пѣніяхъ и пѣсняхъ духовныхъ, восиѣвающе и поюще въ сердцахъ вашихъ Господеви“ (Ефес. V, 19). Все это показываетъ, что чувство имѣетъ важное значеніе въ религіозной жизни человѣка. Но можетъ-ли оно быть призвано спеціальнымъ органомъ религіозной жизни независимо отъ другихъ духовныхъ силъ? Не можетъ, потому что оно по своему содержанію крайне неопредѣленно и неустойчиво. Чувство само по себѣ только непосредственно, безотчетно по впечатлѣніямъ, можетъ отличать добро отъ зла, истину отъ лжи, но для человѣка необходимы твердыя, сознательныя, истинныя убѣжденія, которыми онъ могъ-бы руководиться въ жизни при всевозможныхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, необходимо энергическое усиліе воли, чтобы устранять тѣ препятствія, которыя встрѣчаются при практическомъ осуществленіи убѣжденій. Само по себѣ чувство можетъ получать такой или иной характеръ при извѣстномъ дѣйстви на него другихъ духовныхъ силъ. Поэтому и въ Св. Писаніи оправдывается только „чистое сердце“ и „сердце премудрое“, т. е. руководимое высшимъ духовнымъ разумѣніемъ. Только такое сердце представляется источникомъ великой силы и жизни въ религіозной области. Пророкъ Давидъ молится: „Сердце чисто созижди во мнѣ, Боже“ (Псал. 50, 12). „Даждь ми, сыне, твое сердце: аще премудро будетъ сердце твое, возвеселится и мое сердце“, говорится въ книгѣ притчей Соломоновыхъ (Прит. XXIII, 2 и 15 ст.). Мистика, произвольно изолируя чувство отъ другихъ духовныхъ силъ и искусственно возбуждая и возвышая его, тѣмъ самымъ нарушаетъ необходимое равновѣсіе въ духовной жизни и открываетъ путь различнымъ теоретическимъ и прак-

тическимъ заблужденіямъ, которыя тѣмъ болѣе расширяются и усложняются, чѣмъ болѣе придается значенія чувству, какъ субъективному религіозному началу и усиливается пассивное, страдательное состояніе въ религіозной жизни. Разсмотримъ важнѣйшія изъ этихъ заблужденій.

1. Прежде всего вѣра въ возможность полученія непосредственно сверхъестественнаго откровенія въ высшемъ экстаическомъ состояніи, при крайней напряженности чувства и при изолированности его отъ другихъ духовныхъ силъ можетъ вводить мистиковъ въ крайнее самообольщеніе и фантастическую мечтательность. Не говоря о томъ, что не всегда могутъ быть признаны достойными тѣ способы, которые употребляются со стороны мистиковъ для полученія внутренняго откровенія (варварскій аскетизмъ и антиномизмъ) у нихъ, при экстаическомъ состояніи, не можетъ быть дѣйствительнаго критерія, который бы давалъ возможность отличить истинное откровеніе отъ личныхъ и произвольныхъ созданій фантазіи. Въ какомъ случаѣ внутреннее непосредственное откровеніе можетъ быть признано дѣйствительнымъ? Оно, между прочимъ, можетъ быть признано такимъ тогда, когда соотвѣтствуетъ внѣшнему положительному Богооткровенію, Св Писанію, когда заключаетъ въ себѣ всѣ элементы, удовлетворяющіе началамъ истинной религіи и нравственности, когда не заключаетъ въ себѣ явныхъ логическихъ противорѣчій и т. д. Но можетъ ли мистицизмъ привести къ убѣдительнымъ выводамъ относительно того, что получаемое откровеніе имѣетъ всѣ признаки истиннаго откровенія, когда преднамѣренно уклоняется отъ разумнаго, созвательнаго отношенія къ нему? Мистики, въ оправданіе своего убѣжденія въ возможности достигнуть высшаго непосредственнаго откровенія, часто ссылаются на примѣры пророковъ и апостоловъ, удостоивавшихся откровенія, но при этомъ опускаютъ изъ виду, что были также ложные пророки, впадавшіе въ самообольщеніе относительно своего состоянія (Втор. XVIII гл. 20 — 22. Іер. XXVII гл. 15. XXIX гл. 9. 21 — 23. Матѣ. XXVII гл. 24). Для мистиковъ подобное самообольщеніе особенно возможно, если принять во вниманіе, что экстаическое состояніе ихъ сопровождается нерѣдко не только ослабленіемъ сознанія, но даже общимъ

патологическимъ состояніемъ ¹⁾. Мистики, для большаго оправданія своеобразнаго способа воспріятія сверхъестественныхъ истинъ чрезъ непосредственное откровеніе, проводятъ еще супранатуралистическую теорію объ экстагическомъ состояніи пророковъ во время полученія ими откровеній. Но теорія эта ложна. Она, во-первыхъ, не согласна съ достоинствомъ истинныхъ пророковъ, которые Богомъ предназначались для разумнаго исполнѣнія сознательнаго провозвѣстія другимъ людямъ Его воли; во-вторыхъ, не соотвѣтствуетъ истинному понятію о премудромъ и благомъ Богѣ, даровавшемъ человѣку разумъ для познанія истины; въ третьихъ, не оправдывается дѣйствительными историческими фактами, свидѣтельствующими, что пророки въ состояніи своего вдохновенія сохраняли полное сознаніе, могли воспроизводить видѣнное со всею полнотою и удовлетворять при этомъ всѣмъ требованіямъ разумной критики, которыя могутъ быть примѣнимы къ оцѣнкѣ истинности сверхъестественнаго откровенія. Эта ложная теорія о возможности пророческаго вдохновенія въ состояніи экстаза опровергается многими отцами Церкви: „Мантику, говоритъ св. Златоустъ, свойственно выходить изъ себя, приходитъ въ неестественное движеніе, судорожно передергиваться. Не таковъ пророкъ: онъ говоритъ съ яснымъ сознаніемъ и спокойствіемъ, зная, что говоритъ“ ²⁾. Св. Василій Великій находитъ несогласнымъ съ высшимъ назначеніемъ пророка, чтобы онъ въ состояніи божественнаго наитія дѣлался изступленнымъ (*εκφρονα*), лишаясь свойственнаго ему разума, и не приносилъ этимъ пользы ни себѣ, ни другимъ. „Сообразно-ли сколько нибудь съ разумомъ, чтобы духъ премудрости дѣлалъ кого-либо подобнымъ лишенному ума и духъ вѣдѣнія лишалъ разумности? Свѣтъ не производитъ слѣпоты, а, напротивъ того, возбуждаетъ умъ, очищаемый отъ грѣховныхъ сквернъ къ созерцанію мысленнаго. Что лукавая сила, злоумышляющая противъ человѣческой при-

¹⁾ Мы увидимъ, что многія женщины, мнѣвшія себя удостоенными откровеній въ экстазѣ, послѣ не могли точно ихъ ядругъ припомнить и повсе забывали или постепенно воспроизводили ихъ по частямъ. (*Geschichte der deutschen Mystik*, Preger 1874 г. S. I. B. 54).

²⁾ Homil. XXIX in Epist. prim. ad Corinth.

роды, можетъ производить въ мысляхъ смѣшанность, въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго. Но нечестиво утверждать, чтобы тоже самое дѣйствіе производило присутствіе Божія Духа“¹⁾. По ученію Св. Епифанія, характеристическую черту истинныхъ пророковъ составляетъ то, что они, при дѣйствіяхъ Духа Святаго, сохраняютъ совершенно здоровую мысль, а также способность къ наученію и разсужденію²⁾.

2. Убѣжденіе въ томъ, что внутреннее непосредственное откровеніе имѣетъ для всякаго человѣка, находящагося въ созерцательномъ, экстагическомъ состояніи, преимущественное значеніе въ познаніи религіозныхъ истинъ, можетъ вести къ ослабленію или отрицанію положительныхъ источниковъ вѣроученія—Св. Писанія и св. преданія. Это на самомъ дѣлѣ оправдывается свободнымъ отношеніемъ многихъ мистиковъ къ положительнымъ источникамъ вѣроученія: часто мистики или непреднамѣренно ослабляютъ значеніе главныхъ источниковъ вѣроученія, руководясь своимъ субъективнымъ религіознымъ чувствомъ и придавая, между прочимъ, слишкомъ большое значеніе аллегоризму въ объясненіи Св. Писанія, чтобы сдѣлать его вспомогательнымъ источникомъ для подкрѣпленія своихъ личныхъ, произвольныхъ и субъективныхъ мнѣній,—или совсѣмъ ихъ отвергаютъ въ томъ случаѣ, если слишкомъ отступаютъ отъ основныхъ началъ вѣроученія, какъ это особенно ясно обнаружилось на средневѣковыхъ сектаптахъ Беггардахъ³⁾.

3. Въ силу того-же руководства въ познаніи религіозной истины субъективнымъ чувствомъ, или непосредственнымъ высшимъ озареніемъ, мистицизмъ обусловливаетъ собою религіозный сепаратизмъ—отрицаніе необходимости Церкви. Крайній субъективизмъ, основанный на руководствѣ личными индивидуальными требованіями и влеченіями чувства, не можетъ благоприятствовать живому общенію вѣрующихъ, которое основы-

¹⁾ Comment. in Isaiam proem. n. 3.

²⁾ In acta apost. homil. XIX n. 5.

³⁾ Мы узнаемъ послѣ, что это была мистико-паптеистическая секта, организовавшаяся въ XIV вѣкѣ, которая, между прочимъ, въ нравственно-практическомъ отношеніи вдавалась въ квіетизмъ и ангиномизмъ. (Histoire du Pantheisme populaire au moyen âge en seizieme siecle. Jundt. Paris. 1875 p. 94).

вается только на единствѣ религиозныхъ убѣжденій, на единодушномъ согласіи въ вѣрѣ и подчиненіи своихъ личныхъ мнѣній общей вѣрѣ всей Церкви. Можно признать несомнѣннымъ, что исключительное руководство чувствомъ въ религиозной жизни всегда вызываетъ пренебреженіе къ Церкви и къ ея учрежденіямъ. Дорверъ, оцѣнивая съ должною безпристрастностію значеніе стремленія мистиковъ къ субъективному усвоенію религиозной истины, вполне справедливо говоритъ, что „мистицизмъ въ принципѣ никогда не придаетъ значенія внѣшнимъ средствамъ спасенія, хотя-бы онѣ облекались Божественнымъ авторитетомъ. Онъ попираетъ уроки исторіи; онъ находитъ для себя величайшее наслажденіе въ томъ, чтобы снять покрывало, наложенное на возвышенныя тайны Божественнаго откровенія и, уничтоживъ всѣ посредствующія преграды, беспрепятственно погрузиться въ созерцаніе абсолютнаго. Недоступное, невыразимое составляетъ для него предметъ величайшаго блага, а то, что сообщаетъ достовѣрность и точность знанію, составляетъ только низшую степень религіи“¹⁾).

4. Если мистицизмъ отрицаетъ необходимость руководства въ вѣроученіи положительными его источниками, отрицаетъ даже значеніе историческаго опыта, то неудивительно, что онъ можетъ извращать самыя существенныя догматическія истины, составляющія содержаніе вѣроученія о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ и понимать ихъ превратно, преимущественно въ пантеистическомъ смыслѣ. Пантеистическое міросозерцаніе является естественнымъ слѣдствіемъ логическаго проведенія мистицизма. Въ силу непосредственнаго чувства созерцанія, мистикъ стремится приблизить къ себѣ созерцаемый предметъ—Божественное Существо, стать къ Нему въ непосредственныя отношенія. Но отрѣшаясь отъ дѣйствительнаго опыта и отъ положительныхъ источниковъ вѣроученія, а вмѣстѣ съ тѣмъ устраняя участіе мыслительной способности въ богопознаніи, мистикъ забываетъ о границахъ, существующихъ между конечнымъ и безконечнымъ, и пассивно „погружается въ Божественное Существо“, съ утратою созна-

¹⁾ Dorner, Theologie Protestante en particulier en Allemagne traduit de l'Allemand par Albert Paumier. Paris 1870 p. 40.

нія о личной самостоятельности. Мистики часто оправдываютъ это погруженіе въ Божество своимъ ученіемъ о томъ, что общеніе съ Богомъ требуетъ не только отреченія отъ личныхъ эгоистическихъ интересовъ, но отреченія и отъ своего личнаго обособленія, которое представляется грѣховнымъ, — и такое ученіе, повидимому, основано на благоговѣйномъ отношеніи ихъ къ Богу; но въ сущности такой взглядъ основанъ на ложномъ понятіи о Богѣ, какъ о Существѣ, требующемъ отъ человѣка, чтобы онъ жертвовалъ своимъ личнымъ бытіемъ. Взглядъ этотъ совершенно расходится съ ученіемъ Св. Писанія о Богѣ, по которому „Богъ есть любви, и пребывалъ въ Богѣ, той въ Немъ пребываетъ“ (1 посл. Іоанна IV, 16). По смыслу этого ученія, Богъ, по Своей неизреченной любви, не требуетъ отъ человѣка отрѣшенія отъ своей личности, но даетъ всѣ средства къ тому, чтобы въ возможно большемъ уподобленіи и тѣснѣйшемъ общеніи съ Нимъ развивать свою личность съ ея высшими законными стремленіями и чаяніями. Мистическій взглядъ на Божество, какъ на существо, требующее отъ человѣка отреченія отъ личнаго самостоятельнаго бытія, есть въ сущности взглядъ языческой, а не христіанской. Онъ напоминаетъ собою ученіе индійскаго Браманизма о всепоглощающемъ Божествѣ, или греческій мифъ о Хроносѣ, беспощадно истребляющемъ своихъ дѣтей, которыхъ неизвѣстно для чего произвелъ на свѣтъ. Впрочемъ, въ дальнѣйшихъ своихъ выводахъ изъ основнаго пантеистическаго начала о непосредственномъ объединеніи съ Богомъ, такъ чтобы, по буквальному пониманію словъ Св. Писанія, составить съ Нимъ *единъ духъ* (1 Кор. 6, 17), мистики сами обличаютъ себя въ томъ, что благоговѣніе къ Верховному Существу у нихъ не остается постояннымъ мотивомъ религіозно-нравственнаго совершенства. Такъ мистики приходятъ къ самообоготворенію; мечтая о томъ, что въ нихъ обитаетъ Христосъ, они отрицаютъ Божественное достоинство истиннаго Сына Божія и значеніе Его истинныхъ заслугъ для человѣчества, — думаютъ достигнуть спасенія безъ посредства Іисуса Христа, вопреки ясному ученію Св. Писанія о томъ, что только вѣрующіе въ Сына Божія могутъ имѣть жизнь вѣчную (1 Іоан. V, 13). Вообще же мис-

тицизмъ не имѣеть твердой догматической почвы: при своемъ мечтательномъ и сентиментальномъ сердечномъ субъективизмѣ, при своей преданности внутреннему, непосредственному откровенію, представляющему самое широкое поприще для фантастическихъ мечтаній о сношеніяхъ съ таинственнымъ, сверхчувственнымъ міромъ, мистикъ можетъ вѣрить во все и ни во что; отъ самаго крайняго фантастическаго суевѣрія мистикъ можетъ переходить къ положительному невѣрію.

5. Не давая твердыхъ началъ для вѣры, мистицизмъ естественно не можетъ благопріятствовать истинному религіозно-нравственному совершенству человѣка. Исходнымъ пунктомъ религіозно-нравственнаго мистическаго ученія служить рѣзкое разграниченіе между жизнью дѣятельною (*vita activa*) и жизнью созерцательною (*vita contemplativa*), причемъ отдается полное предпочтеніе послѣдней предъ первой. Такимъ образомъ, поставляя главную цѣль религіозной жизни человѣка въ непосредственномъ созерцаніи Верховнаго Существа, мистицизмъ обращаетъ вниманіе на одностороннее духовное развитіе человѣка и преимущественно на развитіе чувства или сердца, являющагося въ немъ спеціальнымъ органомъ религіозно-нравственной жизни, но при этомъ имъ опускается изъ виду необходимость всесторонняго развитія личности человѣка въ полномъ ея составѣ. Это приводитъ къ тому, что мистицизмъ презираетъ тѣло, не заботится о томъ, чтобы сдѣлать его достойнымъ органомъ осуществленія высшихъ духовныхъ стремленій, а заботится о томъ, чтобы такъ или иначе отрѣшиться отъ него и свободно, безпрепятственно посвятить себя возделѣнной цѣли—непосредственному созерцанію Божества. Поэтому въ нравственномъ отношеніи мистицизмъ порождаетъ три формы жизни, одинаково чуждыя истинно-христіанскому ученію: крайній аскетизмъ, квиетизмъ и антиномизмъ. Мистическій аскетизмъ направленъ къ тому, чтобы путемъ самоумерщвленія приготовить духъ къ непосредственному единенію съ Богомъ, но это самоумерщвленіе не состоитъ только въ отрѣшеніи отъ эгоистическихъ и чувственныхъ привязанностей и подавленіи страстей, но въ полномъ самоотреченіи, доходящемъ до отрѣшенія отъ своего личнаго бытія, которое съ

мистической точки зрѣнія является грѣховнымъ. Потому аскетизмъ мистиковъ часто проявляется въ самыхъ варварскихъ формахъ самоистязанія, послѣдствіемъ которыхъ бываетъ вполнѣ индифферентное, апатическое отношеніе ко всѣмъ самымъ невиннымъ житейскимъ радостямъ, или преждевременное истощеніе человѣка. Но такое самоистязаніе ненатурально, да и вообще не въ самоумерщвленіи только полагается мистиками цѣль нравственнаго совершенства: оно только служитъ для нихъ однимъ изъ главнѣйшихъ условій къ тому, чтобы освобожденіемъ отъ страстей приготовить духъ къ ближайшему общенію съ Божествомъ, а потому отъ варварскаго аскетизма мистицизмъ естественно приводитъ къ квіетизму, къ желанію найти покой (quies), или отдыхъ отъ своего чрезмѣрнаго самоистязанія, превышающаго силы человѣка,—желанію тѣмъ болѣе естественному, что оно соединяется съ самообольщеніемъ въ достиженіи вождельной цѣли въ этой жизни,—полной нравственной чистоты и святости. Такой переходъ отъ аскетизма къ квіетизму замѣчается до нѣкоторой степени у нѣмецкихъ мистиковъ и особенно у женщинъ, преданныхъ мистицизму. Мистики забываютъ, что нравственное совершенство также безпредѣльно, какъ безпредѣльно совершенъ и Святъ Богъ, служащій цѣлью его (Матѳ. V, 48), — забываютъ, что кто воображаетъ, будто грѣха не имѣетъ, тотъ обманываетъ себя и истины нѣтъ въ немъ (1 Иоан. 1, 8), что даже рожденный отъ Бога долженъ хранить себя, чтобы лукавый не прикасался къ нему (1 Иоан. V, 18). Мистики, въ оправданіе своего квіетизма, предпочитаютъ основываться на другихъ мѣстахъ Св. Писанія, что Богъ, согласно съ своимъ обѣтованіемъ, вселяется въ нихъ (2 Кор. VI, 17). Квіетизмъ, впрочемъ, не всегда при возникновеніи своемъ имѣетъ характеръ реакціи противъ аскетизма и слѣдуетъ непосредственно за нимъ. Квіетизмъ можетъ породиться вполнѣ самостоятельно и служить непосредственною практическою формою пассивной преданности Богу. Чрезмѣрное преобладаніе чувства, не регулируемое мышленіемъ, лишаетъ человѣка возможности направлять свою волю къ опредѣленной цѣли. Она теряетъ свою активность; равновѣсіе между теоретическою и практическою стороною религіозной жизни нарушается и че-

ловѣкъ ограничивается уединеннымъ пребываніемъ въ своей внутренней области. Но въ большинствѣ случаевъ квіетизмъ имѣетъ тѣснѣйшую теоретическую связь съ пантеизмомъ. Мистики-пантеисты, воображающіе, что они объединены съ Богомъ, что „въ нихъ Христосъ обитаетъ“, неизбѣжно впадаютъ въ квіетизмъ, не находя побужденій къ дальнѣйшему усовершенствованію своей личности, когда она и безъ того, въ силу ихъ субъективнаго самообольщенія, возвысилась до непосредственнаго объединенія съ Богомъ. Такъ или иначе квіетистъ признаетъ необходимымъ только пассивно подчиняться волѣ Божіей и праздновать свою „духовную субботу“, наслаждаясь безпредѣльнымъ лицезрѣніемъ Бога, утопать въ неизреченной, безкорыстной любви къ Богу, отказываясь отъ личныхъ, активныхъ усилій воли для совершенія добрыхъ дѣлъ. Отсюда слѣдуетъ, что мистицизмъ, подобно протестантизму, отрицаетъ значеніе добрыхъ дѣлъ, почему и къ мистицизму приложимо то напоминаніе, которое обращается православіемъ къ протестантизму, что „вѣра безъ дѣлъ мертва“ (Іак. II, 21). По словамъ Апостола, кто говоритъ: „я позналъ Бога“, по заповѣдей Его не соблюдаетъ, тотъ лжець и нѣтъ въ немъ истины“ (Іоан. II, 4). Квіетизмъ поддерживаетъ въ мистикѣ эгоистическое самоуслажденіе своимъ внутреннимъ блаженствомъ, ощущаемымъ отъ мнимаго созерцанія высшей Божественной красоты, отвлекая его отъ тѣхъ трудовъ и страданій, которые необходимы для оказанія помощи ближнему, отвлекая его отъ практическаго осуществленія важнѣйшей заповѣди Спасителя о любви къ ближнимъ (Іоан. XV, 12). Но „чистое и непорочное благочестіе предъ Богомъ и Отцемъ состоитъ въ томъ, чтобы призирать сиротъ и вдовъ въ ихъ скорбяхъ и хранить себя неоскверненными отъ міра“ (Іак. 1, 27). Праздное квіетическое состояніе можетъ сопровождаться губельными послѣдствіями для нравственности уже потому, что въ этомъ случаѣ даже не предупреждаются тѣ опасности, которымъ могутъ подвергаться и самые праведники и истинно святые люди на высшихъ степеняхъ своего совершенства. Сказано Премудрымъ: „всяцѣмъ храненіемъ блюди свое сердце“ (Притч. IV, 23). Если этотъ совѣтъ, нерѣдко по-

вторяемый со словъ Премудраго опытными подвижниками, забывается, тогда и праведникъ, достигшій высокаго совершенства, можетъ пасть. Всякая порочная мысль, всякое нечистое плотское желаніе могутъ быть признаны за высшее внушеніе, получаемое подѣ влияніемъ внутренняго откровенія и повести человѣка къ беззаконію, особенно въ томъ случаѣ, если не признается необходимымъ молиться о томъ, чтобы „Богъ избавилъ отъ лукаваго“, что мы и видимъ у нѣкоторыхъ членовъ мистико-піэтистическаго общества „друзей Божіихъ, отвергавшихъ седьмое прошеніе молитвы Господней“ ¹⁾. Удивительно-ли, что квиетизмъ можетъ замѣняться антиномизмомъ (положительною безнравственностію), или, что антиномизмъ можетъ возникать, какъ самостоятельная форма нравственнаго совершенства? „Соединенный съ Богомъ, учили послѣдователи секты Св. Духа, можетъ почитать себя свободнымъ отъ грѣха; грѣхъ ему также не препятствуетъ сохраненію внутренней чистоты, какъ нисколько не помогаетъ этому добродѣтель“ ²⁾. Можетъ также антиномизмъ допускаться подобно аскетизму для умерщвленія плоти, чтобы свободнѣе предаться духовному созерцанію.

6. Понятно, что, при крайнихъ религіозно-нравственныхъ недостаткахъ, мистицизмъ не можетъ благопріятствовать общественному и государственному благосостоянію. Если при первоначальномъ своемъ возникновеніи мистицизмъ можетъ служить благодѣтельною реакціею противъ чрезмѣрнаго преобладанія въ жизни формализма, противъ односторонняго умственнаго или раціоналистическаго направленія, то въ послѣднихъ фазисахъ своего развитія мистицизмъ, парализуя разумъ и волю отдѣльныхъ лицъ, можетъ также задерживать общественный и государственный прогрессъ. Презирая разумъ, мистицизмъ тѣмъ самымъ отрицаетъ значеніе науки; не придавая должнаго значенія активной дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, мистицизмъ естественно парализуетъ и общественныя добродѣтели и подвиги. Онъ пессимистически относится къ

¹⁾ Gottesfreunde im XIV Jahrhundert. Schmidt. 1855. Jena. S. 12. Les Amis de Dieu au XIV siecle Jundt 1879 p. 355.

²⁾ Dicere et virtutibus nec provehi nec peccatis impedire. 85 положеніе братьевъ секты Св. Духа въ подлинномъ документѣ, приложенномъ къ Geschichte der deutschen Mystick, Preger.

земной жизни съ ея радостями и благами, но не общаетъ человѣку истиннаго блаженства и въ будущей жизни, которая, по ученіи мистиковъ, должна состоять въ сліянніи чело-вѣка съ Божествомъ, т. е. въ утратѣ самаго существеннаго достоянія чело-вѣка,—личнаго бытія.

Таковы крайнія послѣдствія мистицизма! До нихъ дѣйстви-тельно доходили вообще различныя мистическія секты, ко-торыя когда-либо появлялись въ исторіи христіанской Церкви и въ частности до послѣднихъ выводовъ крайняго мистицизма доходили многія средне-вѣковыя западныя секты. Въ свое время мы будемъ имѣть возможность фактически убѣдиться въ этомъ, при частномъ обзорѣ исторіи этихъ сектъ. Но, къ счастью, мистики не всегда строго были послѣдовательны въ теоретическомъ развитіи своего субъективнаго теософскаго метода и въ практическомъ его осуществленіи. На ряду съ мистиками-еретиками были мистики церковные, изъ которыхъ многіе вполне примыкали по ученію и жизни къ Церкви, а иные, если и допускали уклоненія отъ чистоты церковнаго ученія, то уклоненія частныя, не проводимыя съ строгою послѣдовательностію. Одинъ изъ первыхъ авторитетныхъ (и сравнительно болѣе другихъ безпристрастный) изслѣдовате-лей западной мистики ученый Энгельгардтъ находитъ между церковными еретическими мистиками такое различіе: „у цер-ковныхъ мистиковъ все основывается на положительномъ источникѣ вѣроученія (т. е. на Св. Писаніи) и всѣ описы-ваемые ими внутреннія откровенія совершенно согласны съ ученіемъ о Троицѣ, о воплощеніи Іисуса Христа, о дѣйствиіи благодати Духа Святаго, обътованнаго І. Христомъ и о таинствѣ Евхаристіи; тогда какъ у еретическихъ мистиковъ въ принципѣ—одна только абстракція, имѣющая основаніе въ глубинѣ ихъ духа, которая побуждаетъ ихъ не призна-вать положительно ничего другаго, кромѣ ученія о Богѣ, приводитъ ихъ къ обоготворенію чело-вѣка, а также къ тому, чтобы различныя положительные догматы представлять только какъ-бы символами тѣхъ внутреннихъ состояній, которыя они сами испытываютъ и которыми у нихъ обусловливается достиженіе послѣдней цѣли религіозно-нравственной жизни.

Необыкновенно важно различать эти два направленія мистиковъ,—церковное и еретическое“¹⁾. Это разграниченіе мистиковъ по двумъ направленіямъ вообще вѣрно, хотя оно и неполно и неточно: тѣ черты, которыми отличаетъ Энгельгартъ церковныхъ мистиковъ (съ своей протестантской точки зрѣнія), не могутъ быть признаны вполне достаточными данными для признанія ихъ законности и правильности съ православной точки зрѣнія, а указанныя особенности еретическаго мистицизма представляются слишкомъ умѣренно и несогласно съ историческою дѣйствительностію, какъ мы увидимъ это на своемъ мѣстѣ. Но теперь рѣшимъ вопросъ: что спасаетъ церковныхъ мистиковъ отъ тѣхъ заблужденій, въ которыя впадаютъ мистики, принадлежащіе къ еретическому направленію? Спасаетъ ихъ сознательное стремленіе умѣрять свою теософію относительнымъ согласованіемъ ея съ основными требованіями разума. Церковные мистики не отрицаютъ преднамѣренно необходимости согласовать вѣру съ разумомъ, какъ это требуется самимъ Св. Писаніемъ (Евр. XI, 3) и болѣе или менѣе придерживаются умѣреннаго діалектико-мистическаго направленія, а вмѣстѣ съ тѣмъ стараются подчиняться авторитету Церкви. Хотя у западныхъ *церковныхъ мистиковъ* слишкомъ очевидно сознаніе ненормальности католичества, но они не считаютъ себя призванными отрицать рѣшительно тѣ пункты его, въ которыхъ оно сходится съ началами Церкви вселенской и, допуская перѣдко свободное объясненіе тѣхъ или другихъ сторонъ христіанства, потомъ какъ будто сами отступаютъ отъ сказаннаго, ограничиваютъ свои мысли иногда очень неискусно, механично. Впрочемъ, нужно сказать, что если представители мистическаго богословія въ греко-восточной Церкви являются строго православными, то католическіе мистики, даже придерживающіеся церковно-традиціоннаго направленія, обнаруживаютъ въ своемъ богословскомъ міросозерцаніи шаткость во многихъ догматическихъ положеніяхъ и значительное преобладаніе субъективизма. Поэтому и у церковныхъ западныхъ мисти-

¹⁾ Euhelhardt, Richard von st. Victor. S. II. 6. 97. Hagenbach, Dogmengeschichte. Leipzig 1867. 4 Aufl. S 333.

ковъ, даже у такихъ, которые признаются католическою церковію святыми, какъ напримѣръ Бернардъ Клервосскій, мы можемъ паходить частныя мѣста, въ которыхъ проводятся пантеистико-квіетистическія воззрѣнія, не говоря о воззрѣніяхъ, приближающихся къ протестантизму ¹⁾. Замѣчательно, что многіе изъ западныхъ мистиковъ сами сознаютъ несостоятельность мистической теософїи. Это невольное сознание ложности крайняго мистицизма раздѣляется даже самымъ выдающимся представителемъ и поборникомъ его—Эккартомъ. Онъ признаетъ мистическое созерцаніе „высокимъ путемъ“, по которому слѣдовать опасно, хотя и прибавляетъ при этомъ: „но нѣтъ ничего полезнѣе, какъ то, когда человекъ руководствуется непосредственно Самимъ Богомъ къ истинѣ“ ²⁾. Нѣкоторые изъ западныхъ мистиковъ признаютъ нужнымъ ограничивать свое чувство и не предаваться излишнимъ мистическимъ созерцаніямъ. Интересно знать, какое-же главное средство они рекомендуютъ для ограниченія чувства? Средство то, которое уже нами указано: примиреніе его съ основными требованіями разума. Знаменитый канцлеръ Жерсонъ писалъ спеціальное сочиненіе „о горѣ созерцанія“ (de monte contemplationis), въ которомъ совѣтовалъ не только заботиться о возбужденіи и оживленіи религіознаго чувства, но и объ упражненіи разсудка ³⁾. Онъ признавалъ также необходимымъ для посвящающихъ себя созерцательной жизни заботиться объ образованіи.

А. Вертеловскій.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Прегеръ старается оправдать мистиковъ въ допущеніи ими подобныхъ пантеистико-квіетистическихъ заблужденій тѣмъ, что въ другихъ мѣстахъ сами мистики стараются смягчить ихъ. Но его объясненіе до нѣкоторой степени можно признать справедливымъ только по отношенію къ представителямъ церковной романской мистики, но никакъ не по отношенію къ мистикамъ нѣмецкимъ. Между тѣмъ Прегеръ въ своихъ искусственныхъ натяжкахъ доходитъ до того, что старается признать свободнымъ отъ пантеизма Эккарта, расходясь въ этомъ случаѣ съ общепринятымъ взглядомъ на этого теософа. Прегеръ, при своей крайней тенденціозности, противорѣчитъ даже тѣмъ документальнымъ даннымъ, которыя приводятся въ его исторіи. (Preger. S. 226).

²⁾ Ibid. I. B. S. 146.

³⁾ Real-Encycl. Herzog. B. V. S. 92.

Обозрѣніе важнѣйшихъ событій и явленій церковной жизни за прошедшій годъ.

(Окончаніе *).

Другое, наиболѣе замѣчательное, собесѣдованіе съ раскольниками было въ Казанской епархіи. Хотя расколъ здѣсь не сильно распространенъ (раскольниковъ насчитывается около 14 тысячъ человекъ), тѣмъ не менѣе эта епархія имѣетъ не маловажное значеніе для раскола, какъ не удаленная отъ мѣстностей, населенныхъ въ значительной степени приверженцами старообрядства. Весною прошедшаго года профессоръ Казанской духовной академіи Н. И. Ивановскій посѣтилъ, съ цѣлью собесѣдованій съ раскольниками, село Можарки (Цивильскаго уѣзда), гдѣ образовалъ свое, отдѣльное отъ противоокружниковъ, общество нѣкто попъ Акимъ. Свою рѣчь къ старообрядцамъ профессоръ Ивановскій послѣдовательно велъ къ тому, чтобы доказать, что у раскольниковъ нѣтъ истинной Церкви. Указавши, что Церковь основана Христомъ Спасителемъ (Мѡ. зач. 67), что въ ней должно быть семь церковныхъ таинствъ (Бол. Кат. гл. о тайнахъ) и три чина священноіерархіи (Кирилл. книга л. 77), что внѣ Церкви нѣтъ плодотворной молитвы, не можетъ быть и спасительныхъ дѣлъ (Бл. Август. на псал. 42 и 83), собесѣдователь спросилъ раскольниковъ, составляетъ-ли ихъ общество, основанную Спасителемъ, недолѣнную Церковь, въ ко-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1886 г. № 2.

торую они вѣруютъ? Тогда одинъ изъ противоокружниковъ сказалъ: мы составляемъ истинную Христовую Церковь; у насъ всѣ семь таинствъ есть; есть епископы, пресвитеры и діаконы. Собесѣдователь спросилъ: всегда-ли такъ было? Ваша церковь недавняя, на нашей памяти основанная; церковь новая, значитъ не Христовая. Всегда-ли въ вашемъ обществѣ были 7 таинъ и три чина іерархіи. *Старообряд.* У насъ священники всегда были. Собесѣдователь сказалъ, что вопросъ о томъ, совершались-ли въ ихъ обществѣ всѣ семь таинствъ, въ томъ числѣ и тайна хиротоніи, т. е. епископскаго рукоположенія во священныя степени, и продолжалъ: тайны хиротоніи у старообрядцевъ не было, за исключеніемъ немногихъ случайныхъ посвященій случайными-же епископами, никогда не признаваемыми за законныхъ всѣми старообрядцами. Это потому, что у нихъ не было преемственнаго ряда епископовъ, существованіе которыхъ въ Христовой Церкви никогда не должно прекращаться; ибо Церковь безъ епископа не бываетъ (Св. Злат. въ „Маргаритѣ“). Раскольникъ, не могши дать противъ этого положительнаго отвѣта, спросилъ затѣмъ: „ты насъ раскольниками признаешь?“ Собесѣдователь сказалъ: „да, я признаю васъ раскольниками, на основаніи 1-го правила Св. Василія Великаго; такъ какъ вы истинной Церкви не составляете, значитъ отдѣлились отъ Христовой Церкви“ (Прав. Собес. окт. 1885).

Для обсужденія мѣстныхъ религіозныхъ нуждъ и потребностей, въ частности для обсужденія церковныхъ мѣръ къ противодѣйствию раскольническимъ заблужденіямъ, по указу Святѣйшаго Синода, въ іюлѣ минувшаго года собирались епископы поволжскихъ и окрестныхъ епархій въ г. Казани *). Въ занятіяхъ комиссіи по дѣламъ раскола между прочимъ было обращено особенное вниманіе на установленіе желаемыхъ правильныхъ отношеній духовенства къ расколу, которыя съ его стороны должны состоять, по мнѣнію комиссіи,

*) На соборѣ епископовъ въ Казани присутствовали: еп. Уфимскій Діонисій, Астраханскій Евгеній, Пермскій Ефремъ, Саратовскій Павелъ, Симбирскій Варсонофій, Оренбургскій Веніаминъ, Екатеринбургскій Наѳанайль и Сарapulьскій Тихонъ (викарій Вятской епархіи въ качествѣ представителя ея).

преимущественно въ духовномъ воздѣйствіи на старообрядцевъ, въ привлеченіи ихъ къ Церкви примѣромъ доброй жизни, безукоризненнымъ внѣшнимъ поведеніемъ, чиннымъ отправленіемъ церковныхъ службъ и словомъ вразумленія. Кромѣ этого главнаго средства въ борьбѣ съ расколомъ, признано было желательнымъ, чтобы въ каждой епархіи были миссіонеры священники (одинъ, два или болѣе), свободные отъ приходскихъ обязанностей, которые-бы исключительно несли труды по миссіонерству, подъ руководствомъ коихъ и приходскіе священники могли-бы пріобрѣсти опытность въ собесѣдованіяхъ со старообрядцами; вмѣстѣ съ чѣмъ были признаны благопотребными ежегодные съѣзды миссіонеровъ для обмѣна своихъ наблюденій и для взаимнаго совѣщанія относительно способовъ веденія миссіонерскаго дѣла. Мѣстомъ для такихъ съѣздовъ признанъ былъ наиболѣе приличествующимъ Московскій единовѣрческій Никольскій монастырь, гдѣ настоятельствуетъ архимандритъ Павелъ, извѣстный своимъ глубокимъ знаніемъ раскола, не мало потрудившійся для Церкви въ миссіонерскомъ служеніи и оставившій въ своихъ противу-раскольническихъ трудахъ наилучшій образецъ для желающихъ вести бесѣды съ раскольниками. Главное-же, признано необходимымъ позаботиться о распространеніи среди духовенства правильныхъ понятій о единовѣрціи, какъ состоящемъ въ совершенномъ единеніи съ православною Церковію по вѣрѣ и священноначалію, содержащемъ только, по благословенію самой-же Церкви, нѣкоторые особыя, такъ называемыя старыя обряды, которыми, при единеніи съ Церковію и по благословенію Церкви, православіе ни мало не нарушается (Стр. сент. 1885).

Въ обнародованныхъ въ прошедшемъ году, послѣ утвержденія Святѣйшаго Синода, постановленіяхъ преосвященныхъ архипастырей юго-западнаго края заключается рядъ церковныхъ мѣропріятій, направленныхъ къ борьбѣ съ неправовѣріемъ и расколомъ, и охраненію православныхъ отъ оболъщенія со стороны неправомыслящихъ. Общій характеръ ихъ состоитъ въ томъ, что въ нихъ духовенство призывается усилить свою просвѣтительно-благотворительную дѣятельность

сообразно призванію. Въ ряду этихъ мѣропріятій замѣчательны постановленія: 1) постановленіе „вести въ духовныхъ семинаріяхъ юго-западнаго края преподаваніе о мѣстныхъ ересьяхъ и расколахъ, съ подробнымъ изложеніемъ историческихъ о нихъ свѣдѣній и въ особенности о штундизмѣ“, при чемъ указано тщательно разяснять воспитанникамъ самые способы собесѣдованій съ заблуждающимися; 2) „усилить миссіонерскую дѣятельность противъ раскола вообще и штундизма въ особенности, назначивъ для сего особыхъ миссіонеровъ изъ способныхъ и благоразумныхъ священниковъ“; 3) „въ приходы, зараженные штундою и сродными съ нею сектами, опредѣлять священниковъ лучшихъ во всѣхъ отношеніяхъ“; 4) „въ такихъ приходахъ священники, или подъ ихъ наблюденіемъ другіе способные къ тому члены причта, должны читать предъ народомъ и истолковывать Священное Писаніе, особенно Новаго Завѣта, останавливаясь преимущественно на разясненіи тѣхъ мѣстъ Писанія, на коихъ штундисты и другіе сектанты стараются утвердить свое лжеученіе“; 5) „вмѣнить духовнымъ пастырямъ въ непремѣнную обязанность, чтобы не только учили прихожанъ благовременнѣ и безвременнѣ, но и съ отеческою любовію воспитывали ихъ въ православной вѣрѣ и благочестіи христіанскомъ“; 6) „озаботиться духовенству учрежденіемъ церковно-приходскихъ школъ въ своихъ приходахъ и преподавать въ нихъ Законъ Божій, по 10-му правилу VII Вселенскаго Собора, обязывающему священниковъ *учити строковъ, на сіе бо и священство получили*“; 7) озаботиться приходскому духовенству, гдѣ найдутся средства, заведеніемъ церковно-приходскихъ библіотекъ“ и 8) открывать, гдѣ это будетъ признано возможнымъ, духовно-просвѣтительныя общества или братства, приглашая въ составъ ихъ людей всѣхъ сословій обоого пола, отличающихся христіанскимъ образованіемъ и благочестіемъ.

Но, кромѣ раскольниковъ и сектантовъ, въ православномъ русскомъ государствѣ находятся цѣлыя племена инородцевъ, коснѣющихъ во тьмѣ язычества. Язычество наиболѣе крѣпко держится въ отдаленномъ Сибирскомъ краѣ, гдѣ самая об-

ширность страны даетъ инородцамъ возможность вести обособленную, болѣе или менѣе уединенную, жизнь. Малая степень воздѣйствія правилъ и порядковъ жизни православнаго народа на бытъ языческихъ племенъ зависитъ именно отъ того, что языческое населеніе слишкомъ отдалено отъ православнаго. Вотъ уже два столѣтія, какъ проникъ свѣтъ въ печальную мглу язычества; но остается еще многіе труды положить православнымъ миссіонерамъ для удаленія этой мглы. Почва благопріятна. У язычниковъ, при всей ихъ слѣпотѣ и грубой корѣ облегающихъ ихъ суевѣрій и предрасудковъ, есть нѣкое чаяніе истины, есть внутреннее влеченіе къ христіанству; они чувствуютъ, что истина не у нихъ, а у христіанъ, и если что ихъ удерживаетъ отъ обращенія къ христіанству, то это отчасти безсиліе ихъ въ рѣшеніи вопроса о томъ, что они могутъ оставить вѣру отцовъ и дѣдовъ; главнымъ-же образомъ ихъ удерживаетъ отъ принятія христіанства то, что, и по ихъ сознанію, принятіе христіанства знаменуетъ полный переворотъ нравственный, перемѣну убѣжденій и вѣрованій, строя и порядка жизни. При такомъ состояніи духовномъ язычниковъ необходимо, чтобы чаще пробуждали ихъ отъ нравственнаго усыпленія; необходимо, чтобы благодать озарила ихъ сердца чрезъ благовѣствованіе проповѣдниковъ Евангелія,—и тогда они обратятся ко Христу и Церкви. Высокопреосвященный Веніаминъ Иркутскій рассказываетъ трогательную исторію о томъ, какъ, при посѣщеніи одного бурятскаго поселенія, матери бурятки предносили къ нему дѣтей для благословенія. Не свидѣтельствуетъ-ли это обстоятельство въ пользу того, что свѣтъ истины проникаетъ и въ сердца грубыхъ язычниковъ, и они готовы воспринять этотъ свѣтъ?

При всемъ внутреннемъ влеченіи къ христіанству, язычники инородцы встрѣчаютъ и многочисленныя препятствія на пути къ нему. Въ этомъ отношеніи наиболѣе важно то, что инородцы управляются по своимъ законамъ или обычаямъ, составляя такимъ образомъ какъ-бы языческое государство въ христіанскомъ государствѣ; въ силу чего крестившіеся инородцы ставятся въ полную зависимость отъ язы-

ческаго начальства. Попятно, что языческіе начальники, у которыхъ подѣ опекой весь бытъ ихъ сородичей, не мало имѣютъ случаевъ къ притѣсненію людей, вносящихъ въ жизнь порядки, несогласныя съ ихъ порядками, какъ-бы укорительныя для нихъ. Тяжкія условія быта и даже страданія, ожидающія крещенныхъ инородцевъ, въ связи съ извѣстнымъ нравственнымъ состояніемъ колебанія, когда истина воспринята не столь полно, чтобы подвигнуть волю,—могутъ замедлить и останавливать благій выборъ. Язычество, въ культѣ ли буддизма или шаманства, не можетъ удовлетворять религіознымъ потребностямъ инородцевъ, особенно молодаго поколѣнія; идеаль лучшей жизни имъ предносится въ христіанствѣ; и потому-то инородцы нерѣдко воспринимаютъ, хотя можетъ быть и внѣшнимъ образомъ, правила христіанской жизни,—молятся Богу, полагая на себя крестное знаменіе, молятся Божіей Матери, почитаютъ св. Николая, ходятъ въ Церковь, покупаютъ свѣчи и ставятъ предъ иконами, умиляются благолѣпіемъ христіанскаго богослуженія, имѣютъ иногда въ своихъ юртахъ, иконы и молятся имъ. При всемъ томъ, на предложеніе креститься, миссіонеръ иногда слышитъ отвѣтъ: „родители не крестились, и намъ не велѣли; жена не хочетъ и не велитъ; начальство (инородческое) сердится“. Въ виду такого положенія язычниковъ, надлежитъ облегчить имъ вступленіе въ Христову Церковь; они ждутъ, чтобы люди, лучше ихъ по ихъ собственному сознанію, рѣшили, что для нихъ благопотребно, и устроили ихъ жизнь помимо нихъ самихъ, къ ихъ благу. Это убѣжденіе выражается въ томъ, что когда миссіонеры начинаютъ убѣждать язычниковъ въ положительномъ превосходствѣ христіанства предъ ихъ вѣрою, они спрашиваютъ: „развѣ есть распоряженіе отъ царя, чтобы насъ крестить?“

Не маловажную преграду распространенію христіанства составляютъ проповѣдники буддизма, такъ называемые ламы. Вотъ какъ описываются ихъ дѣйствія въ отчетѣ Оберъ-Прокурора за 1883 годъ (опубликованномъ въ прошломъ году): ламайство достигло въ настоящее время такого простора и произвола въ своихъ дѣйствіяхъ, какого оно никогда еще

не достигало. Мѣстные и заграничныя ламы безпрепятственно цѣлыми толпами вторгаются въ среду крещеныхъ инородцевъ и не задумываются ни надъ какими мѣрами къ соращенію христіанъ въ язычество. Они учреждаютъ разныя новыя праздники и торжественныя служенія, приурочивая ихъ къ праздникамъ православной Церкви. Они не только въблизи улусовъ крещеныхъ съ полнѣйшею свободою строятъ обширныя дацаны (монастыри),—хотя, по закону, имъ дозволено лишь возобновленіе ветхихъ капищъ,—но и въ самыхъ улусахъ крещеныхъ учреждаютъ новыя кумирни, въ которыхъ торжественно съ громовою музыкою, съ заманчивыми для грубаго человѣка угощеніями, отправляютъ свое идолослуженіе... Они навязываютъ крещенымъ принадлежности языческаго культа, чтобы вытѣснить изъ ихъ юртъ священныя христіанскія изображенія; дѣлаютъ сборы съ крещеныхъ инородцевъ не только на поддержаніе мѣстныхъ дацановъ, но и на сооруженіе новыхъ, чему, по ихъ словамъ, будто-бы сочувствуетъ и высшее начальство; наконецъ, безнаказанно возводятъ на христіанскую вѣру самыя изысканныя клеветы, приписывая ей различныя постигающія страну бѣдствія. Несмотря на неблагопріятныя условія, въ которыхъ находится дѣятельность православныхъ миссіонеровъ, въ 1884 году трудами ихъ было обращено въ православіе инородцевъ—въ Иркутской миссіи 1664 человѣкъ, въ Забайкальской—315, Тобольской 69, Енисейской 90 и въ миссіяхъ Камчатской епархіи—426 („Православное Обозрѣніе“, май—іюнь, 1885 г.).

Въ другомъ, отдаленномъ отъ пунктовъ православнаго населенія краѣ—Кавказскомъ дѣло православной миссіи также встрѣчаетъ многія затрудненія. Онѣ зависятъ частію отъ географическаго строенія края, раздѣляющаго населеніе на множество племенъ, живущихъ болѣе или менѣе особно другъ отъ друга, частію отъ недостатка образованія въ руководящемъ духовномъ сословіи, и отъ другихъ, болѣе частныхъ причинъ. Православную Церковь на Кавказѣ составляютъ, говоря точно, народы грузинскаго племени: грузины, имеретины, мингрельцы и гурійцы. У нихъ много храмовъ, но храмы эти „малопомѣстительны, бѣдны и плохо содержатся“. Религіозно-

правственное состояніе грузинскихъ племенъ находится на очень невысокомъ уровнѣ, главнымъ образомъ потому, что духовенство грузинское малообразованно. Оно отъ давнихъ поколѣній унаслѣдовало убѣжденіе, что право на принятіе священнаго сана пріобрѣтается однимъ знаніемъ грамоты и доселѣ въ большинствѣ своихъ членовъ коснѣеть въ невѣжествѣ. Понятно, что такіе руководители не могутъ имѣть особенно благотворнаго вліянія на своихъ прихожанъ и на теченіе церковной жизни. Среди-же другихъ племенъ кавказскихъ, напр. у осетинъ и абхазцевъ, укорененію христіанства и развитію церковной жизни не мало препятствуетъ недостатокъ храмовъ, которые воздвигаются медленно, отчасти по бѣдности этихъ племенъ, отчасти по невысокой степени христіанскаго просвѣщенія у нихъ. Впрочемъ съ учрежденіемъ въ послѣднее время богослуженія на родномъ языкѣ у осетинъ замѣчается больше расположенія къ православному богослуженію и къ построенію церквей. Храмовъ въ Абхазіи еще меньше, чѣмъ въ осетинскихъ приходяхъ; впрочемъ есть христіанское учрежденіе, внушающее благія надежды, что воцерковленіе населенія Абхазіи будетъ все-таки продолжаться неослабно,—это Симоно-Кананитскій монастырь, составляющій отрасль Аѳонскаго русскаго Пантелеймонова монастыря, который и теперь уже имѣетъ школу для обученія дѣтей абхазцевъ. Среди православнаго населенія грузинскаго экзархата есть племена, нѣкоторыя общины которыхъ хотя и значатся православными и приписаны къ православнымъ приходамъ, но такъ мало проявляютъ въ своей жизни христіанскаго, и наоборотъ такъ много языческаго, что едва-ли могутъ быть названы христіанами. Таковы хевсуры, тушины, сванеты.

Хевсуры, напримѣръ „почти вовсе не посѣщаютъ православныхъ храмовъ, не бывають ни на исповѣди, ни у св. причастія, не принимаютъ ни крещенія, ни миропомазанія, отрицають бракъ и священство, оставляють умершихъ безъ погребенія, допускають многоженство. Лица, совершающія у нихъ богослуженіе, называются хевисберами или деканозами. Они выбираются на свои должности по указаніямъ чародѣевъ,

пользующихся въ глазахъ суевѣрной толпы безусловнымъ уваженіемъ. Въ храмъ имѣетъ право входить только хевисберъ; простые міряне стоятъ на площади за чертою, нарочно обведенною вокругъ храма. Литургія хевсуръ совершается на пяти хлѣбахъ, освященіе св. даровъ сопровождается чтеніемъ нѣкоторыхъ стиховъ изъ Св. Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта. Тайнство миропомазанія состоитъ въ помазаніи простымъ масломъ, покупаемымъ у армянъ; тайнство брака— въ перевязываніи брачущихъ красною ниткою. Въ праздники Пасхи и Вознесенія закалываются животныя, и кровію ихъ окропляются священныя мѣста и народъ. Образование культа хевсуръ относится къ давно минувшимъ временамъ, когда, во время одного турецкаго набѣга на Грузію, всѣ церкви хевсуръ были разорены до основанія, священнослужители умерщвлены, дома сожжены, имущество разграблено. Чтобы не остаться безъ богослуженія, они выбрали изъ своей среды наиболѣе уважаемыхъ лицъ и поручили имъ отправленіе религіозныхъ обрядовъ и торжествъ. Такъ явилось у нихъ свое священство“ (Отч. Оберъ-Прок. за 1883 г.).

Преобразованное въ прошломъ году „общество возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ“ не мало потрудилося для христіанскаго просвѣщенія племенъ кавказскихъ. Со времени учрежденія въ 1860 г., оно вновь устроило 32 церкви, возобновило 24, назначило постоянное содержаніе 137 церковнымъ причтамъ, устроило до 45 начальныхъ школъ для дѣтей горцевъ, учредило Александровскую учительскую семинарію и Осетинскую Владикавказскую дѣвичью школу для приготовленія учительницъ для народныхъ школъ, и открыло до 70 стипендій въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, основало письменность для нѣкоторыхъ мѣстныхъ племенъ, и издало св. Евангелія и богослужебныя книги на туземныхъ нарѣчіяхъ.

Въ присоединенномъ недавно къ Россіи Туркестанскомъ краѣ православное населеніе состоитъ приблизительно изъ 100 т. человекъ обоого пола. Вслѣдствіе малаго числа церквей, размѣщенныхъ на большомъ пространствѣ, православные какъ-бы теряются среди окружающихъ ихъ иновѣрныхъ.

Во всей епархіи только 49 священниковъ, а вмѣстѣ съ діаконами и псаломщиками 83 священнослужителя. Случаи обращенія къ православію изъ среды инородцевъ до сихъ поръ были рѣдки. Духовное правительство съ 1880 года озабочено учрежденіемъ въ Туркестанской епархіи особой миссіи для духовнаго просвѣщенія инородцевъ - язычниковъ и магометанъ. Въ видѣ фундамента для этого учрежденія признано было необходимымъ учрежденіе здѣсь обители съ миссіонерскимъ назначеніемъ, которая состояла-бы изъ образованныхъ иноковъ. Обитель рѣшено было устроить на берегу озера Исыкъ-Куля. Но постройка монастыря подвигается впередъ весьма медленно. Въ настоящее время епархіальною властію обращено особенное вниманіе на скорѣйшее возведеніе и сооруженіе православныхъ храмовъ въ Туркестанскомъ краѣ. Въ г. Ташкентѣ окончена въ прошломъ году вчернѣ постройка приходской церкви; приступлено также къ постройкѣ церкви въ г. Перовскѣ (бывшій военный постъ Кокана-Акъ-Мечеть). Въ нынѣшнемъ же году предполагается приступить еще къ сооруженію новой церкви—въ укрѣпленіи Петро-Александровскѣ.

Одно изъ цѣлесообразныхъ и могущественныхъ средствъ къ христіанскому воспитанію молодаго поколѣнія сель и деревень составляютъ церковно-приходскія школы; узаконенная высшею церковною и гражданскою властію, онѣ существуютъ не много болѣе года и если ихъ устройство не завершено и средства содержанія мало обезпечены, для чего нужно время,—то онѣ не обдѣлены искреннимъ сочувствіемъ православнаго общества и дѣятельнымъ содѣйствіемъ для ихъ благоустройства. Понятно, что такое важное дѣло, какъ направленіе народнаго образованія въ духѣ вѣры и нравственности христіанской, не могло обойтись безъ сильныхъ возраженій со стороны защитниковъ *свѣтской* народной школы; понятно и то, что нѣкоторые слишкомъ усердные защитники земской школы, устроенной по послѣднимъ западнымъ образцамъ, выходили при этомъ за предѣлы умѣренности и справедливости, опасаясь за самое существованіе земскихъ народныхъ школъ на ряду съ церковно-при-

ходскими. Такъ на примѣръ, въ одномъ изъ органовъ свѣтской печати, послѣ выраженія сожалѣнiя о томъ, что дѣятельность земства на пользу народнаго образованiя не вполне оцѣнена, говорится: „если-бы начальное народное обученiе могло быть приурочено къ одному учрежденiю, то такимъ учрежденiемъ по праву явилось-бы именно земство; оно одно, никѣмъ не побуждаемое и не поощряемое, принялось за забытое дѣло, въ двадцать лѣтъ подвинувшееся впередъ больше, чѣмъ до тѣхъ поръ въ нѣсколько столѣтiй. Мы знаемъ, — оговаривается почетное изданiе, — что долготѣнее равнодушiе къ народному образованiю, къ религиозно-нравственному просвѣщенiю массы не можетъ быть поставлено въ вину одному духовенству, но вѣдь мы и не отрицаемъ его права на роль въ начальномъ обученiи. Мы протестуемъ лишь противъ внезапнаго перехода отъ безучастiя къ монополiи, — монополiи не только несправедливой, но и неосуществимой. Рядомъ съ церковно-приходскими школами всегда найдется мѣсто для школъ всѣхъ другихъ родовъ и наименованiй“ (В. Е. Авг. 1885). Насколько основательны опасенiя за существованiе земскихъ и другихъ народныхъ школъ на ряду съ церковно-приходскими школами — покажетъ время. Но опасность угрожаетъ не съ той стороны, въ которой видитъ ее означенное изданiе, а со стороны православнаго русскаго народа, симпатiи коего несомнѣнно находятся на сторонѣ церковно-приходскихъ, а не земскихъ школъ. Если эти послѣднiя постепенно будутъ приближаться къ типу школъ церковно-приходскихъ (какъ это и замѣтно въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, на примѣръ Сызранское земское собранiе признало необходимымъ, по желанiю самихъ родителей, усилить въ школахъ духовно-нравственный элементъ и въ особенности обратить вниманiе на преподаванiе закона Божiя, церковно-славянскаго языка и пѣнiя. Симбир. земская газета № 471 по указ. „Москов. вѣд.“ 1885, № 30), — то, повидимому, ничто не угрожаетъ ихъ существованiю; если-же онѣ по прежнему будутъ стоять на почвѣ западнаго реализма, совсѣмъ не свойственнаго православному русскому народу, то несомнѣнно, что дни ихъ иссчитаны, даже при томъ обилiи средствъ, которыми онѣ пользуются. Впрочемъ, нѣкоторые защитники

земскихъ школъ въ настоящемъ ихъ видѣ смотрятъ на дѣло иначе. Одинъ изъ нихъ даже утверждаетъ, что крестьяне до-вѣрчиво относятся къ земскимъ школамъ и весьма недо-вѣрчиво къ церковнымъ; новыя методы обученія будто-бы любятъ, а часословъ и псалтырь не любятъ. (Русск. Вѣд. 1885 г., № 7). Но извѣстно, что этотъ органъ печати отличается нѣкоторыми особенностями не только въ своихъ воззрѣнiяхъ, но и въ способѣ доказательства ихъ. Любопытный образецъ особенностей послѣдняго рода представленъ въ передовой статьѣ „Московскихъ Вѣдомостей“ 1886 г., № 30, именно по отношенiю къ народнымъ школамъ. Въ доказательство справедливости своего взгляда, что „жизнь не представляетъ для церковно-приходскихъ школъ рѣшительно никакихъ данныхъ, *Русскiя Вѣдомости* указывали на Витебскую губернiю, гдѣ въ теченiе цѣлаго года открыто „только тридцать пять церковно-приходскихъ школъ“... Нужно замѣтить, что въ Витебской губернiи на 277 православныхъ приходо-въ считается 50000 раскольниковъ, болѣе 200000 римскихъ католиковъ и протестантовъ, около 86000 евреевъ“. Тѣже *Русскiя Вѣдомости* (1885 г. № 329), обзрѣвая двадцатилѣтнюю дѣятельность Тверскаго земства, пишутъ: „Въ виду печальнаго положенiя школьнаго дѣла, собранiе въ 1869 году рѣшается сдѣлать радикальный переворотъ въ своей школьной политикѣ; народное образова-нiе признается дѣломъ земства, образуется постоянный школь-ный фондъ, содержанiе школъ относится на земскiй счетъ. Съ этого момента земская школа въ Тверскомъ уѣздѣ начи-наетъ развиваться и крѣпнуть. Число школъ съ 21 въ 1870 году достигаетъ въ 1885 году до 38... Витебское правосла-вное приходское духовенство открыло въ теченiе одного года 35 школъ. *Русскiя Вѣдомости*, указывая на такое ничтожное число открытыхъ духовенствомъ школъ, пишутъ: „дѣло о цер-ковно-приходскихъ школахъ является *чахламы*“. Въ Тверскомъ же уѣздѣ, въ теченiе *пятнадцати* лѣтъ, земство открыло только *семнадцать* школъ, т. е. по одной школѣ въ годъ,—это выдается за очевидное доказательство просвѣтительной миссiи земцевъ и что школа *развивается и крѣпнетъ*“. Что касается часослова и псалтыри, то въ той же статьѣ „Московскихъ Вѣ-

домостей“ говорится: „Даже *Недѣля*, не смотря на свое не-расположеніе къ псалтыри и часослову, т. е. къ церковно-приходскимъ школамъ, сознается, что „вновь проявляющіяся въ земской средѣ вѣянія по вопросу о народномъ образованіи болѣе и болѣе обращаютъ на себя вниманіе. Мы отмѣчали отдѣльные факты подобнаго рода, но теперь оказывается, что нѣкоторые изъ этихъ фактовъ, принятые нами за частные, не единичны, а представляютъ что-то въ родѣ особенной струи въ повѣйшей общественной дѣятельности“ (№ 45). Неизвѣстно какіе факты въ настоящемъ случаѣ разумѣетъ *Недѣля*, но несомнѣнно, что есть немало фактовъ, доказывающихъ не только сочувствіе земствъ церковно-приходскимъ школамъ, но и сознаніе превосходства этихъ школъ предъ земскими. Укажемъ на нѣкоторые изъ нихъ. Напримѣръ, Екатеринбургское земское собраніе назначило каждой церковно-приходской школѣ по 100 рублей для пріобрѣтенія книгъ и учебныхъ пособій (Ц. В. 1885 г., № 8), Конотопское земство удѣлило для церковныхъ школъ ежегодную субсидію въ размѣрѣ 1000 руб. (Южн. Кр. 30 окт. 1885), а Нерехтенское уѣздное земское собраніе, Костромской губерніи, постановило каждой церковно-приходской школѣ, которая имѣетъ открыться, выдавать бесплатно необходимое количество различныхъ учебныхъ принадлежностей (Ц. В. 1885 г., № 49). Очередное Васильсурское (Нижегородской губ.) уѣздное земское собраніе, согласно просьбѣ священника - наблюдателя о пособіи 6-ти церковно-приходскимъ школамъ, состоящимъ подъ его наблюденіемъ, ассигновало на нихъ 300 р. (Ц. В. 1885 г., № 47), и, рассуждая по поводу этого прошенія, пришло къ мысли, что не худо было-бы, въ видахъ усиленія религіозно-нравственнаго просвѣщенія народа, преобразовать всѣ земскія школы въ церковно-приходскія. Въ Старо-Оскольскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи (Курской губерніи) было заявлено: назначенныя для земскихъ школъ деньги обратить на школы церковно-приходскія (*Недѣля* № 42). Фатежское уѣздное земство тоже помышляетъ о замѣнѣ земскихъ школъ церковно-приходскими (*Недѣля* № 43). Вольское земство постановило передать всѣ свои школы въ вѣдѣніе духовенства съ субсидіей въ 5000 рублей (Москов. Вѣд. 1886, № 30).

Послѣ этихъ фактовъ, несомнѣнно свидѣтельствующихъ о сочувствіи земствъ церковно-приходскимъ школамъ, излишне говорить о готовности собственно церковныхъ общинъ содѣйствовать, по мѣрѣ силъ, учрежденію и поддержанію этихъ школъ, хотя епархіальныя вѣдомости даютъ богатый для этого матеріалъ. Само правительство какъ-бы осватило постановленія земствъ и сельскихъ обществъ, увеличивши, по ходатайству Св. Синода, сумму, предназначенную на нужды церковно-приходскихъ школъ, до 120000 (Моск. Вѣд. 22 янв. 1886 года). Тѣмъ не менѣе нельзя умолчать и о нѣкоторыхъ случаяхъ совсѣмъ инаго отношенія земствъ къ церковно-приходскимъ школамъ. Напр. Казанское уѣздное земское собраніе, послѣ многихъ препирательствъ, рѣшило: „разъ навсегда, всѣмъ начальнымъ училищамъ, какъ только они преобразовываются въ церковно-приходскія школы, отказывать въ какомъ-бы то ни было пособіи“. (Южн. Кр. 19 ноябр. 1885). А Московское уѣздное земское собраніе высказалось въ собраніи 23 октября прошлаго года за рѣшительное устраненіе земства отъ всякихъ пособій въ пользу школъ домашняго обученія на томъ соображеніи, что въ домашнихъ школахъ, — а онѣ, какъ извѣстно, по положенію о церковно-приходскихъ школахъ, подлежатъ вѣдѣнію духовенства, — занимаются преподаваніемъ „обыкновенно бѣднѣйшія лица духовнаго званія: ихъ вдовы и сироты, а также и лица изъ крестьянскаго и военнаго сословія, сами съ грѣхомъ пополамъ научившіяся грамотѣ“ въ тѣхъ-же школахъ грамотности, — что въ этихъ школахъ происходитъ механическое зазубриваніе наизусть звуковъ и словъ безъ всякаго толка и смысла; о развитіи дѣтей, расширеніи ихъ умственнаго кругозора и обогащеніи новыми свѣдѣніями не заботятся, почему въ народѣ вырабатывается нерасположеніе къ грамотности, не приносящей ему никакой пользы (Ц. В. 1885 г., № 49). Послѣдній случай относится собственно къ школамъ грамотности и оба онѣ составляютъ плодъ печальнаго недоразумѣнія и служатъ уклоненіемъ отъ общаго направленія въ пользу церковно-приходскихъ школъ. Духовенство старается воспользоваться такимъ благопріятнымъ направленіемъ для просвѣтительной дѣятель-

ности въ духѣ Церкви православной и открываетъ церковно-приходскія школы преимущественно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, по недостатку школъ министерскихъ и земскихъ, чувствуется особенная нужда въ начальныхъ народныхъ школахъ. Доселѣ имѣются только отрывочныя свѣдѣнія о числѣ вновь открытыхъ духовенствомъ церковно-приходскихъ школахъ, но, судя и по этимъ свѣдѣніямъ, нужно полагать, что число ихъ весьма значительно. Болѣе полныя и точныя свѣдѣнія, собираемыя Училищнымъ Совѣтомъ при Святѣйшемъ Синодѣ, безъ сомнѣнія будутъ обнародованы въ свое время и дадутъ твердое основаніе для сужденія какъ о степени сочувствія православнаго русскаго общества къ церковно-приходскимъ школамъ, такъ и объ усердіи духовенства въ исполненіи священной для нихъ обязанности по воспитанію юныхъ поколѣній въ духѣ вѣры православной.

Православная Церковь, въ лицѣ своихъ архипастырей, неусыпно стоитъ на стражѣ духовнаго просвѣщенія народа. Важное значеніе церковно-приходской школы, какъ одного изъ средствъ къ усиленію религіозно-нравственнаго воспитанія молодаго поколѣнія и укрѣпленію пастырскаго воздѣйствія на пасомыхъ, было недавно разъяснено высокопреосвященнѣйшимъ митрополитомъ С.-Петербургскимъ и Новгородскимъ Исидоромъ въ воззваніи къ духовенству Новгородской епархіи, въ которомъ маститый іерархъ Русской Церкви разсматриваетъ дѣятельность духовенства въ народной школѣ, какъ одинъ изъ видовъ церковнаго учительства, выводя обязанность священниковъ учить въ школѣ изъ понятія о ихъ призваніи, какъ руководителей пасомыхъ отъ колыбели до могилы, и изъ понятія о важности полученнаго въ дѣтствѣ на правленія для послѣдующей духовной жизни человѣка („Рук. для сел. паст.“ 1885 г., № 46). Въ такомъ-же смыслѣ обязанность священниковъ заботиться объ обученіи дѣтей въ школѣ, т. е. какъ обязанность ихъ заложить въ дѣтскихъ душахъ прочное основаніе православнаго воспитанія, дабы тѣмъ содѣлать изъ нихъ преданныхъ сыновъ Церкви, изъяснялъ и покойный высокопреосвященный архіепископъ Вятскій Аполлосъ въ воззваніи къ духовенству своей епархіи („Прав. Обзор.“, апрѣль

1885 г.). Изъясненіе могущественной силы христіанской проповѣди, какъ живаго слова, даетъ преосвященный Амвросій, епископъ Харьковскій („Вѣра и Разумъ“ 1884 г., №№ 6, 7 и 8 и 1885 г., №№ 12 и 15). И дай Богъ, чтобы слово христіанской проповѣди, будетъ-ли оно произноситься въ школѣ, или съ церковной кафедрѣ, не оскудѣвало въ православной Россіи, но процвѣтало и приносило благіе плоды.

С. Садовъ.

L'UNION CHRÉTIENNE

(Х Р И С Т И А Н С К О Е Е Д И Н Е Н И Е).

Подъ такимъ заглавіемъ издается за границею священникомъ православной русской Церкви въ Парижѣ, докторомъ православнаго богословія, о. Владиміромъ Гетте ежемѣсячный журналъ, имѣющій цѣлью знакомить западныхъ христіанъ съ ученіемъ Церкви православной и защищать истины православія отъ нападений католиковъ и протестантовъ. Эту цѣль достопочтенный о. Владиміръ Гетте преслѣдуетъ въ теченіе 26 лѣтъ съ неослабѣвающею энергіею и искусствомъ, свидѣтельствующимъ о его выдающихся талантахъ и громадной учености. Въ теченіе четверти вѣка почтенный издатель не пропустилъ ни одного спорнаго вопроса между Церковію православною и римскою и обществами протестантскими и въ рѣшеніи каждаго изъ нихъ являлся достойнѣйшимъ представителемъ Церкви православной. Необычайное даже между учеными Запада, можно сказать, — изумительное знакомство съ памятниками христіанской письменности по исторіи Церкви и вѣры христіанской давало ему твердую точку опоры въ борьбѣ съ противниками, а точное знаніе ихъ пріемовъ и ухищреній въ литературныхъ спорахъ, соединенное съ строгою логичностію въ развитіи мыслей, облегчало для него трудъ въ запитѣ истины и обличеніи хитросплетеній противниковъ. Его рѣчь всегда отличается особенною ясностію, твердостію, умѣренностію и убѣдительностію. Всѣ эти несомнѣнныя достоинства о. Владиміра и его журнала по справедливости оцѣнены не только православными читателями, но и инославными, даже его противниками, и не мало способствовали искорененію предубѣжденій противъ Церкви православной, а это уже значительный шагъ къ достиженію конечной цѣли изданія, выражаемой его заглавіемъ.

Слѣдя за теченіемъ церковной жизни на Западѣ, въ качествѣ стража и защитника Церкви православной, достопочтенный о. Владиміръ издалъ не мало и отдѣльныхъ капитальныхъ произведеній по исторіи Церкви христіанской и изъясненію вѣры право-

славной, также сочиненій, направленныхъ къ облеченію заблужденій папства. Православные русскіе богословы не могли не обратить должнаго вниманія на выдающіеся ученые труды и заслуги о. Владиміра Гетте и знаменитѣйшій между ними, покойный митрополитъ Московскій Филаретъ поручилъ ректору Московской духовной Академіи, протоіерею А. В. Горскому, также первоклассному богослову и историку, рассмотретьъ одно изъ ученыхъ произведеній о. Владиміра Гетте: „La Parauté Schismatique“. Покойный А. В. Горскій далъ весьма лестный отзывъ какъ объ этомъ сочиненіи, такъ и вообще объ ученыхъ трудахъ о. Владиміра и авторъ, по удостоенію Конференціи Московской духовной Академіи, былъ утвержденъ Святѣйшимъ Синодомъ въ 1863 году въ ученой степени доктора православнаго богословія.

Редакція журнала „Вѣра и Разумъ“, при самомъ началѣ изданія, обратила особенное вниманіе на высокія достоинства журнала „L'Union Chrétienne“, одобреннаго высшею властію православной русской Церкви, и предложила вниманію своихъ читателей нѣкоторыя изъ его статей въ русскомъ переводѣ. Въ то же время она была весьма заинтересована личностію самого издателя. Французъ по происхожденію, воспитанникъ латинской церкви, получившій образованіе въ высшихъ католическихъ школахъ, отличающійся талантами и ученостію, имѣвшій доступъ къ самымъ высшимъ должностямъ въ католической іерархіи, убѣждается въ заблужденіяхъ папства, въ несомнѣнной истинѣ вѣры православной, дѣлается ея членомъ и смиреннымъ служителемъ въ званіи священника русской Церкви, посвящаетъ всю жизнь на защиту своей пріемной матери, служитъ ей съ ревностію одного изъ достойнѣйшихъ ея родныхъ дѣтей и съ совершеннымъ самоотверженіемъ. Явленіе необычное! Въ увѣренности, что оно должно быть и въ высшей степени поучительнымъ, Редакція обратилась къ достопочтеннѣйшему о. Владиміру Гетте съ покорнѣйшею просьбою изложить, если онъ признаетъ это возможнымъ, исторію своего обращенія отъ католичества къ вѣрѣ православной. О. Владиміръ былъ настолько обязателенъ, что не отказалъ въ исполненіи этой просьбы. Его писъмо, напечатанное въ 3-й книжкѣ журнала „Вѣра и Разумъ“ за 1885 годъ, представляетъ живѣйшій интересъ для всякаго православнаго христіанина, какъ опытное и несомнѣнное доказательство той истины, что усердное и добросовѣстное изученіе исторіи Церкви и вѣры христіанской по ея первоначальнымъ источникамъ, не пека-

женнымъ и не затемнѣннымъ примѣсю ложныхъ и хитросплетенныхъ толкованій, приводитъ лучшіе умы къ твердому убѣжденію въ истинѣ православія и несомнѣнномъ превосходствѣ его предъ другими христіанскими вѣроученіями. Впрочемъ понятно, что сочиненія о. Владиміра Гетте, помимо ихъ научныхъ и литературныхъ достоинствъ, какъ голосъ человѣка, познавшаго истину путемъ продолжительныхъ и усиленныхъ научныхъ изслѣдованій, должны производить сильное впечатлѣніе въ западномъ христіанскомъ мірѣ, вообще мало знакомомъ съ нашею православною Церковію и ея ученіемъ. Но жаль, что у насъ въ Россіи онѣ читаются только спеціалистами по наукамъ богословскимъ и мало пзвѣстны образованной публикѣ, тогда какъ вполне доступны для всякаго владѣющаго французскимъ языкомъ. Редакція, пользуясь обязательнымъ согласіемъ достопочтеннаго ученаго богослова на переводъ его сочиненій на русскій языкъ, надѣется, по мѣрѣ возможности, знакомить своихъ читателей съ учеными трудами о. Владиміра Гетте; но по самой задачѣ нашего изданія это возможно въ весьма ограниченной мѣрѣ. Между тѣмъ его труды заслуживаютъ полнаго вниманія со стороны всякаго образованнаго христіанина, желающаго знать не только положительное ученіе Церкви православной, но и его особенности въ сравненіи съ другими христіанскими вѣроученіями, преимущественно римско-католическимъ и протестантскимъ; а также слѣдить за текущими событіями въ жизни католичества и протестантства и ихъ отношеніями къ православію. Посему Редакція считаетъ своею обязанностию рекомендовать вниманію читателей, владѣющихъ французскимъ языкомъ, какъ журналъ, издаваемый о. Владиміромъ Гетте: „L'Union Chrétienne“ (выходящій въ свѣтъ 15 числа каждаго мѣсяца и стоющій 20 франковъ въ годъ), такъ и слѣдующія его сочиненія:

La Parauté schismatique (Схизматическое папство). 2-е изданіе, оставшееся въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ. Цѣна 7 фр. 50 сант.

Это сочиненіе написано въ отвѣтъ на обвиненіе автора въ схизмѣ, но принятіи имъ православія, и доставило ему ученую степень доктора православнаго богословія. Сочиненіе приводитъ каждаго безпристрастнаго читателя къ твердому убѣжденію въ томъ, что обвиненіе въ схизмѣ должно быть по всей справедливости отнесено къ самому папству.

La Parauté hérétique (Еретическое папство).

Въ этомъ сочиненіи показаны все заблужденія и ереси запад-

ной римской церкви, появившіяся со времени отдѣленія отъ восточной Церкви. Авторъ находитъ ихъ у знаменитѣйшихъ ученыхъ богословъ римской церкви и опредѣляетъ самое время ихъ появленія. Цѣна 7 фр. 50 сант.

Exposition de la doctrine de l'Eglise orthodoxe. (Изложеніе ученія православной Церкви). 2-е изд. I т. in 32. Цѣна 3 фр. 50 сант.

Въ этомъ сочиненіи авторъ изложилъ догматическое ученіе Церкви православной, римской и обществъ протестантскихъ. Это сочиненіе можетъ служить отличнымъ руководствомъ для лицъ, не получившихъ богословскаго образованія, но желающихъ имѣть точное понятіе о разностяхъ, отличающихъ ученіе Церкви православной отъ ученій римско-католическаго и протестантскихъ.

Histoire de l'Eglise depuis la naissance de N. S. J. Christ. jusqu' à nos jours. (Исторія Церкви отъ рождества Господа нашего Іисуса Христа до нашего времени).

Авторъ напечаталъ только пять томовъ этого большаго сочиненія. Они заключаютъ въ себѣ исторію христіанской Церкви, нераздѣльной, до седьмаго вселенскаго собора включительно. При изложеніи событій и догматическихъ изслѣдованій авторъ въ самомъ точномъ переводѣ дѣлаетъ извлеченія изъ твореній отцовъ Церкви и первоначальныхъ историковъ, такъ что читатель не подвергается опасности уклониться отъ истины, какъ это нередко случается съ читателями сочиненій, писанныхъ подъ вліяніемъ возрѣвнѣй римско-католическихъ или протестантскихъ. До сего времени православная Церковь не имѣла еще такого обширнаго сочиненія по исторіи Церкви. Это сочиненіе о. Владимира Гетте можно поставить на ряду съ обширными изданіями католическихъ и протестантскихъ богослововъ.

Каждый томъ „Исторіи Церкви“ заключаетъ въ себѣ двѣ большія книги in 8—и стоитъ 12 франковъ.

О. Владиміръ издалъ много и другихъ сочиненій въ защиту православія и съ цѣлію ознакомленія съ ними западныхъ христіанъ.

Журналъ о. Владиміра Гетте „L'Union Chrétienne“ и всѣ другія его сочиненія можно получать у Фишбахера въ Парижѣ и выписывать по адресу: Paris. La Librairie Fischbacher, Rue de Siene, 33.

Можно также абонироваться на журналъ въ почтовыхъ конторахъ на условіяхъ, опредѣленныхъ почтовымъ вѣдомствомъ.

МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ АНАЛИЗЪ ЭМПИРИЧЕСКАГО ПОЗНАНІЯ.

(Продолженіе *).

Кромѣ тѣхъ свойствъ, о которыхъ мы до сихъ поръ говорили, можетъ быть есть еще другія, имѣющія болѣе объективный характеръ и потому сообщающія намъ болѣе адекватное понятіе о внѣшнемъ мірѣ? Дѣйствительно мы знаемъ, что нѣкоторые философы, напримѣръ Локкъ, различали въ предметахъ два рода свойствъ: тогда какъ одни, называемыя ими вторичными (цвѣта, звуки, запахи и пр.), они признавали субъективными, относительно другихъ, называемыхъ ими первичными, утверждали, что они суть дѣйствительныя свойства вещей, таковы: плотность, протяженность, фигура, движеніе, покой, число. Но уже Берклеи замѣтилъ, что эти свойства слишкомъ тѣсно соединены въ нашемъ познаніи съ упомянутыми выше первичными свойствами, чтобы можно было раздѣлять тѣ и другія слишкомъ рѣзкою гранью. Не входя въ подробный анализъ этихъ свойствъ, укажемъ на признаки субъективнаго элемента въ важнѣйшихъ, основывающихся на этихъ свойствахъ представленіяхъ о величинѣ, мѣрѣ, разстояніи и движеніи предметовъ.

Мы называемъ предметы большими, малыми, далекими, близкими, и опредѣляемъ мѣру величины и протяженности. Но выражаемъ ли мы подобнаго рода представленіями что-либо реальное? Величина и малость суть понятія чисто условныя,

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1886 г. № 2.

опредѣляющія не свойства предметовъ, а ихъ отношенія къ памъ. Предметъ малый для исполина и взрослога челоуѣка будетъ казаться большимъ для карлика и дитяти. Тотъ-же предметъ вблизи кажется большимъ, въ отдаленіи малымъ. Сравнивая далѣе челоуѣка съ другими органическими существами, находимъ, что понятія величины и малости должны измѣняться соотвѣтственно условіямъ ихъ организаціи. Нога мошки, какъ говоритъ Берклеи, для челоуѣка кажется чѣмъ-то ничтожно малымъ, для самой мошки довольно большимъ, а для животнаго меньше мошки (напримѣръ для инфузоріи) чѣмъ-то огромнымъ. Кака-же величина ея есть истинная и чье представленіе о ней будетъ безусловно вѣрнымъ?

То, что сказано о величинѣ предметовъ, прилагается и къ измѣренію ихъ по разстоянію и протяженію. Всѣ наши измѣренія также мало принадлежатъ природѣ, какъ землѣ межевые знаки и верстовые столбы, разставленные челоуѣкомъ на ея поверхности. Что наши представленія о разстояніи принадлежатъ намъ, а не составляютъ отраженія дѣйствительныхъ свойствъ вещей, свидѣтельствуется тотъ психологическій фактъ, что способность судить о разстояніи и относительномъ положеніи предметовъ пріобрѣтается навыкомъ и довольно сложными пріемами психической познавательной дѣятельности. Дитя тянется къ луцѣ и дуется на отдаленный огонь, думая потушить его также легко, какъ пламя свѣчи, которую задуть ему удалось. Опыты надъ слѣпорожденными, получившими посредствомъ операціи зрѣніе въ лѣтахъ зрѣлыхъ, показываютъ, что всѣ внѣшніе предметы отражаются въ глазѣ планиметрически, а не стереометрически, кажутся лежащими на одной плоскости, какъ-бы на картинѣ; понятія-же объ относительномъ положеніи предметовъ слѣпорожденные, также какъ и дѣти, образуютъ уже при помощи разсудка *).

То, что мы сказали о субъективности нашихъ пространственныхъ измѣреній, можно сказать и объ измѣреніяхъ и опредѣ-

*) Точно также отъ участія познавательной силы зависитъ и то явленіе, что предметы, отражающіеся на глазной сѣткѣ въ превратномъ видѣ, мы видимъ прямо, отражающіеся вдвойнѣ, — въ двухъ глазахъ видимъ какъ одинъ предметъ.

леніяхъ времени. Всѣ они означаютъ не дѣйствительное какое-либо качество вещей, а наше субъективное отношеніе къ нимъ. Напримѣръ, мы говоримъ: теперь десятый часъ; но на самомъ дѣлѣ теперь столько-же десятый часъ, сколько первый, второй, пятый, двѣнадцатый, потому что, по отношенію къ движенію земнаго шара, обращеніе котораго около солнца мы принимаемъ за мѣру времени, всѣ часы одновременно существуютъ въ природѣ; ибо въ то время, когда у насъ десятый часъ, на другомъ пунктѣ земнаго шара третій, на иномъ—пятый, двѣнадцатый и т. д. Который-же часъ теперь на самомъ дѣлѣ не для насъ, а для находящейся внѣ насъ природы? Объективно мы имѣемъ право сказать, что всѣ часы суть въ каждый моментъ и, наоборотъ, что на самомъ дѣлѣ нѣтъ часовъ,—утвержденія противорѣчащія, которыя разрушаютъ истину самаго понятія измѣренія времени *). Если-же мы скажемъ, что подобными эмпирическими представленіями мы все-таки можемъ выразить объективную истину, но для этого нужно добавить опредѣленіе времени болѣе точнымъ опредѣленіемъ пространства,—сказать *идѣ* какой часъ,—то и этимъ мало поможемъ дѣлу. Положимъ, мы говоримъ точнѣе: теперь *здѣсь* десятый, двѣнадцатый часъ. Но сейчасъ-же оказывается, что мы ничего этимъ не выиграли, что эта точность мнимая и что опредѣляющее понятіе мѣста также шатко, субъективно, какъ и понятіе времени. Что такое *здѣсь*, что такое *мѣсто* вообще? Не успѣли мы сказать *здѣсь*, какъ *здѣсь* уже исчезло. Принимая во вниманіе непрерывное движеніе земли около солнца, съ которою движемся и мы, узнаемъ, что пока мы говорили *здѣсь*, мы вмѣстѣ съ кажущеюся намъ неподвижною точкою, на которой стояли, очутились не здѣсь, а *инуды*, за нѣскольکو географическихъ миль отъ того математическаго пункта,

*) Подобному-же анализу можно подвергнуть и другія эмпирическія представленія, въ которыя входитъ опредѣленіе времени. Напримѣръ: теперь день, зима и т. п. Теперь день,—но на другомъ полушаріи теперь не день, а ночь; еще въ иной точкѣ земнаго шара теперь сумерки, разсвѣтъ. Теперь зима,—но въ другихъ странахъ свѣта теперь не зима, а весна, лѣто или осень. Следовательно, и здѣсь эмпирическое представленіе не выражаетъ объективной истины, и понятія: день, ночь, весна, зима и т. п. выражаютъ только наше отношеніе къ природѣ, а не реальныя свойства вещей.

гдѣ были прежде. Такимъ образомъ обозначенія, повидимому, самыя точныя и реальныя, употребляемыя для опредѣленія пространства и времени, на самомъ дѣлѣ не имѣютъ той истины, какую мы имъ приписываемъ.

Но если не реальны точныя опредѣленія времени и мѣста, то можетъ быть болѣе объективно то самое понятіе, которое дѣлаетъ ихъ неточными, — именно понятіе движенія. Но и здѣсь при ближайшемъ анализѣ мы находимъ ту-же неточность, ту-же субъективность въ опредѣленіи того, что называть покоющимся и что движущимся. Земля намъ кажется неподвижною, а между тѣмъ она быстро движется; по отношенію къ землѣ солнце неподвижно, а по отношенію къ называемымъ неподвижными звѣздамъ также движется. Но и неподвижныя звѣзды по всей вѣроятности неподвижны только для насъ, а не сами по себѣ. Но если мы ограничимся даже земнымъ шаромъ, то увидимъ, что и здѣсь понятія движенія и покоя относительны. Человѣкъ, который идетъ по палубѣ плывущаго внизъ по рѣкѣ судна отъ бугшприта къ рулю (т. е. въ противоположную сторону), по отношенію къ судну находится въ движеніи, а по отношенію къ берегу можетъ быть въ покоѣ. Шаръ, брошенный нами по направленію къ востоку, кажется намъ движущимся съ извѣстною быстротою по этому направленію. Но если-бы онъ летѣлъ также быстро, какъ въ то же время земля по направленію противоположному отъ востока на западъ, то для нашего глаза этотъ летящій шаръ при обратномъ движеніи земли около своей оси, показался бы покоющимся. Вообще, понятія покоя и движенія относительны и что въ извѣстномъ отношеніи кажется вамъ движеніемъ, то въ другомъ есть покой.

Но какъ скоро оказались субъективными и относительными такія, повидимому, прочныя и реальныя свойства предметовъ, какъ протяженіе, величина, мѣсто, движеніе, то что-же осталось объективнаго отъ чувственнаго предмета? Не исчезаетъ ли и самъ онъ, какъ нѣчто реальное и самостоятельное, за исчезновеніемъ всѣхъ его свойствъ? На этотъ вопросъ идеалистическая философія считаетъ себя вправѣ отвѣчать утвердительно и заключеніе о субъективности свойствъ внѣшнихъ

предметовъ переносить и на самые предметы. Эти предметы и цѣлая совокупность ихъ,—чувственный міръ, для нея столь-же мало реальны, какъ и свойства ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, что мы называемъ внѣшнимъ реальнымъ предметомъ? Объединенную совокупность различныхъ качествъ и свойствъ, которыя мы предполагаемъ принадлежащими одному цѣлому, какъ чему-то постоянному и неизмѣнному. Постоянство и пребываемость мы считаемъ характеристическимъ признакомъ предмета, вещи, отличающимъ ихъ отъ явленія, какъ чего-то преходящаго и мимолетнаго. Но справедливо-ли это предположеніе? Есть-ли въ предметѣ что-либо постоянное, что дѣлало-бы его именно *этимъ предметомъ*, вещью, а не постоянною смѣною неуловимыхъ явленій?

Уже древній философъ Гераклитъ вѣрно опредѣлилъ сущность внѣшняго бытія формулою: „все течетъ, подобно рѣкѣ“,—т. е. въ природѣ все постоянно измѣняется и нигдѣ нѣтъ ничего постояннаго. Опытъ вполне подтверждаетъ это положеніе. Въ природѣ, этомъ текучемъ бытіи, нѣтъ ничего постояннаго, какъ бы постояннымъ что-либо ни казалось намъ. Въ каждомъ отдѣльномъ предметѣ непрерывно дѣйствуютъ физическіе, химическіе, а въ существахъ живыхъ кромѣ того органическіе процессы, и постоянно измѣняютъ его, не оставляя ни на одну даже секунду такимъ, какимъ онъ былъ въ предыдущую секунду. Если что въ природѣ представляется намъ неизмѣннымъ и неподвижнымъ, то это или обманъ чувствъ, или неизмѣнность только относительная; покой есть въ сущности только болѣе медленное движеніе. Камень, символъ неизмѣнности, постоянно подверженъ химическимъ процессамъ разложенья, вывѣтриванія, которые непрерывно, хотя совершенно незамѣтно для нашего наблюденія, измѣняютъ его.

Но если это такъ, если текучая измѣнчивость есть заковъ внѣшняго бытія, то могутъ-ли выражать что-либо объективное наши представленія о конкретныхъ предметахъ, какъ о чемъ-то постоянномъ и одинаковомъ? Мы представляемъ какой-нибудь предметъ, какъ этотъ именно, а не иной предметъ. Но если-бы мы другой разъ захотѣли-бы сравнить наше представленіе съ тѣмъ предметомъ, съ котораго оно свято, то увидѣли-

бы, что самый предметъ сталъ уже не тѣмъ предметомъ, какимъ былъ прежде. Постоянное измѣненіе, составляющее сущность чувственнаго бытія, уже коснулось его. Наше представленіе выражаетъ уже не *этотъ* предметъ, а иной; тотъ предметъ существовалъ только въ то мгновеніе, въ которое мы взглянули на него. Предъ нами собственно и былъ не предметъ, а мгновенное, мимолетное явленіе постоянно текучаго и неуловимаго бытія. Не успѣло впечатлѣніе отъ предмета дойти до насъ, не успѣли мы сказать о немъ слова, какъ *этотъ* предметъ сталъ уже не этимъ, а инымъ, такъ какъ незамѣтное для насъ измѣненіе уже коснулось его. Отсюда видно, что наше представленіе о конкретномъ предметѣ, какъ о чемъ-то имѣющемъ самостоятельное, устойчивое бытіе, не есть представленіе какого-либо дѣйствительнаго предмета. Въ представленіи о конкретномъ предметѣ мы выражаемъ не *этотъ* предметъ, какъ онъ есть, но нѣчто другое; говоря о немъ, мы говорили не о реальномъ предметѣ, но о нашемъ субъективномъ представленіи, которое только въ насъ и для насъ имѣетъ постоянное бытіе.

Объяснимъ сказанное нами примѣрами. Мы взглянули на какой-нибудь конкретный предметъ, напр. дерево; въ насъ составилось представленіе этого именно дерева. Согласимся, что наше представленіе (что впрочемъ на самомъ дѣлѣ невозможно) такъ ясно, полно и точно, образъ дерева въ нашемъ сознаніи такъ индивидуаленъ, что относится дѣйствительно къ этому только дереву, а не къ какому другому. Что пользы? Не успѣли мы представить *это* дерево, какъ оно уже измѣнилось. Вѣтеръ-ли перемѣнилъ положеніе его вѣтвей и листьевъ, солнечный-ли лучъ иначе освѣтилъ его, или, — что существеннѣе, — непрерывно совершающійся въ немъ процессъ усвоенія и выдѣленія различныхъ веществъ прибавилъ и убавилъ въ немъ нѣчто, но все это нѣсколько измѣнило его, сдѣлало его не тѣмъ точно деревомъ, которое было, когда мы взглянули на него, но инымъ, и наше мнимо конкретное представленіе уже не годится. Предъ нами листъ бумаги. Кажется, наше представленіе о немъ самое конкретное и вѣрное; мы указываемъ на предметъ пальцемъ, — говоримъ: *этотъ* предметъ, *этотъ* листъ

бумаги. Но мы и здѣсь не удерживаемъ чувственной дѣйствительности, не смотря на то, что хотимъ, такъ сказать, схватить ее руками. Не успѣли мы указать на этотъ листъ бумаги, какъ въ немъ произошло уже нѣкоторое, конечно неуловимое для насъ измѣненіе; онъ сталъ не совсѣмъ уже тѣмъ листомъ, который былъ предъ нами за секунду прежде, но инымъ. Захотимъ-ли мы сказать что-нибудь объ этомъ листѣ и, подробно описавъ его, удержать для себя его бытіе? Но это невозможно; во время дѣйствительной попытки описать его, онъ истлѣлъ-бы и, начавъ свое описаніе, мы не могли-бы кончить его и должны-бы признаться, что говоримъ о вещи, которой на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Это знаетъ и обыкновенная логика, которая учитъ насъ, что чѣмъ меньше объемъ понятія, тѣмъ шире его содержаніе и наоборотъ, и что, слѣдовательно, предметъ индивидуальный представляетъ такое безчисленное множество признаковъ, что передать ихъ въ опредѣленіи мы не въ состояніи. Метафизика можетъ прибавить къ этому, что признаки конкретнаго предмета безчисленны не только отъ количества ихъ, но и отъ постоянной измѣнчивости предмета; тѣ признаки, которые были въ немъ въ сію секунду, измѣнились въ другую. Какъ мало наше представленіе конкретныхъ предметовъ выражаетъ ихъ дѣйствительное бытіе, показываетъ даже самый нашъ языкъ: въ немъ нѣтъ словъ для обозначенія конкретныхъ предметовъ. Чтобы приблизить наше понятіе къ такому предмету, мы употребляемъ сочетанія словъ, прибѣгаемъ къ описанію. Но это описаніе, какъ мы видѣли, никогда не можетъ быть равнымъ предмету, хотя-бы продолжалось такъ долго, какъ существуетъ предметъ; съ каждымъ моментомъ онъ будетъ мѣняться, становиться инымъ и истиннаго бытія его посредствомъ чувственнаго представленія мы не уловимъ.

Такой текучій, неуловимый для нашего познанія характеръ эмпирической дѣйствительности подаетъ идеализму поводъ заключать, что и самыя, такъ называемыя, конкретныя вещи, какъ нѣчто постоянное, существуютъ не ввѣ насъ, а въ насъ самихъ, или точнѣе,—существуютъ только представленія или мысли о конкретныхъ вещахъ, имѣющія постоянное бытіе толь-

ко въ насъ и для насъ, — представленія, которымъ вовсе не соответствуетъ дѣйствительность.

Мы представили болѣе важныя данныя философскаго анализа чувственной дѣйствительности, начиная отъ фактовъ физическихъ, фізіологическихъ и психологическихъ и кончая діалектической критикою понятія о конкретномъ предметѣ въ идеалистической философіи *). Теперь мы должны, на основаніи этихъ данныхъ, попытаться рѣшить вопросъ: существуетъ ли такъ называемый чувственный міръ и въ какой степени достовѣрно наше эмпирическое познаніе о немъ.

Мы видѣли, что по отношенію къ этому вопросу существуетъ самое рѣзкое, повидимому непримиримое, противорѣчіе между непосредственнымъ нашимъ сознаниемъ и воззрѣніемъ, можно сказать, большинства философовъ. Эта противоположность въ исторіи мышленія нашла свое выраженіе въ двухъ противоположныхъ воззрѣніяхъ на эмпирическую дѣйствительность, — *матеріализмъ* и *идеализмъ*.

Основываясь на непосредственной, повидимому несокрушимой никакими научными сомнѣніями, увѣренности въ реальности чувственнаго бытія и достовѣрности нашего познанія о немъ, матеріализмъ утверждаетъ реальность какъ чувственныхъ вещей, такъ и вещественнаго міра вообще, точно также, какъ и истину нашего эмпирическаго познанія о немъ. Но этого мало; эту реальность онъ почитаетъ до такой степени очевидною и истинною, что утверждаетъ ее, какъ абсолютный признакъ какого-бы то ни было реальнаго бытія, съ исключеніемъ всякаго другаго. Это воззрѣніе матеріализма коротко можно выразить въ слѣдующей онтологической формулѣ: существуетъ *только* матеріальное бытіе и ничего болѣе.

Основываясь на данныхъ критическаго анализа эмпирическаго познанія, идеализмъ отрицаетъ истину бытія чувственнаго міра въ томъ видѣ, въ какомъ даетъ знать о немъ наше чувственное познаніе. Но этого мало; это отрицаніе онъ рас-

*) Основная мысль ея и примѣры взяты изъ феноменологіи духа Гегеля. Довольно подробное изложеніе его анализа „чувственной достовѣрности“, — см. у В. Соловьева, въ его „Критикѣ отвлеченныхъ началъ“. 1880, стр. 209 — 220.

пространяетъ не только на чувственный міръ, въ какой мѣрѣ онъ отражается въ нашемъ познаніи, но и на самое существованіе его, какъ дѣйствительности внѣшней намъ и отъ насъ независимой. Матеріальное бытіе и вообще не существуетъ; все, кажущееся намъ чувственнымъ, матеріальнымъ, на самомъ дѣлѣ феноменъ единого, нематеріальнаго бытія. Это возрѣніе идеализма кратко можно выразить въ слѣдующей онтологической формулѣ: существуетъ *только* бытіе духовное и ничего болѣе.

Въ какой мѣрѣ справедливы и согласны съ изложеннымъ нами анализомъ чувствепнаго познанія эти исключаютія другъ друга онтологическія формулы матеріализма и идеализма? Рѣшеніе этого вопроса составитъ дальнѣйшую задачу нашего изслѣдованія *).

1. Исходнымъ началомъ матеріализма служить, какъ мы сказали, непосредственное наше сознаніе и увѣренность въ существованіи внѣшнихъ предметовъ въ томъ видѣ, въ какомъ они познаются нашими чувствами. Въ этой увѣренности заключается главное право его на существованіе и психологическое оправданіе этого существованія. Дѣйствительно, въ непосредственномъ нашемъ сознаніи мы встрѣчаемъ неизбежное, почти неискоренимое никакими отвлеченными умствованіями стремленіе представлять не только бытіе внѣшнихъ чувственныхъ вещей, но и всякое вообще бытіе въ формахъ бытія матеріальнаго. Исторія языка показываетъ, что всѣ почти слова (за исключеніемъ образовавшихся въ сравнительно новое время), для обозначенія абстрактныхъ понятій и предметовъ, почитаемыхъ нами нематеріальными, духовными, заимствованы отъ представленій чувственныхъ и что поэтому первоначально духовные объекты были понимаемы, какъ объекты чувст-

*) Отсюда уже видно, что какъ матеріализмъ, такъ и идеализмъ мы будемъ разсматривать здѣсь только съ онтологической точки зрѣнія, а не въ отношеніи къ положительному рѣшенію ими различныхъ философскихъ вопросовъ, напиримѣръ о первой причинѣ бытія, о происхожденіи міра и т. п. Критическому разбору этого рѣшенія мѣсто въ дальнѣйшихъ частяхъ метафизики,—въ рациональной теологіи, космологіи и психологіи. Здѣсь мы должны исключительно отвѣтить только на вопросъ: вѣрны-ли понятія матеріализма и идеализма о чувственномъ или внѣшнемъ бытіи,—абсолютное утвержденіе его, какъ единственно истиннаго бытія въ первомъ, и отрицаніе его въ послѣднемъ.

венные. Такъ, напримѣръ, самыя выраженія: духъ, душа, духовный, по коренному значенію ихъ во всѣхъ почти языкахъ означаютъ вѣтеръ, дыханіе, дымъ, испареніе, тѣнь и проч. *). Но эта необходимость матеріализаціи, такъ сказать, духовныхъ объектовъ и состояній не есть явленіе извѣстнаго только момента въ исторіи человѣческой культуры. И при дальнѣйшемъ развитіи мышленія насъ не оставляетъ неизбѣжное стремленіе представлять духовное по образцу чувственнаго и въ чувственныхъ формахъ, не смотря на утверждаемую нашимъ разумомъ неадекватность этой формы содержанію. Силу этого стремленія и опредѣляющее вліяніе его даже на ходъ философскаго мышленія испытывали иногда философы, не принадлежавшіе къ числу матеріалистовъ. Такъ, напримѣръ, Тертуліанъ рѣшительно признавалъ немислимость чего-либо нематеріальнаго и пришелъ отсюда къ убѣжденію въ тѣлесности Божества и души; Гассенди чистосердечно признавался, что онъ о Богѣ не можетъ мыслить иначе, какъ представляя его въ матеріальной формѣ. Изъ этого врожденнаго, такъ сказать, стремленія представлять духовное по образцу чувственнаго, объясняется отчасти устойчивость матеріалистическаго ученія, не смотря на постоянную и повидимому побѣдоносную борьбу съ нимъ раціонализма. Отсюда объясняется отчасти нерасположеніе, даже отвращеніе нѣкоторыхъ къ философіи и къ метафизикѣ, какъ такой области познанія, которая совершенно удаляетъ насъ изъ привычной сферы представленій въ сферу, неосуществимаго для многихъ, абстрактнаго мышленія.

Но напрасно сталъ-бы матеріализмъ въ свое оправданіе ссылаться на непосредственную увѣренность въ достовѣрности нашего познанія объ окружающемъ насъ чувственномъ бытіи и на врожденное стремленіе понимать и все существующее въ матеріальной формѣ. Болѣе внимательный анализъ даже нашего непосредственнаго сознанія тотчасъ покажетъ намъ, что не смотря на увѣренность въ реальности чувственнаго бытія, въ общемъ сознаніи въ то же время существуетъ дру-

*) Подробности. см. въ статьѣ Шердла: „Начало религій и слѣды монотеизма въ язычествѣ“. „Прав. обозр.“ за 1864 г. октябрь; стр. 275—276.

гаго рода увѣренность въ существованіи иной дѣйствительности, не чувствами постигаемой, но не менѣе реальной, чѣмъ первая. Съ первымъ проявленіемъ сознательнаго мышленія человѣкъ всегда отличалъ и противопоставлялъ свое внутреннее невидимое бытіе, начало своей жизни окружающимъ его видимымъ предметамъ и эту именно противоположность, при скудости языка, старался выразить въ представленіи чего-то тонкаго, неуловимаго, совершенно непохожаго на грубые, вещественные предметы, что онъ и называлъ дуновеніемъ, паромъ, тѣнью и т. п. Что предѣлы этого невидимаго, нематеріальнаго бытія онъ не ограничивалъ своею душою, доказательствомъ служить его твердая, исконная увѣренность въ существованіи высшихъ невидимыхъ существъ, духовъ. Самое представленіе о Богѣ, въ какой-бы грубой и чувственной формѣ оно первоначально ни выражалось, не возможно безъ увѣренности въ существованіи бытія совершенно отличнаго отъ окружающаго насъ міра. Вообще, непосредственное сознаніе не только твердо признавало дѣйствительность не открывающагося внѣшнимъ чувствамъ бытія, но всегда готово было думать, что это-то бытіе есть внутренняя, истинная основа бытія чувственно намъ являющагося. Такъ въ предшествующихъ философскому мышленію мифологіяхъ, въ которыхъ мы видимъ первые опыты возвышенія мысли надъ эмпирическою дѣйствительностью, всѣ предметы природы, — свѣтила, рѣки, деревья, горы и проч. олицетворяются, представляются одушевленными, подобно намъ людямъ чувствующими, имѣющими волю, желанія. Въ существованіи этой невидимой стороны чувственнаго бытія, олицетворенной въ видѣ различныхъ боговъ, общее сознаніе народовъ увѣрено было также твердо, какъ и въ существованіи самыхъ чувственныхъ предметовъ.

Если дальнѣйшее развитіе мышленія разрушило эту, основанную на инстинктивномъ чувствѣ высшей истины и высшей дѣйствительности бытія духовнаго сравнительно съ чувственнымъ, иллюзію ума, указавъ ей законное мѣсто въ области поэзіи, то въ замѣнъ этого тоже мышленіе съ древнѣйшихъ временъ, не удовлетворяясь данною видимостію вещей, всегда стремилось отыскать за видимыми предметами ихъ пе-

видимое начало и сущность. Это стремленіе искать за чувственнымъ, физическимъ лежащаго за нимъ высечувственного метафизическаго бытія и было исходнымъ пунктомъ всѣхъ философскихъ изслѣдованій, какъ-бы ни расходились они въ опредѣленіи этого истинно сущаго.

Такимъ образомъ, и въ непосредственномъ сознаніи, и въ дальнѣйшемъ движеніи мышленія мы находимъ два параллельныя направленія, которыя мы, конечно, можемъ назвать матеріалистическимъ и идеалистическимъ въ томъ смыслѣ, что наравнѣ съ признаніемъ истины и достовѣрности вѣшняго бытія и съ стремленіемъ представлять все сущее по образу этого бытія, въ насъ существуетъ признаніе бытія нематеріальнаго, духовнаго, съ стремленіемъ понимать все истинно сущее по образу этого бытія. Если въ виду перваго стремленія можно назвать человѣка урожденнымъ матеріалистомъ, то съ не меньшимъ правомъ, на основаніи втораго, мы должны назвать его урожденнымъ идеалистомъ.

Итакъ голосъ общаго сознанія не говоритъ ничего въ пользу матеріалистическаго воззрѣнія на сущность бытія. Основываясь на показаніяхъ этого сознанія, иначе,—того здраваго смысла, на который такъ часто любитъ ссылаться матеріализмъ въ противовѣсъ будто-бы философской абстракціи, какъ источнику идеализма, мы должны-бы признать одинаковую реальность какъ бытія чувственнаго, вѣшняго, матеріальнаго, такъ и бытія духовнаго, внутренняго, нематеріальнаго. Задача философіи должна-бы состоять лишь въ опредѣленіи взаимнаго отношенія того и другаго и, если возможно, въ объединеніи ихъ въ какомъ-либо высшемъ и единомъ ихъ началѣ и въ объясненіи возможности ихъ сосуществованія.

Но матеріализмъ упорно отстаиваетъ одну половину свидѣтельства нашего сознанія, отрицая истину другой. Достовѣрно познается и истинно существуетъ только одно бытіе—матеріальное.

Но что такое бытіе матеріальное? Вульгарный матеріализмъ скажетъ, что этотъ вопросъ такъ простъ, что и задумываться долго надъ рѣшеніемъ его нѣтъ ни малѣйшей нужды. Матеріальное бытіе—все то, что мы видимъ, слышимъ, осязаемъ,—

вообще познаемъ при помощи нашихъ чувствъ; это и есть именно то бытіе, въ реальномъ существованіи котораго такъ непоколебимо увѣрено наше обыкновенное сознаніе. Но здѣсь-то и приходитъ намъ на помощь тотъ анализъ чувственного представленія, который изложенъ нами выше; онъ до очевидности ясно показываетъ намъ, какъ мало можно полагаться здѣсь на простое свидѣтельство нашего сознанія. Онъ показываетъ намъ, что вопросъ: что такое бытіе матеріальное, не такъ простъ, какъ кажется на первый взглядъ, что если и существуетъ то бытіе матеріальное, о которомъ говоритъ матеріализмъ, то въ сущности оно вовсе не то и не сходно съ тѣмъ бытіемъ, о которомъ даютъ знать намъ наши чувства и которое мы получаемъ въ ихъ ощущеніяхъ. Изъ этого анализа физическихъ, физиологическихъ и психологическихъ данныхъ, котораго не можетъ отвергнуть матеріализмъ, если хочеть стоять на научной и при томъ эмпирической точкѣ зрѣнія, оказывается, что подлежитъ, по-крайней мѣрѣ, сильному сомнѣнію, дѣйствительно-ли существуетъ на самомъ дѣлѣ то, что матеріализмъ называетъ матеріальнымъ. Мы видѣли, что тѣ самыя свойства, которыя для непосредственнаго сознанія представляются самыми наглядно ясными признаками реальности чувственного бытія, исчезаютъ и являются не реальными свойствами вещей внѣ насъ существующихъ, а субъективнымъ продуктомъ нашего ощущающаго я, таковы напр., звуки, цвѣта, плотность, тепло, холодъ и др. Оказывается, что то, что непосредственное сознаніе, а съ нимъ и матеріализмъ, признавало истинно и реально сущимъ въ вещахъ, есть не болѣе, какъ ощущеніе и представленіе, принадлежащее ощущающему субъекту. Конечно, мы ясно сознаемъ, что это ощущеніе и представленіе не исключительно принадлежитъ намъ; оно вызывается дѣйствіемъ и прираженіемъ къ намъ окружающей насъ и внѣшней намъ дѣйствительности и составляетъ, такъ сказать, отвѣтъ нашего ощущающаго субъекта на это дѣйствіе. Но этотъ самый характеръ нашего ощущенія уже ясно показываетъ его отличіе отъ дѣйствительнаго предмета его вызывающаго; то, что вызываетъ въ насъ это ощущеніе, очевидно не имѣетъ никакого сходства съ тѣмъ, что

вызывается имъ въ нашей душѣ. Вызывающая ощущеніе дѣйствительность сама по себѣ не имѣетъ ни цвѣта, ни звука, ни вкуса, ни плотности, потому что именно эти свойства и составляютъ субъективный результатъ воздѣйствія ея на насъ, отвѣтъ на него со стороны нашего я. Переходя теперь отъ отдѣльныхъ впечатлѣній къ общей сложности ихъ, къ представленію всей совокупности чувственного бытія, къ тому, что мы называемъ внѣшнимъ міромъ, мы необходимо приходимъ къ убѣжденію, что это представленіе, этотъ существующій въ насъ міръ есть сложный продуктъ, съ одной стороны, дѣйствія на насъ неизвѣстной намъ пока внѣшней дѣйствительности, съ другой—отзвука на нее нашего собственного ощущающаго я; этотъ міръ обязанъ своимъ существованіемъ столько-же нашему я, сколько и внѣшнему объекту,—не я.

Но та точка зрѣнія, по которой матеріальнымъ признается все чувственно являющееся, именно въ томъ видѣ, въ какомъ оно является нашимъ чувствамъ, принадлежитъ, говорятъ намъ, низшему, вульгарному или, какъ принято въ настоящее время называть его, наивному матеріализму *). Стоящій на научной точкѣ зрѣнія матеріализмъ допускаетъ вообще указанные нами результаты анализа чувственного представленія, столь разрушительные для матеріализма обыкновеннаго. Истинно сущимъ матеріальнымъ бытіемъ мы должны почитать не тѣ чувственные предметы, или лучше сказать—представленія о нихъ, о которыхъ говоритъ намъ наше сознаніе, но то начало или бытіе, которое скрывается за этими представленіями и которое, дѣйствуя чрезъ чувства на наше я, производитъ эти,

*) Хотя на самомъ дѣлѣ эта точка зрѣнія далеко не такъ вульгарна и наивна, какъ можно-бы предположить. На самомъ дѣлѣ оказывается, что и въ опредѣленія матерій, имѣющія притязаніе на научный и философскій характеръ, входятъ предикаты, основанные на предположеніи объективности чувственныхъ свойствъ. Такъ, напр. по Мюллеру, сущность матерій совершенно ясна и понятна; она для насъ не что иное и ничего болѣе, какъ совокупность (complex) свойствъ, которыя мы воспринимаемъ чувствами; за этими свойствами не скрывается ничего болѣе. Особенно часто въ опредѣленіи матерій встрѣчается, основанный на осязаніи, признакъ плотности. Такъ, Фехнеръ матерією и матеріальнымъ называетъ то, что дѣлается намъ замѣтнымъ посредствомъ чувства осязанія, что можно ощупать руками. (Handgreifliche Atomenlehre. 2 Aufl. 105 et. sq.)

не имѣющіе объективности, образы физическихъ свойствъ. Положимъ; цвѣта, запахи, вкусы и пр. не суть что-либо матеріальное, а феноменъ нашего сознанія; но за этимъ феноменомъ скрывается же что-нибудь и внѣ нашего сознанія, что дѣйствуетъ на него и вызываетъ субъективные образы вещей. Но это самое *нѣчто*, необходимость существованія чего мы допустили, говоря о воздействующей на нашъ духъ внѣшней причинѣ, и есть *матерія*.

Если-бы только этимъ признаніемъ *нѣчто*, скрывающагося за видимостію явленій, ограничился матеріализмъ, то конечно противъ него мы ничего не имѣли-бы возразить, точно также, какъ не имѣли-бы ничего сказать и противъ названія этого *нѣчто* матеріею, въ смыслѣ отвлеченія этого дѣйствующаго посредствомъ чувствъ на нашъ духъ начала отъ воспринимающаго это дѣйствіе начала, называемаго духовнымъ, *духомъ*. Но въ такомъ случаѣ самое существованіе матеріализма, какъ опредѣленнаго философскаго направленія, потеряло-бы смыслъ и значеніе. Дѣйствительный смыслъ матеріализма въ томъ и состоитъ, что а) онъ признаетъ это *нѣчто* (матерію), составляющее основу внѣшняго міра, именно за бытіе, имѣющее чувственные свойства, называемыя общимъ сознаніемъ матеріальными, — свойства, объективный характеръ которыхъ онъ, повидимому, согласился отвергнуть, допустивъ выводы анализа чувствепнаго представленія; что б) онъ признаетъ это бытіе единственно вѣстивно сущимъ, отвергая возможность всякаго другаго.

а) Чтобы показать, что, утверждая первое, мы вовсе не навязываемъ такъ называемому научному матеріализму возрѣвній наивнаго матеріализма, которыхъ онъ, повидимому, чуждается, посмотримъ на то понятіе о матеріи, которое онъ даетъ намъ. Матерія, по согласному опредѣленію новѣйшихъ матеріалистовъ, есть совокупность безчисленнаго множества первоначальныхъ недѣлимыхъ, абсолютно малыхъ, невѣсомыхъ частичекъ вещества, называемыхъ *атомами*. Относительнымъ положеніемъ этихъ атомовъ и движеніемъ ихъ обуславливается все разнообразіе бытія и все разнообразіе нашихъ представленій объ этомъ бытіи, такъ какъ и самъ представляющій въ сущности есть комплексъ тѣхъ-же атомовъ. Мы не станемъ входить здѣсь въ

разборъ атомистической теоріи вещества *). Обратимъ лишь вниманіе на то, возможно-ли самое представленіе *матеріальнаго* атома (ибо очевидно, только такой атомъ можетъ имѣть значеніе для матеріализма) безъ представленія тѣхъ самыхъ чувственныхъ свойствъ, которыя самъ матеріализмъ вынужденъ былъ признать субъективными? При сколько-нибудь внимательномъ взглядѣ на дѣло, оказывается, что нѣтъ, и что замѣняя видимое нами чувственное бытіе невидимыми, лежащими въ его основѣ атомами, матеріализмъ нисколько не уничтожилъ всѣхъ прежнихъ результатовъ критическаго анализа эмпирической дѣйствительности, но только замаскировалъ ихъ и отодвинулъ на задній планъ, въ абстрактную область. И атомы, если дѣйствительно желаемъ представить здѣсь нѣчто матеріальное, мы необходимо должны мыслить имѣющими всѣ тѣ свойства и признаки, какія мы приписываемъ вѣшнимъ предметамъ и которыя оказались субъективными. Такъ атомъ, какъ бы онъ малъ ни былъ, мы необходимо должны представлять имѣющимъ извѣстную величину, плотность, очертаніе, движеніе; слѣдовательно, и атому мы должны приписать по крайней мѣрѣ важнѣйшія изъ тѣхъ физическихъ свойствъ, какія мы приписываемъ видимымъ нами тѣламъ. Итакъ, если мы признаемъ вѣрными вышеприведенные нами результаты анализа этихъ свойствъ, то должны будемъ признать, что и въ представленіи атома мы имѣемъ передъ собою не образъ самаго по себѣ сущаго бытія, служащаго основаніемъ извѣстныхъ физическихъ свойствъ, но тоже самое бытіе феноменальное, въ представленіи котораго входитъ тотъ-же субъективный элементъ, какъ и въ представленіе прочихъ чувственныхъ вещей. Но этого мало; если желаемъ быть послѣдовательными, то должны будемъ приписать атому и тѣ, такъ называемыя Локкомъ, вторичныя свойства, которыя оказались явно субъективными, напр. цвѣтъ, окраску и т. п. Эта мысль наша на первый разъ можетъ показаться парадоксальною; но она не покажется такою, если мы нѣсколько абстрактное понятіе атома сведемъ къ эмпи-

*) Это сдѣлано нами въ статьѣ: „Матеріалистическій атомизмъ“, помѣщенной въ прибавленіяхъ къ изданію „Твореній Св. Отцевъ“ за 1880 г. кн. 3.

рической наглядности. Представимъ себѣ, что какая-нибудь неизвѣстная намъ сила или усилила наше зрѣніе, или увеличила невидимый по своей чрезвычайной малости атомъ въ миллионъ, положимъ, и болѣе разъ,—словомъ настолько, что онъ изъ невидимаго сдѣлался доступнымъ нашему наблюденію. Какимъ-бы онъ представился намъ? Что онъ оказался-бы имѣющимъ фигуру, плотность, извѣстную мѣру протяженности,—это несомнѣнно и этого не отвергнуть матеріалисты, приписывающіе эти свойства матеріи самой по себѣ. Но онъ кромѣ того оказался-бы дѣйствующимъ и на всѣ органы нашихъ чувствъ, подобно всѣмъ внѣшнимъ предметамъ; мы-бы его увидали, а это возможно только подъ условіемъ свѣтовыхъ ощущеній въ нашемъ зрѣніи; какъ тѣло плотное, онъ при ударѣ долженъ-бы издавать звукъ; онъ долженъ-бы производить извѣстное ощущеніе на осязаніе, быть гладкимъ или шероховатымъ, долженъ вызывать ощущеніе температуры и пр. Иначе, если-бы онъ не производилъ въ насъ этихъ ощущеній, онъ и не существовалъ-бы для насъ, какъ внѣшній объектъ; мы-бы его и не видали. Но если такъ, то между вульгарнымъ матеріализмомъ, называющимъ матеріальными окружающія насъ и чувствами постигаемыя вещи, и матеріализмомъ, различающимъ субъективный феноменъ—ощущаемыя нами свойства и матерію саму по себѣ, какъ основу этого феномена (т. е. атомы),—не будетъ никакого различія. И допуская атомы или матерію саму по себѣ, мы никакъ не можемъ почитать ихъ единственно суцимъ бытіемъ, такъ какъ и самое понятіе атома при его анализѣ необходимо ведетъ насъ также, какъ и анализъ обыкновеннаго чувственнаго бытія, къ предположенію двухъ слагающихъ это бытіе элементовъ—субъективнаго и объективнаго. Что такое этотъ объективный элементъ чувственнаго бытія, мы не знаемъ и не касаемся этого вопроса; ясно только одно, что этотъ элементъ, это истинно сущее, а не являющееся только въ чувственномъ бытіи, не есть *та матерія*, о которой говоритъ матеріализмъ, потому что всѣ тѣ свойства, которыми матеріалистъ характеризуетъ свое понятіе о матеріи, суть неизбѣжно тѣ самыя чувственные свойства, субъективнаго значенія которыхъ не можетъ не признать и самый матеріализмъ.

б) До сихъ поръ мы останавливали наше вниманіе на той сторонѣ реального бытія, которая и общимъ сознаниемъ и матеріализмомъ безспорно признается матеріальною. Мы видѣли, что если эта сторона бытія, будемъ-ли имѣть въ виду отдѣльныя вещи и ихъ физическія свойства, или предполагаемое начало этихъ вещей (матерію, атомы), если и можетъ быть названа матеріальною, то никакъ не въ смыслѣ матеріализма, такъ какъ то, что собственно матеріализмъ признаетъ матеріею, въ сущности все почти слагается изъ завѣдомо субъективныхъ опредѣленій и признаковъ. Теперь мы обратимъ вниманіе на другую сторону реального бытія, которая общимъ сознаниемъ обыкновенно противопоставляется бытію матеріальному, но которую матеріализмъ, вопреки его голосу, старается включить въ свое общее понятіе абсолютной матеріальности всего сущаго, въ своей формулѣ: не существуетъ ничего кромѣ матеріальнаго. Посмотримъ, можетъ-ли эта сторона бытія быть подведена подъ это понятіе и носитъ-ли она на себѣ тѣ признаки, которые матеріализмъ считаетъ существенными признаками матеріальнаго бытія?

Какой существенный признакъ матеріальнаго бытія? Матеріальнымъ мы называемъ, и матеріалисты согласны съ нами, въ смыслѣ онтологическомъ все то, что можетъ быть механически или химически разложено на части, которыя въ послѣдней инстанціи разрѣшаются на неразложимые уже атомы. Въ смыслѣ гносеологическомъ матеріальнымъ мы называемъ то, о чемъ получаемъ или можемъ получить познаніе посредствомъ внѣшнихъ чувствъ, что можемъ видеть, слышать, осязать и проч. Но все-ли существующее въ мірѣ такого рода, чтобы къ нему могли быть приложены оба эти признака?

Обратимся сначала къ міру физическому. Мы видимъ на примѣръ дѣйствіе силы тяготѣнія; знаемъ, что вслѣдствіе этой силы всѣ тѣла на землѣ стремятся къ ея центру. Реальности этой силы никто не отвергаетъ; никто не скажетъ, что она не существуетъ. Но приложимы-ли къ этой силѣ два упомянутые признака матеріальности: онтологическій и гносеологическій? Можетъ-ли кто сказать, что силу тяготѣнія къ центру земли можно механически раздѣлить на части, химически разложить, что эта сила слагается изъ атомовъ? Мож-

но-ли саму по себѣ эту силу видѣть, осязать, слышать? Очевидно, подобной нелѣпости никто не скажетъ. Если-бы мы докопались до центра земли, то и тамъ конечно не нашли-бы никакого матеріальнаго предмета, о которомъ могли-бы сказать: этотъ-то предметъ и есть сила тяготѣнія. Итакъ, мы здѣсь признаемъ дѣйствительно существующимъ нѣчто такое, что очевидно не носить признаковъ матеріальнаго бытія. Что сказали мы о силѣ тяготѣнія, то очевидно должны сказать и о всякой другой силѣ природы. Мы видимъ, слышимъ и проч. перемѣны, производимыя тою или другою сплюю въ окружающихъ насъ предметахъ, но не видимъ, не ощущаемъ внѣшними чувствами самой этой силы. Этотъ нечувственный, нематеріальный характеръ каждой силы до такой степени ясенъ для непосредственнаго разумнаго сознанія, что мы сочли-бы нелѣпостью такого рода, напримѣръ, выраженія, что сплу можно раздѣлить на нѣсколько кусковъ, что ее можно увидѣть или ощупать, что она сложена изъ такого-то количества атомовъ и т. п. Между тѣмъ съ строго матеріалистической точки зрѣнія подобнаго рода выраженія должны-бы быть ничуть не странными и самыя дѣйствія ничуть не невозможными.

Возьмемъ теперь другое понятіе, прилагаемое къ области бытія матеріальнаго,—посвятіе закона. Извѣстно, что всѣ явленія природы совершаются по опредѣленнымъ законамъ; изучаютъ эти законы различныя эмпирическія науки: химія—законы сложения и разложения веществъ, физика—законы механическіе и физическіе, физиологія—законы органической жизни и проч. Существуютъ-ли эти законы на самомъ дѣлѣ, или нѣтъ? Кажется, смѣшно-бы и спрашивать о томъ; за реальное ихъ бытіе ручается уже самое существованіе наукъ, которыя занимаются ихъ опредѣленіемъ, и очевидныя явленія природы, совершающіяся по этимъ законамъ. Но прилагаются-ли къ нимъ тѣ признаки матеріальнаго бытія, какіе указаны нами выше? Очевидно нѣтъ; законы химическаго сродства выражаются въ очень опредѣленныхъ комбинаціяхъ вещества; но самыхъ законовъ никто не можетъ ни видѣть, ни взвѣсить, ни разложить на части. Самое приложеніе подобныхъ выраженій къ слову: законъ природы, кажется намъ въ высшей степени страннымъ.

Итакъ, въ понятіяхъ силъ и законовъ природы мы нашли въ самой области матеріальнаго бытія нѣчто такое, что необходимо признаемъ существующимъ, что изучаемъ, какъ реально сущее, но чему приписать признаки матеріальнаго бытія было-бы рѣшительнымъ насиліемъ разуму, дѣломъ немыслимымъ.

Какъ-же теперь матеріализмъ устраняетъ это рѣшительное противорѣчіе собственному принципу, и притомъ въ той его области, которую обыкновенно и безспорно считаютъ матеріальной. Для этого мы имѣемъ готовыя формулы, которыми матеріализмъ думаетъ сгладить указанное затрудненіе и включить понятія силъ и законовъ природы подъ тоже понятіе матеріальнаго бытія, какъ единственно сущей реальности: силы природы, говорятъ одни, тождественны съ матеріею; силы природы имманентны веществу; силы и законы природы не суть что либо отличное отъ матеріи, но ея свойства или качества.

Что касается до первой формулы, то не смотря на то, что она, повидимому, всего послѣдовательнѣе выражаетъ материалистическій принципъ: не существуетъ ничего кромѣ матеріи, она сама по себѣ принадлежитъ къ числу самыхъ неудачныхъ и потому сами матеріалисты не особенно сильно отстаиваютъ ее. Въ самомъ дѣлѣ, если выраженіе: сила тождественна съ матеріею, понимать въ точномъ и буквальномъ смыслѣ, то мы въ понятіи силы получаемъ, только въ другихъ словахъ, тоже понятіе матеріи. А если такъ, то сила, которая въ сущности тождественна съ матеріею, есть тоже самое, что и она, должна носить на себѣ и всѣ тѣ признаки, которымъ характеризуется матерія. Въ онтологическомъ значеніи она должна слгаться изъ частей, состоятъ изъ атомовъ; въ гносеологическомъ—должна быть познаваема чувствами, видима, осязаема и проч. Мы придемъ къ тому, совершенно немыслимому, представленію, о которомъ говорили выше и принять которое стѣснитъ самый матеріализмъ.

Но положимъ, скажетъ матеріалистъ, первая формула не удачна. Сила не есть тоже, что матерія, но она имманентна матеріи и немыслима безъ нея, какъ нѣчто само по себѣ сущее, слѣдовательно, противоположное матеріи. Совершенно вѣрно, что силы и законы физической природы не существуютъ

сами по себѣ безъ вещества, въ которомъ обнаруживаются и въ этомъ смыслѣ могутъ быть названы имманентными веществу, немислимыми самобытно существующими, безъ него. Но дѣло въ томъ, что этою формулою ровно ничего не выигрывается для доказательства матеріалистическаго принципа: нѣтъ ничего кромѣ матеріальнаго. Понятіе имманентности силы матеріи говоритъ только объ ихъ необходимой взаимной связи и отношеніи, но нисколько не говоритъ объ ихъ тождествѣ или единствѣ. Два предмета въ своемъ существованіи могутъ вполне зависѣть одинъ отъ другаго, но отъ этого они не сольются въ одинъ предметъ, а все-таки останутся двумя предметами, хотя они въ своемъ бытіи и неразрывно связаны другъ съ другомъ и существованіе одного немислимо безъ существованія другаго. Электричество, напримѣръ, свѣтъ, теплота, звукъ, движеніе не могутъ существовать, конечно, безъ матеріи, въ которой они обнаруживаются; однакоже они не суть тоже самое, что вещество, въ которомъ они дѣйствуютъ. Такъ, кусокъ желѣза можетъ существовать и безъ тѣхъ магнетическихъ явленій, которыя въ немъ обнаруживаются при намагничиваніи. Камень существуетъ и безъ толчка, который заставилъ его катиться; сила механическаго движенія, хотя и не можетъ обнаружиться, если-бы ей не попался камень или другое вещество, но не есть еще самый этотъ камень. Точно также и сила магнетическая, хотя не можетъ обнаружиться безъ желѣза, но не есть это самое желѣзо, въ которомъ она обнаружилась. Органическая жизнь не можетъ существовать безъ данной комбинаціи матеріальныхъ элементовъ, составляющихъ то, что мы называемъ органическимъ тѣломъ, но она не есть тоже, что самое это тѣло, какъ извѣстный агрегатъ мертвыхъ физико-химическихъ элементовъ. Вообще, всѣ силы и законы, которые мы видимъ въ природѣ, хотя не могутъ обнаруживаться безъ вещества, въ которомъ дѣйствуютъ, и въ этомъ смыслѣ, пожалуй, могутъ быть названы имманентными матеріи, но не суть тоже, что вещество, въ которомъ дѣйствуютъ, и по своему существу отличны отъ вещества, не матеріальны.

Это различіе ихъ отъ вещества уже показываетъ, что онѣ не могутъ быть и свойствами или качествами матеріи, какъ

гласить третья материалистическая формула. Если-бы онѣ были свойствами или качествами матеріи, то онѣ а) должны-бы быть по своему существу однородными съ матеріею, иначе—материальными, потому что свойство, конечно, не можетъ быть чѣмъ-либо противоположнымъ тому, чего свойство оно составляетъ; б) онѣ должны-бы быть постоянною, неотъемлемою принадлежностью матеріи. Но ни того, ни другаго мы не можемъ сказать объ отношеніи силы къ матеріи. Напротивъ, почитая силу свойствомъ матеріи, мы допускаемъ прямое логическое противорѣчіе. Это противорѣчіе состоитъ въ томъ, что одному и тому же объекту—матеріи, мы должны приписать противорѣчащія и взаимно исключаютъ себя предикаты. Существенный признакъ матеріи, согласно усвояемый ей всѣми материалистами, есть инерція; но въ то же время ей приписывается другая, также существенный признакъ—сила, т. е. дѣятельность, активность. Какимъ-же образомъ возможно совмѣщеніе въ одномъ объектѣ обоихъ этихъ признаковъ, отрицающихъ одинъ другой? Какъ одинъ объектъ можетъ быть въ то же время и недѣятельнымъ и дѣятельнымъ, какъ ему могутъ принадлежать и инерція и сила? Какъ онъ въ то же время можетъ быть и субстратомъ дѣйствія силы (т. е. матеріею въ точномъ смыслѣ) и сплюю, дѣйствующею на этотъ субстратъ?—Далѣе, какъ мы сказали, если сила есть существенное свойство матеріи, то она должна быть постояннымъ свойствомъ ея. Но такъ-ли это на самомъ дѣлѣ? Можемъ-ли мы сказать, что магнетизмъ, обнаруживающійся въ этомъ кускѣ желѣза, есть качество или свойство этого желѣза? Что движеніе камня, катящагося вслѣдствіе толчка отънѣ, есть существенная принадлежность этого камня? Очевидно нѣтъ; потому что существенныя свойства предмета суть постоянная принадлежность его природы, а не явленія, въ немъ производимыя внѣшнею ему причиною. Кусокъ желѣза можетъ вовсе и не обнаруживать магнитности, камень—не двигаться. Всѣ эти явленія возникаютъ не изъ самой природы этихъ предметовъ, не суть, слѣдовательно, ихъ качества или свойства, но только *явленія* въ нихъ вызванныя дѣйствіемъ на нихъ внѣшнихъ силъ. О самыхъ этихъ предметахъ или веществахъ, въ которыхъ обнаруживаются силы, мо-

жемъ сказать только то, что они имѣютъ возможность или способность, при дѣйствіи на нихъ извѣстныхъ силъ, обнаруживать извѣстныя явленія, желѣзо, напримѣръ, намагничиваться, камень катится. Обобщая теперь и распространяя все сказанное нами на всѣ силы и законы природы, мы очевидно не имѣемъ права утверждать, что они суть атрибуты, качества или свойства матеріи, а имѣемъ право сказать только то, что матерія имѣетъ возможность или способность обнаруживать извѣстныя явленія подъ воздѣйствіемъ извѣстныхъ силъ и опредѣляющихъ ихъ дѣйствія законовъ. Но этимъ самымъ уже предполагается, что силы и законы суть нѣчто самостоятельное, не производное изъ матеріи и не могущее быть простымъ ея свойствомъ *).

Такимъ образомъ не желая признавать истинно существующимъ ничего кромѣ вещественнаго, матеріализмъ запутывается въ безвыходныхъ противорѣчіяхъ себѣ даже въ той области, которую считаетъ самою безспорною своею принадлежностію—въ области бытія вѣшняго, чувственнаго. Чтобы выпутаться изъ этихъ противорѣчій, нѣкоторые матеріалисты прибѣгаютъ къ послѣднему, героическому средству—къ уничтоженію тѣхъ самыхъ понятій, которыя порождаютъ такое про-

*) Что понятіе силы природы не можетъ быть выведено изъ понятія матеріи, что сила не можетъ быть свойствомъ матеріи, съ этимъ вынуждены согласиться и сами матеріалисты. „Сумма силъ, которую мы называемъ духомъ, душою, мыслию“, говоритъ Бюхнеръ, „точно также не можетъ быть непосредственно воспринята нашими чувствами, какъ и всякая другая сила природы,—магнетизмъ, электричество и т. д.; о силѣ можно заключать только по ея обнаруженію. Мы опредѣлили силу, какъ свойство вещества, и видѣли, что та и другое нераздѣльны; однако-же по понятію (begreiflich) та и другое далеко не сходны между собою; въ извѣстномъ смыслѣ онѣ даже прямо отрицаютъ одна другое. По-крайней мѣрѣ мы не знаемъ, какъ можно иначе опредѣлить и представить себѣ духъ, силу природы, иначе, какъ чѣмъ-то нематеріальнымъ, такимъ, что само по себѣ исключаетъ матерію, ей противоположно“. (Цит. у Мейера въ его *Philosop. Zeitfragen*. 1874, 20, 21). Но тѣмъ не менѣе считая немислимымъ отождествленіе силы и матеріи и выведеніе первой изъ послѣдней, Бюхнеръ въ то же время, въ интересъ своего міросозерцанія, считаетъ необходимымъ опредѣлить силу, какъ свойство матеріи, потому что иначе, какъ замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, „мы должны-бы признать нѣчто нематеріальное“,—что, само собою разумѣется, невозможно. Итакъ матеріалистическій предрассудокъ, упорно отрицающій бытіе чего-либо невещественнаго, оказываетъ до такой степени подавляющее вліяніе на мышленіе матеріалистовъ, что заставляетъ немислимое въ сущности и непонятное признавать истиннымъ и допускать явное логическое противорѣчіе.

творѣчіе, не смотря на то, что они составляютъ краеугольные, такъ сказать, камни его ученія,—это понятія силы и матеріи. Въ этомъ уничтоженіи они основываются на авторитетѣ извѣстныхъ естествоиспытателей. Такъ, по словамъ извѣстнаго физика нашего времени Дюбуа-Реймона, понятіе силы есть не что иное, какъ не имѣющая реальности абстракція нашего ума. „Сила есть не что иное, какъ тайное исчадіе непреодолимаго стремленія нашего къ олицетворенію. Это какъ-бы риторическая уловка нашего ума, хватающагося за тропы, когда у него для точнаго названія нѣтъ яснаго представленія“. Не лучшаго мнѣнія Дюбуа-Реймонъ и о матеріи; и она также, какъ и сила, есть только условное отвлеченіе отъ реально существующаго. „Если идти до конца“, говоритъ онъ, „то легко убѣдиться, что ни матеріи, не силъ не существуетъ; то и другое абстракціи, взятыя съ различныхъ точекъ зрѣнія отъ вещей, какъ онѣ суть на самомъ дѣлѣ“. Съ этими словами вполне согласенъ Бюхнеръ; ихъ съ сочувствіемъ приводитъ и Молешоттъ *).

При такомъ неожиданномъ оборотѣ дѣла, спрашивается, изъ за чего-же хлопочетъ матеріализмъ, усиливаясь доказать, что существуетъ только матеріальное бытіе? Неужели онъ доказываетъ существованіе предметовъ (матерія и сила), понятія о которыхъ самъ-же признаетъ лишенными всякаго реального значенія?

Что въ интересахъ извѣстныхъ естествоиспытателей было нѣкоторое основаніе почитать понятія силы и матеріи безсодержательными абстракціями,—это понятно. Признавая ихъ таковыми, они ближайшимъ образомъ желали устранить изъ области естествознанія бесплодную для чисто эмпирической науки разсужденія объ основныхъ началахъ бытія, устранить

*) Слова Дюбуа-Реймона у Lange въ его *Geschichte des Materialismus*. 2. В. 204. Büchner, Kraft und Stoff. 1, 2. Съ мнѣніемъ Дюбуа согласенъ и извѣстный физиологъ Гельмгольцъ; и онъ считаетъ понятіе силы и матеріи „необходимымъ вымысломъ (Dichtung), съ психологическою понудительностію возникающимъ въ нашемъ умѣ олицетвореніемъ“. Если несправедливо считать силу чѣмъ либо самостоятельно сущимъ, то „столько-же ошибочно считать и матерію чѣмъ-либо дѣйствительнымъ, а силу наоборотъ простымъ понятіемъ, которому ничего въ дѣйствительности не соответствуетъ. Оба понятія скорѣе суть абстракціи отъ дѣйствительности, образовавшіяся совершенно одинаковымъ образомъ; мы никогда не можемъ понять матеріи самой по себѣ, но только при помощи ея силъ“. Lange, *ib.* p. 216.

такъ называемую ими метафизику, какъ науку, разсуждающую о недоступныхъ опыту отвлеченностяхъ. Этому остракизму у нихъ одинаково подвергаются и идеализмъ (признающій началомъ бытія силу) и матеріализмъ (признающій такимъ началомъ матерію); истинно существующее для науки и научно изучаемое ею, — это *явленіе*. Право или нѣтъ въ этомъ случаѣ естествознаніе, дѣйствительно-ли въ такъ называемыхъ имъ абстрактныхъ понятіяхъ нѣтъ никакого реального содержанія, это вопросъ для насъ теперь сторонній *). Замѣтимъ только, что при одинаковой опалѣ, которой подвергаются иногда въ естествознаніи какъ матерія, такъ и сила, матеріализму слѣдовало-бы ссылаться на подобнаго рода воззрѣніе съ большею осторожностью и не ставить его во главу своего міросозерцанія, какъ то дѣлаетъ, на примѣръ, Бюхнеръ. Въ самомъ дѣлѣ, если-бы матеріализмъ принялъ это воззрѣніе серьезно и искренно, то онъ очевидно этимъ подписалъ-бы свой смертный приговоръ. Матеріализмъ, какъ философское ученіе, очевидно есть ученіе о сущности бытія; его задача въ томъ именно и состоитъ, чтобы показать, *что* такое дѣйствительно существуетъ за психическими и физическими явленіями, и онъ рѣшаетъ ее такъ, что существуетъ только матерія; противоположное воззрѣніе онъ объявляетъ неистиннымъ. Но если ни матерія, ни сила на самомъ дѣлѣ не существуютъ, то что-же собственно существуетъ? Что такое вещи, какъ онѣ на самомъ дѣлѣ суть, о которыхъ упоминаетъ и Дюбуа-Реймонъ и съ которыхъ сняты, не имѣющія реального значенія, понятія силы и матеріи? Такъ какъ абстракціи сняты съ дѣйствительно существующихъ и чувствами постигаемыхъ явленій, то очевидно единственно истинно сущимъ и могутъ быть только явленія, какъ таковыя; ибо за ними нѣтъ ничего. Съ обычною матеріализму непослѣдовательностью онъ съ большою охотою готовъ признать этотъ выводъ (Молешоттъ), забывая, что этимъ онъ совершенно уничтожаетъ свой философскій характеръ, потому

*) Отвѣтъ на него отчасти данъ нами въ критикѣ позитивизма, съ гносеологическими воззрѣніями котораго сходятся мнѣнія упомянутыхъ натуралистовъ. См. статью: „Возможна-ли философія?“ „Вѣра и Разумъ“. 1884 г. Февраль и мартъ. Сравни. также статью: „Нужна-ли философія?“ *ibid.* Май, кн. 2.

что научное изученіе явленій, какъ явленій, вполнѣ исчерпывается естествознаніемъ и если не можетъ быть вопроса о лежащемъ за явленіями, то не можетъ быть и никакой философіи, матеріалистической также, какъ и всякой другой.

Но признавая одни только явленія истинно существующими и въ тоже время желая удержать свой матеріалистическій принципъ, матеріализмъ запутывается въ новыя, безвыходныя противорѣчія. Прежде всего явленіе, по самому понятію своему, съ одной стороны предполагаетъ нѣчто, что является, т. е. его причину или начало; съ другой—субъектъ, которому что-либо является; явленіе есть явленіе чего-нибудь и для кого-нибудь. Но причину или основу явленій, т. е. матерію, матеріализмъ самъ-же уничтожилъ, признавъ ее нереальнымъ, абстрактнымъ понятіемъ нашего ума. И такъ у него явленіе виситъ на воздухѣ, есть явленіе неизвѣстно чего, есть противологическое дѣйствіе безъ причины. Но явленіе, какъ мы сказали, есть явленіе кому-нибудь или для кого-нибудь. Итакъ матеріализмъ долженъ признать субъектъ, которому что-либо является, т. е. наше я,—и этотъ субъектъ очевидно не можетъ самъ быть матеріальнымъ, такъ какъ понятіе матеріальности уже уничтожено. Такимъ образомъ истинно сущимъ и реальнымъ, мы собственно должны признать нематеріальный субъектъ, которому является *нѣчто*, не имѣющее само никакой реальной основы,—субъектъ, на который дѣйствуютъ не коренящіеся ни на чемъ феномены. Но если мы теперь вспомнимъ результаты анализа чувственнаго представленія и обратимъ вниманіе на то, что въ такъ называемомъ чувственномъ явленіи, данномъ намъ въ представленіи, главный элементъ есть субъективный, то при отрицаніи реальности матеріи и силъ природы съ одной стороны, и при немыслимости явленія, феномена безъ реальной какой-либо основы или причины—съ другой, мы должны будемъ остановиться на мысли, что такъ называемыя явленія суть явленія ощущающаго субъекта, феномены нашего я. Такимъ образомъ съ признаніемъ матеріи и силъ абстрактными (въ смыслѣ нереальности) понятіями, матеріализмъ не только разрушаетъ самъ себя, но и пролагаетъ прямую дорогу крайнему идеализму.

Далѣе, въ самомъ признаніи матеріи и силъ природы нереальными, абстрактными понятіями, заключается новое противорѣчіе. Въ какомъ смыслѣ матеріализмъ называетъ эти понятія абстракціями? Если въ смыслѣ не объективности, не истины этихъ понятій (что, какъ мы видѣли, и дѣйствительно имѣется здѣсь въ виду), то онъ очевидно становится здѣсь на скользкую и очень опасную дорогу. Эта дорога прямо ведетъ къ уничтоженію истины всякаго познанія, въ томъ числѣ и эмпирическаго. Ибо въ чемъ и состоитъ задача научнаго познанія природы, какъ не въ открытіи и опредѣленіи силъ и законовъ природы, общихъ для всѣхъ частныхъ предметовъ и явленій? Если понятія объ этихъ силахъ и законахъ суть не болѣе, какъ пустыя отвлеченности въ смыслѣ нереальности, то наука занимается не чѣмъ-либо существующимъ, но пустыми миражами нашего субъективнаго познанія. Истинно сущимъ будетъ одно конкретное, индивидуальное, но оно, будучи предметомъ чувственнаго воззрѣнія, не имѣетъ интереса для науки, которая не изучаетъ, да и не можетъ изучить конкретнаго по его безпредѣльной множественности, но стремится къ изслѣдованію общаго, общихъ законовъ явленій, — того самаго, что матеріализмъ называетъ отвлеченнымъ *). Но если достоинство науки и самое ея существованіе запрещаютъ намъ понимать отвлеченность понятій въ смыслѣ ихъ неистины и нереальности, то остается одно, и при томъ единственно вѣрное, мнѣніе, что въ общемъ и отвлеченномъ понятіи содержится элементъ реальный, обозначающій истинное въ бытіи. Если въ понятіи нашъ разумъ отвлекаетъ что-либо отъ реального, то это самое отвлекаемое не есть пустой бымыселъ воображенія, но дѣйствительно реальный элементъ знанія, и при томъ элементъ для науки важнѣйшій, такъ какъ изъ многообразія явленій мы здѣсь беремъ важнѣйшее и существенное. Поэтому и въ отношеніи къ рассматриваемымъ нами понятіямъ силы и матеріи, абстрактный характеръ этихъ понятій нисколько не

*) Въ этомъ отношеніи можно согласиться съ замѣчаніемъ Гегеля, что конкретное не можетъ быть научно познаваемо потому, что началъ описаніе какого либо конкретнаго предмета, мы не успѣли-бы его кончить, такъ какъ самый предметъ истлѣлъ-бы, пока мы его описывали.

можетъ служить доказательствомъ ихъ нереальнаго значенія, такъ какъ, отвергая такое значеніе абстрактныхъ понятій, мы отвергли-бы смыслъ и объективную истину всякаго научнаго познанія. И каждая наука занимается не конкретными предметами и мимолетными ихъ явленіями, но тѣмъ, что въ нихъ есть общаго и существеннаго, или что то же, — имѣетъ дѣло не съ чувственными воззрѣніями, а съ понятіями, изъ которыхъ каждое необходимо есть абстрактное. Большая-же или меньшая степень отвлеченности сама по себѣ не можетъ служить мѣриломъ объективной истины или неистины содержанія понятій; она можетъ лишь опредѣлять гносеологическій способъ изслѣдованія даннаго понятія и мѣсто, какое должно занимать это понятіе въ ряду научныхъ знаній. Такъ напр. основныя и наиболѣе общія понятія: матеріи, силы, закона и пр., могутъ быть предметомъ философскаго изслѣдованія, тогда какъ понятія болѣе конкретныя — содержаніемъ эмпирическаго знанія. Рѣшающее-же значеніе въ сужденіи объ истинѣ или неистинѣ понятій должна имѣть не степень ихъ отвлеченности, но то, вѣрно-ли логически составлено понятіе и съ дѣйствительныхъ-ли предметовъ сняты тѣ признаки, которые вошли въ составъ его. Но что понятія силы и матеріи суть логически правильно составленныя и рационально необходимыя абстракціи, что онѣ сняты съ дѣйствительныхъ отличій, свойствъ предметовъ и явленій, — съ этимъ, какъ мы видѣли, вынужденъ согласиться и самый матеріализмъ. Но въ такомъ случаѣ абстрактность понятій матеріи и силы не только ничего не говоритъ въ пользу матеріализма, но несомнѣнно опровергаетъ его, предполагая по крайней мѣрѣ существованіе двухъ, не сводимыхъ одинъ на другой рядовъ явленій, или свойствъ противоположнаго характера, — явленій, съ которыхъ снято понятіе матеріи и которыя можно назвать матеріальными, — и явленій противоположнаго свойства, не сводимыхъ къ понятію матеріи, которыя должно поэтому назвать не матеріальными и съ которыхъ снято понятіе силы.

В. Жудравцевъ.

(Продолженіе будетъ).

Дарвинизмъ. Критическое изслѣдованіе Н. Я. Данилевскаго.

Т. 1. Части I—II.—Спб. 1885 г. 1189 страницъ.

Ученіе Дарвина изложено въ трехъ его сочиненіяхъ: 1) „О происхожденіи видовъ путемъ естественнаго подбора“. Первое изданіе появилось въ 1859 г.; послѣднее, 6-е, въ 1878 году. 2) „Измѣненіе растеній и животныхъ подъ вліяніемъ человѣка“. 1868 г. Самое популярное изъ сочиненій Дарвина, имѣвшее 6 изданій, послѣднее—стереотипное, и 3) „Происхожденіе человѣка и половой подборъ“. 1869 года.

Самое важное изъ этихъ сочиненій — первое, въ которомъ изложена сущность Дарвинова ученія. Съ него-же и началъ свое критическое изслѣдованіе г. Данилевскій, посвятившій первый томъ своего сочиненія разбору основаній Дарвинова ученія.

Сущность ученія Дарвина заключается въ томъ, что безчисленные, или, по крайней мѣрѣ, многочисленные, наблюдаемые въ природѣ виды растеній и животныхъ произошли не посредствомъ отдѣльныхъ актовъ сотворенія каждаго вида, но чрезъ потомственное видоизмѣненіе первоначальныхъ четырехъ или пяти прародичей для животныхъ и такого-же или еще меньшаго числа предковъ для растеній. (Происхожд. видовъ, стр. 382. Спб. 1864 г.). „Аналогія, говоритъ Дарвинъ, повела-бы меня шагомъ дальше, а именно—къ убѣжденію, что всѣ животныя и растенія произошли отъ *одного* первообраза. Но аналогія подчасъ обманчивый руководитель“. Въ послѣдующихъ изданіяхъ этого сочиненія Дарвинъ выражается уже рѣ-

шительнѣе, что „вѣроятно всѣ органическія существа, когда-либо жившія на землѣ, произошли отъ одной какой-нибудь первоначальной формы, въ которую жизнь была вдохнута Создателемъ“.

Дальнѣйшими факторами происхожденія видовъ отъ этой одной первоначальной формы, клѣточки, ячейки, или органическаго пузырька, служатъ: измѣнчивость подѣ вліяніемъ внѣшнихъ и внутреннихъ условій: наследственная передача признаковъ; борьба за существованіе, искусственный подборъ для растеній и животныхъ, прирученныхъ и одомашненныхъ, и естественный подборъ для растеній и животныхъ въ природномъ состояніи. Искусственный подборъ, дѣйствуя въ сравнительно ничтожное число лѣтъ, произвелъ чрезвычайно много новыхъ видовъ животныхъ и растеній; слѣдовательно, естественный подборъ, дѣйствуя въ миллиарды лѣтъ, могъ произвести все множество и разнообразіе животныхъ и растительныхъ формъ изъ одной первоначальной формы, или изъ одного органическаго начала. Такъ произошелъ органическій міръ со всѣмъ разнообразіемъ бывшихъ прежде и исчезнувшихъ, и живущихъ нынѣ растеній и животныхъ, которыя впоследствии уступятъ свое мѣсто новымъ видамъ. Такъ міръ постоянно творится, развертываясь въ разныхъ видахъ изъ того же первоначальнаго зародыша, съ котораго началась жизнь, причемъ, во время всеобщей борьбы за существованіе, побѣда всегда остается за преобладающими видами. Такъ произошелъ и человекъ, вѣроятно по прошествіи многихъ милліоновъ лѣтъ послѣ появленія органической жизни въ мірѣ.

Ученіе Дарвина ограничивается біологической задачей и не примыкаетъ ни къ какой философской теоріи, равно какъ не развиваетъ никакой собственной философской доктрины. Но принятый имъ способъ разрѣшенія біологической задачи неизбежно придаетъ ему философскій характеръ, т. е. характеръ особаго цѣльнаго міровоззрѣнія.

„Я не вижу причинъ, говоритъ Дарвинъ, по которымъ воззрѣнія, изложенныя въ этой книгѣ, могли-бы оскорбить чь-либо религіозныя чувствованія. Одинъ знаменитый писатель и богословъ пишетъ мнѣ, что онъ постепенно дошелъ до убѣж-

денія, что столь-же возвышенно то представленіе о Божествѣ, по которому Оно создало немного первичныхъ формъ, способныхъ къ дальнѣйшему развитію въ новыя полезныя формы, какъ и то, по которому требовались новые творческіе акты для пополненія пробѣловъ, образовавшихся въ силу Его законовъ". (Происх. видовъ, стр. 379). Не знаемъ, какъ представлялись вещи упомянутому духовному лицу; но полагаемъ, что нужно отказаться отъ многихъ убѣжденій весьма значительной важности, чтобы найти это ученіе столь-же возвышеннымъ, какъ то, которое основывается на общемъ (библейскомъ) повѣствованіи о происхожденіи міра и человѣка. По міровоззрѣнію Дарвинизма „Творецъ вдохнулъ жизнь первоначально въ немногія формы или лишь въ одну“, а затѣмъ удалился въ свое невидимое царство, не думая болѣе о томъ, какъ началъ создаваться міръ и не принимая въ немъ ни малѣйшаго участія. Кромѣ приведенныхъ нами, подчеркнутыхъ, такъ сказать сакраментальныхъ словъ, Дарвинъ ничего болѣе не говоритъ о Богѣ; такъ что Бэръ, по поводу этихъ словъ, замѣчаетъ, что „когда Дарвинъ писалъ это мѣсто, то былъ только увлеченъ къ сему выраженію затрудненіемъ — какимъ-нибудь образомъ добыть начало жизни“; другихъ-же побужденій къ упоминанію объ этомъ Существовѣ не находилъ, такъ какъ Оно не имѣетъ никакого отношенія къ жизни міра. По характеру этого ученія можно было-бы назвать его *деизмомъ*; но обыкновенный деизмъ устанавливаетъ, при первоначальномъ сотвореніи міра Богомъ, опредѣленные законы природы и опредѣленный планъ ихъ дѣйствія, направленный къ достиженію сотворенными существами предустановленной для нихъ цѣли, хотя и безъ непосредственнаго участія Божества въ достиженіи ими этой цѣли: между тѣмъ Дарвинъ прямо отвергаетъ какой-бы то ни было „планъ творенія“, „единство плана“, „цѣлесообразность“. Въ мірѣ господствуетъ единственный законъ естественнаго подбора и приспособленія. Живетъ только то, что хорошо приспособлено и вымираетъ все то, что плохо приспособлено. Такимъ образомъ вмѣсто цѣлесообразности вводится *случайность*. Органическіе виды, внѣ всякаго соотношенія съ какою-бы то ни было первоначальною причиною, создаются

въ теченіи ряда вѣковъ; организмы совершенствуются то въ одномъ, то въ другомъ пунктѣ своего строенія и образуютъ новыя виды. Въ этомъ непрерывающемся процессѣ подбора, замѣнившаго собою твореніе, человѣкъ произошелъ послѣ появленія и исчезновенія многихъ формъ животнаго міра и составляетъ одну изъ такихъ-же формъ, хотя и болѣе прочихъ подобранную и приспособленную, но не законченную, которая поэтому должна будетъ уступить мѣсто другимъ болѣе совершеннымъ типамъ. Какъ происхожденіе его не было актомъ отдѣльнаго созданія, такъ и жизнь его находится внѣ дѣйствія всѣхъ тѣхъ покровительственныхъ и предусмотрительныхъ плановъ, какими обставило ее религіозное чувство человѣка. Такова философская сторона ученія Дарвина.

Г. Данилевскій разсматриваетъ и опровергаетъ Дарвинизмъ съ обѣихъ указанныхъ сторонъ—эмпирической и философской. Обширное знакомство его съ зоологіей и ботаникой дало ему возможность не только слѣдовать въ этой области за такимъ знаменитымъ натуралистомъ, какъ Дарвинъ, даже не только во многихъ случаяхъ не соглашаться съ его толкованіями и оспаривать его выводы, но и опровергать его ученіе самымъ подробнымъ, самымъ настойчивымъ и рѣшительнымъ образомъ. Поставивъ своей задачей показать ложность Дарвинизма, этотъ безотвязный спутникъ знаменитаго натуралиста идетъ за нимъ шагъ за шагомъ и разрушаетъ его построенія, одно за другимъ, съ такою-же неумолимою послѣдовательностію, съ какою Дарвинъ созидалъ ихъ. Критикъ Дарвина противопоставляетъ приводимымъ имъ фактамъ свои факты, обличаетъ его въ натяжкахъ въ пользу своей теоріи, въ подтасовкѣ и искаженіи фактовъ, въ намѣренномъ устраненіи фактовъ, не подходящихъ къ теоріи, въ противорѣчіяхъ его съ самимъ собою и т. д. Ученикъ Бэра, послѣдователь Кювье, Агассица, Катрфажа, г. Данилевскій стоитъ за неизмѣнность коренныхъ органическихъ формъ (безъ сомнѣнія не безусловную) и доказываетъ, что естественнаго подбора, какъ создателя новыхъ формъ, въ природѣ нѣтъ; что въ растительномъ и животномъ мірѣ нѣтъ промежуточныхъ формъ перехода организмовъ изъ одного вида въ другой, между тѣмъ какъ онѣ были-бы непременно, если-бы

теорія Дарвина была вѣрна, и что нѣтъ слѣда этого перехода даже въ ископаемыхъ остаткахъ органическаго міра. Разумѣется всѣ нынѣшніе виды могли окончательно сформироваться за сотни тысячъ лѣтъ до исторической памяти человѣчества, но все же остались-бы какіе-нибудь, хотя палеонтологическіе, слѣды этого творчества природы.

Разсматривая теорію Дарвина съ философской точки зрѣнія, г. Данилевскій доказываетъ, что она уничтожаетъ цѣлесообразность въ мірѣ и присутствіе въ немъ творящаго и міроуправлящаго разума. Естественный подборъ, главнѣйшій факторъ происхожденія органическихъ формъ, дѣйствуетъ слѣпо, безъ плана, безъ цѣли, безъ всякаго разумнаго порядка, по одному закону приспособленія: одни органы выводитъ, другіе уничтожаетъ, третьи видоизмѣняетъ и, такимъ образомъ, создаетъ видимый нами міръ органическихъ формъ.

Тотъ-же всеобъемлющій подборъ создалъ и человѣка. Дарвинъ разъясняетъ процессъ происхожденія человѣка въ особомъ сочиненіи. Г. Данилевскій предполагалъ перейти къ разбору этого сочиненія въ слѣдующихъ томахъ своего критическаго изслѣдованія, ограничившись на первый разъ разборомъ главнѣйшаго сочиненія Дарвина „Происхожденіе видовъ“. Не знаемъ, появится-ли въ свѣтъ слѣдующій томъ сочиненія г. Данилевскаго. Но въ настоящемъ изслѣдованіи, разсматривая Дарвинизмъ съ философской стороны, г. Данилевскій сгруппировалъ достаточно данныхъ для того, чтобы придти къ заключенію, что никакая форма грубѣйшаго матеріализма не спускалась до такого низменнаго міросозерцанія, какъ Дарвинизмъ.

Г. Данилевскій заканчиваетъ первый томъ своего изслѣдованія слѣдующими строками: „Шиллеръ въ великолѣпномъ стихотвореніи— „Покрывало Изиды“ —заставляетъ юношу, дерзнувшаго приподнять покрывало, скрывавшее ликъ истины, пасть мертвымъ къ ногамъ ея. Ежели ликъ истины носилъ на себѣ черты *этой философіи случайности*, если несчастный юноша прочелъ на нихъ роковыя слова—естественный подборъ, то онъ палъ пораженный не ужасомъ передъ грознымъ ея величіемъ, а долженъ былъ умереть отъ тошноты и омерзѣнія, перевернувшихъ всѣ его внутренности, при видѣ гнусныхъ и отвра-

тительныхъ чертъ ея мизерной фигуры. Такова должна быть и судьба человѣчества, если *это—истина*“.

Убѣжденный всею силою души въ ложности Дарвиновой теоріи, г. Данилевскій желаетъ поставить на ту-же точку и другихъ образованныхъ людей,—не специалистовъ въ естествознаніи,—и тѣмъ по возможности отвратить вредъ, какой она производитъ на умы новостію своего метода и оригинальностію своихъ выводовъ. Счастливое сочетаніе въ его талантѣ обширныхъ естественнонаучныхъ знаній съ тонкостію философскаго мышленія и проницательностію критика утверждаютъ за нимъ право компетентнаго сужденія и достоинство авторитета, если и не равнаго съ авторитетомъ его противника, то все-же стоящаго на такой высотѣ, которая представляетъ голосъ его заслуживающимъ полнаго вниманія и уваженія.

Дарвинизмъ, безспорно, имѣлъ тяжелое и вредное вліяніе на направленіе понятій настоящаго времени. Ученіе, провозгласившее обезьяноподобность человѣка, унизило человѣка въ его собственныхъ глазахъ и породило пессимизмъ самаго худшаго сорта, подавляющій и убивающій всѣ лучшія и благороднѣйшія стремленія и чаянія человѣка. Поэтому нельзя отнестись иначе, какъ съ полнымъ сочувствіемъ и уваженіемъ къ сочиненію г. Данилевскаго, поставившаго своею задачею разоблачить всю несостоятельность и фальшь этого ученія и нельзя не пожелать этому сочиненію возможно большаго распространенія, особенно среди учащагося юношества и его руководителей. Г. Данилевскій снялъ съ него ту блестящую шелуху, въ которую оно было завито, и показалъ, какое гнилое и ядовитое зерно заключается въ этой оболочкѣ.

И. Чистовичъ.

ПИСЬМА

Ф И Л О С О Ф А С Е Н Е К И.

ПИСЬМО LXXI *).

О ТОМЪ, ЧТО ФИЛОСОФІЯ НЕ СТАВИТЬ СЕБѢ ЦѢЛЮ ОБЕЗПЕЧЕНІЕ ВНѢШНЯГО, СТОЛЬ ЗАНИМАЮЩАГО ЛЮДЕЙ, ЖИЗНЕННАГО УДОБСТВА, А ДОЛЖНА ВЕСТИ, И ДѢЙСТВИТЕЛЬНО ВЕДЕТЬ, КЪ ВОСПРІЯТІЮ НРАВСТВЕННЫХЪ ДОБЛЕСТЕЙ; ПРИ ВСЕМЪ ТОМЪ, ЛЮДИ ПЕРВОБЫТНАГО ВРЕМЕНИ, НЕ ВИДАВШЕ ПЛОДОВЪ ИЗОБРЕТАТЕЛЬНАГО, НАПРАВЛЕННАГО НЕ ПО НАДЛЕЖАЩЕМУ ПУТИ, ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО УМА, И БЫВШЕ СЧАСТЛИВЫМИ ВЪ СВОЕМЪ ГРУБОМЪ НЕВѢДѢНІИ, НЕ ЗНАЛИ ИСТИННОЙ, НАСТОЯЩЕЙ ДОБЛЕСТИ, РАЖДАЮЩЕЙСЯ ТОЛЬКО ПРИ ШИРОКОМЪ РАСКРЫТІИ СИЛЬ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ ДУШИ.

Кто можетъ сомнѣваться въ томъ, мой Луцилій, что это даръ бессмертныхъ боговъ, что мы существуемъ; а что мы живемъ благочестно, даръ философіи? И такъ, не обязаны-ли мы ей даже болѣе, нежели богамъ, и обязаны настолько больше; насколько жизнь честная—болѣе цѣнное благодѣяніе, чѣмъ просто жизнь? Мы были-бы у нея въ долгу неоспоримомъ, еслибы первоначально сами боги не вселили въ насъ любовь къ мудрости; знанія ея они не даровали никому, а способность къ ней удѣлили всѣмъ. Вѣдь если-бы и это также благо сдѣлалось общимъ достояніемъ, и мы раждались-бы непосредственно предусматривающими благо, тогда любовь къ мудрости утеряла-бы то, что она имѣетъ въ себѣ прекраснѣйшаго; она оказалась-бы въ ряду вещей, данныхъ случаемъ, а не приобрѣтенныхъ. Вѣдь теперь въ ней то дра-

*) Ер. 90.

гоцѣнно и велелѣпно, что она не дается прямо въ руки, что за нее каждый имѣеть долгъ предъ самимъ собою, что для полученія ея не дѣлаются расчеты на кого-либо другаго. Что ты имѣлъ-бы въ рукахъ изъ того величественнаго, на что ты въ философіи бросаешь удивленные взоры, если-бы она была дѣломъ милости? У нея одно занятіе—въ области божественнаго и человѣческаго отыскать истину; никогда не бывають въ разладѣ съ нею справедливость, чувство преданной любви къ старшимъ, живое чувство зависимости отъ Верховнаго Существа, и всѣ иныя добродѣтели, сопутствующія мудрости и замыкающіяся въ ней, и сплетающіяся въ то-же время между собою. Она, *мудрость*, научила чтить божественное, разборчиво любить человѣческое; она научила, что боги владѣють царствомъ человѣческимъ, а люди въ этомъ царствѣ сотоварищи, раздѣляющіе общую участь, которая по нѣкоторое время оставалась ненарушимою въ предназначенныхъ ей предѣлахъ, пока именно въ союзъ людей не ворвалась разрушительною, разъединяющею силою жажда владѣнія, и сдѣлалась причиной бѣдности и для тѣхъ даже, которыхъ она обогатила всего больше. Ибо они перестаютъ вещами владѣть, въ то время какъ устремляютъ желанія къ тому, чтобы обратить ихъ въ свою собственность. Но жившіе въ самую раннюю пору люди и ближайшіе потомки ихъ, не объятые порчею, слѣдовали природѣ; ее одну почитали за путеводителя и законъ, и въ этомъ случаѣ они поручили себя произволенію лучшаго. У природы только есть власть обезцѣнивать худшее ради лучшаго. То правда, что въ стадахъ безсловесныхъ предшествуютъ или крупныя особи, или наиболѣе могучія. Впереди стада воловъ не пойдетъ тощій быкъ, а только такой, который величиною тѣла и округлостію мышцъ превосходитъ прочихъ; у слоновъ руководить стадомъ лучшій изъ лучшихъ; у людей-же за величину вмѣняется качественность. Такимъ образомъ здѣсь избирается руководитель для души; и потому тѣмъ народамъ наиболѣе свойственно счастье, среди которыхъ невозможно возымѣть нравственную силу никому другому, кромѣ нравственно лучшаго. Тотъ вѣдь настолько и можетъ, сколько желаетъ, кто

увѣренъ, что онъ въ состояніи сдѣлать не больше того, чѣмъ сколько должно.

Потому-то Посидоній думаетъ, что въ тотъ вѣкъ, который величаютъ золотымъ, у мудрыхъ въ рукахъ находилась нравственно правящая руководительная власть. Они сдерживали насиліе, и такимъ образомъ слабѣйшіе находились подъ опекой болѣе сильныхъ; по обстоятельствамъ, они внушали одно дѣлать, а другаго не дѣлать, и въ тоже самое время заставляли узнавать, что полезно для человѣка и что не полезно. Въ своей благоразумной предусмотрительности они пеклись о томъ, чтобы у подчиненныхъ имъ жизнь не оставалась безъ средствъ къ возвышенію ея; ихъ спокойная твердость принимала ихъ подъ свою охрану отъ опасностей; а расположеніе къ благотворительности расширяло жизнь подчиненныхъ, и украшала ее. Обязанностію для нихъ было—нести трудъ управленія, а не властительствовать. Никто изъ нихъ и мысли не допускалъ о томъ, что онъ во много могущественнѣе тѣхъ, среди которыхъ имѣетъ власть; ни у кого не было движенія въ сторону неправды, или повода; при добромъ руководствѣ былъ хорошій порядокъ; но для злыхъ подчиненныхъ не могло быть большей угрозы со стороны власти, какъ то, что они могутъ лишиться ея. Но послѣ того какъ, при постепенно распространившемся извращеніи нравовъ, для власти открылись причины пріять на себя силу господствующую,—явилась нужда въ законахъ, которые въ существенныхъ чертахъ были изданы мудрыми. Солонъ, давшій твердое бытіе Аѳинамъ цѣлесообразностію своего законодательства,—своими знаніями и благонастроеннымъ умомъ былъ извѣстенъ, какъ одинъ изъ семи мудрецовъ своего вѣка; если-бы тотъ-же вѣкъ произвелъ Ликурга,—люди въ это священное число включили-бы и его; такое-же одобреніе свискали себѣ законы Залевка и Харонда *). Не на мѣстѣ общественныхъ собраній, не въ залѣ засѣданій законовѣдовъ, но въ обществѣ наблюдающихъ священное молчаніе спутни-

*) Залевкъ былъ законодатель Локрейцевъ въ Нижней Италіи, Харондъ—законодатель въ Катанѣ и другихъ халкидскихъ колоніяхъ въ Сициліи.

ковъ Пифагора изучили они науку права, которую насадили затѣмъ въ цвѣтущей тогда Сициліи, и среди греческаго населенія Италіи.

Вотъ въ какомъ пунктѣ схожусь я въ мысляхъ съ Посидоніемъ: что, безъ сомнѣнія, науки расцвѣли потому лишь, что существовала философія; а съ тѣмъ мнѣніемъ, что она будто-бы пособляла открытію тѣхъ искусствъ, которыми мы пользуемся въ жизни, какъ необходимыми для ежедневнаго обихода,—я не нахожу основаній согласиться; мнѣ не хочется прибавлять славы этимъ руководѣльнымъ искусствамъ, *и безъ того славящимся*. „Какъ только увидѣла она,—говоритъ онъ,—что люди живутъ въ раздѣленіи другъ отъ друга, что одни изъ нихъ скрываются въ тѣсныхъ хижинахъ, а иные въ углубленіи утеса, или въ стволѣ выдолбленнаго дерева,—она научила ихъ воздвигать настоящіе дома съ кровлею“. Я же думаю этому сложному устройству домовъ, высящихся другъ передъ другомъ, этимъ городскимъ твердынямъ, жмущимся одна къ другой, философія столько-же помогла своею пытливостію, сколько и для заведенія рыбныхъ садковъ, устраиваемыхъ на подобіе запертаго помѣщенія, для того, *конечно*, чтобы прихотливость *праздныхъ людей* не встрѣчала препятствій въ непогодѣ,—чтобы обильная средствами изнѣженность имѣла пристанища, въ которыхъ-бы она могла откармливать отдѣленныхъ для нея рыбъ. Ты говоришь еще, что философія подала людямъ мысль завести ключъ и засовъ. Какъ? она задумала корыстолюбію подать знакъ къ жадному стяжанію всего того, что еще не его собственность? Это философія подняла въ высь эти зданія, величающіяся своею высотой со столькими опасностями для обитателей ихъ? *Какъ-же, конечно*; для людей, живущихъ во власти судьбы, мало было быть прикрытыми,—имъ мало было безъ помощи искусствъ и безъ особенныхъ трудностей разыскать какое-нибудь естественное жилье, удобное для помѣщенія. Вѣрь мнѣ, тотъ вѣкъ, раньше появленія строителей (*архитеκτονας*), былъ счастливый. А всѣ эти выдумки появились уже съ нарожденіемъ роскоши; прежнія простыя круглыя бревна начали обтесывать, и послѣ того какъ пила научилась ходить

по намѣченному, начали разщеплять дерево увѣренной рукою.

Первые люди вѣдь клиномъ дѣлили слонстое древо *).

Тогда дома не уготовлялись для обѣдовъ, на которые ожидались цѣлыя толпы гостей; и не для той потребности перевозились цѣлымъ обозомъ, съ грохотомъ на всю улицу, сосновыя и еловыя бревна, чтобы изъ нихъ вывести потолки съ украшеніями изъ тяжелаго золота. Пара вилообразныхъ колевъ, поставленныхъ стоймя другъ противъ друга, подпирали хижину: плотно прижатыя одни къ другимъ вѣтви, вмѣстѣ съ густо наложенной на нихъ листвою, размѣщались на крышѣ наклонно, дабы дать свободный спускъ на землю дождямъ, даже и очень большимъ. Подъ такую кровлей жительствоваали они и не несли на себѣ заботъ. Соломенная кровля прикрывала людей свободной души; между тѣмъ какъ теперь подъ защитою мраморныхъ стѣнъ и золоченой крыши живутъ рабы. И въ томъ я не согласенъ съ Посидоніемъ, что будто-бы „желѣзные орудія, потребныя для ремеслъ, придуманы мудрыми мужами“. Послѣ этого и тѣхъ, пожалуй, можно назвать мудрыми, кои—

Вздумали хитростью брата звѣрей—западной и силками,
Вкругъ лѣсистыхъ пригорковъ—гончихъ вздумали ставить **).

Все это придумало людское, *чуткое ко злу*, коварство,—не мудрость. И въ томъ расхожусь съ нимъ, что будто-бы „мудрецы были тѣми людьми, которые открыли желѣзные и мѣдные рудники, послѣ того какъ раскаленная лѣснымъ пожаромъ почва растопила и разлила по поверхности залегающія въ землѣ жилы металла“. Такія открытія дѣлаютъ тѣ, которые разрабатываютъ этого рода матеріалы. Даже и этотъ вопросъ мнѣ не представляется замысловатымъ, который былъ предложенъ Посидонію: „что раньше вошло въ употребленіе, молотъ, или наковальня и клещи“? Человѣкъ ума дѣятельнаго и проникательнаго, но не многообъемлющаго и не па-

*) Virg. Georg. 1, 44.

**) Virg. Georg. 1, 139 и слѣд.

рящаго выспрь, открылъ то и другое; и все иное въ этомъ родѣ, что приходится искать перегнувшись тѣломъ и устремивши вниманіе къ землѣ. Мудрый не обременялъ себя вещами ежедневнаго обихода. Почему? потому что онъ желалъ и въ этомъ вѣкѣ быть наименѣе связаннымъ какими-либо путями.

Какъ это, скажи, совпадаетъ, что ты удивляешься вмѣстѣ и Діогену, и Дедалу *). Кто изъ нихъ наиболѣе мудръ на твой взглядъ? Тотъ-ли, кто измыслилъ пилу, или тотъ, кто, видя мальчика, пьющаго воду пригоршней, тотчасъ-же вынулъ чашу изъ сумки и разбилъ ее, съ такимъ ворчливымъ замѣчаніемъ на свой собственный счетъ: „какъ долго я, глупый, носилъ съ собою хотя небольшой, но излишній грузъ!“ —который жался въ чану, и почивалъ даже тамъ? Послѣ этого, наконецъ, кого ты считаешь болѣе мудрымъ изъ двухъ,—того-ли, который открылъ силу давленія, посредствомъ которой желтоватую воду по пезамѣтнымъ скважинамъ въ землѣ можно поднимать на высоту неизмѣримую для *человѣческаго глаза*; который въ одно мгновеніе можетъ изобильно наполнять каналы водой или совсѣмъ осушать ихъ послѣ ея наплыва; который такъ умѣетъ сплочивать передвижные потолки въ обѣденной комнатѣ, что каждую минуту она можетъ принять тотъ или другой видъ вмѣсто прежняго, такъ что обстановка здѣсь столько-же разъ мѣняется, сколько бываетъ перемѣнъ кушаньевъ? или того почитася мудрымъ, который ставитъ на видъ себѣ и другимъ, какъ мало налагаетъ на насъ природа жесткаго и тяжелаго, настоятельно внушая, что мы можемъ обходиться безъ искусныхъ каменщиковъ и мастеровъ разнаго рода; что можемъ одѣваться независимо отъ мѣновой торговли со страной, откуда идетъ шелкъ; что можемъ имѣть необходимое для нашего обихода, если довольны будемъ тѣмъ, что положено на самой поверхности земли, у насъ на виду. Если-бы родъ людской захотѣлъ слушать такого человѣка, то онъ зналъ бы, что поварь для него не больше нуженъ, какъ и воитель?

*) Дедалъ въ древности считался виновникомъ наиболѣе полезныхъ изобрѣтеній.

Тѣ были мудрыми, или по крайней мѣрѣ похожими на мудрыхъ, у которыхъ покровительство тѣлу было вычеркнуто изъ ихъ жизни. Необходимое окупается заботами не очень многими; для усладительныхъ прихотей нуженъ трудъ и усилія. Ты не почувствуешь потребности въ работахъ художниковъ, если подчинишься водительству природы; ея воли не было на то, чтобы мы были разъединяемы и развлекаемы въ разныя стороны; она непосредственно научила насъ тому, къ чему хотѣла расположить. *Ты скажешь:* „стужа невыносима для непокрытаго тѣла“. Что-же изъ этого слѣдуетъ? развѣ шкуры звѣрей и иныхъ животныхъ не могутъ достаточно и даже съ избыткомъ отвоевать насъ у холода? развѣ очень многія племена не прикрываютъ наготу тѣла корою и листьями деревьевъ? развѣ перья птицъ не нанизываются на основу, для того, чтобы сдѣлать изъ нихъ родъ одежды? развѣ и до сего дня большая часть скивоовъ не одѣвается въ шкуры лисицъ и кунницъ, легкою ношею облегающія тѣло и непроницаемая для вѣтровъ? *Ты возразишь:* „но вѣдь нужда требуетъ удалять себя подъ прикрытія болѣе плотныя и надежныя“. Какъ? развѣ сѣдая древность не завѣщала намъ потаенныя мѣста, которыя, будучи углублены на подобіе дупла во времена безправія или по инымъ обстоятельствамъ, превратились потомъ въ настоящія пещеры? развѣ древніе своими собственными руками не сплетали загородей изъ прутьевъ, не облѣпляли ихъ дешево стоящей для каждаго глиной, не прикрывали затѣмъ верхъ ихъ соломой и тростникомъ, и, спуская зимніе дожди по наклонной крышѣ, не проживали безопасно зимнюю стужу? развѣ племена, живущія на сѣверо-африканскомъ берегу, не укрываются въ помѣщеніяхъ, выкопанныхъ въ землѣ? для нихъ вѣдь при необычайной жарѣ солнечныхъ лучей, для удаленія себя отъ нихъ, нѣтъ прикрытія болѣе плотнаго и надежнаго, чѣмъ самая ссохшаяся земля.

Природа не могла быть столь враждебною для человѣка, чтобы въ то время, какъ всѣ прочія твари имѣютъ легко достающіяся средства для продолженія жизни, только онъ одинъ не могъ обходиться безъ многочисленныхъ искусствен-

ныхъ украшеній ея. Она не обязала насъ ни къ чему подобному, не заповѣдала намъ искать чего-либо изъ этихъ вещей, чтобы тѣмъ наша жизнь могла продлиться на большее время. Мы раждаемся, когда для насъ все готово: мы для себя все дѣлаемъ труднымъ—отвращеніемъ къ доступному и легкому. Жилище, одежда, теплотворныя средства и пища, и все, что для насъ теперь сдѣлалось предметомъ великой заботы и труда, было прежде подъ рукою, и давалось даромъ, и приобрѣталось цѣною небольшого усилія; ибо соблюдалась мѣра во всемъ, опредѣляемая ни чѣмъ инымъ, а только зависимостью отъ того, что необходимо; а мы теперь создали себѣ потребность изъ этихъ дорогихъ, вызывающихъ удивленіе вещей, которыя суть произведеніе совокупнаго дѣйствія многихъ и утонченныхъ искусствъ. Природа сама по себѣ достаточно способна удовлетворить человѣка въ томъ, чего она требуетъ. Роскошь-же отучается отъ природы; она день ото дня все болѣе растравливаетъ себя, и съ теченіемъ времени все растетъ, и подпираетъ порочныя стремленія духомъ изобрѣтательности. Сперва она начинаетъ похотствовать на излишнее, затѣмъ на несовмѣстное съ человѣческою природою, а въ наше время подчиняетъ духъ тѣлу, и заповѣдуетъ рабствовать его похотямъ. Всѣ эти искусства, которыя въ городахъ производятъ столько волненія и шума, работаютъ только для послугъ тѣлу; то, что пѣкогда ему поручалось и указывалось для работы, какъ рабу, нынѣ уготовляется для него, какъ властелина. Вотъ почему появились мастерскія искусныхъ ткачей и мастеровъ въ дѣлѣ обработки дерева и металла; вотъ откуда кухни для приготовления благовонныхъ веществъ; вотъ откуда школы, въ которыхъ приучаютъ *дѣтей* къ изнѣженно-красивымъ движеніямъ тѣла и разнѣженному и расслабленному пѣнію. Исчезла эта природная мѣрность, ограничивавшая желанія соображеніями о необходимой себѣ помощи; одна деревенщина и нищета стоять еще на томъ, чтобы желать не болѣе того, чѣмъ сколько потребно для необходимаго довольства.

Трудно повѣрить, Луцилій, какъ легко даже и богато одаренныхъ мужей отвлекаетъ отъ истины сладостная при-

ятность человѣческихъ рѣчей. Вотъ на примѣръ Посидоній (по моему мнѣнію, человѣкъ, наиболѣе споспѣшествовавшій дѣлу философіи), описавши сначала, какъ одни волокна скручиваются непосредственно, *изъ даннаго матеріала*, а другія сучатся изъ мягкаго и предварительно размотаннаго; какъ затѣмъ навой отъ висящихъ внизу тяжестей вытягивается впрямь,—какъ брошенная челнокомъ поперечная нить, при помощи берда, притыкается вплотную къ основѣ и сплетается съ нею, вмѣстѣ съ чѣмъ шероховатость, сплюснутой съ той и другой стороны, основы ослабляется и дѣлается незамѣтнѣе,—утверждаетъ послѣ этого, что и искусство тканья изобрѣтено мудрыми, забывая, что послѣ этого изобрѣтенія опять открыть новый способъ болѣе утонченнаго тканья, при которомъ—

Нитки тянутся вдоль на станкѣ, раздѣленные гребнемъ;
Острый челнокъ по срединѣ утока катится съ нитью;
Зубья берда ее съ тканьемъ сильнымъ ударомъ сплотняютъ *).

Что онъ сказалъ-бы, если-бы ему пришлось упомянуть о тканяхъ нашего времени, изъ которыхъ *иногда* совсѣмъ нельзя заготовить одежду, предназначенныхъ держать въ прикровенности наше тѣло, а развѣ только такія, которыми не только что для тѣла не дается помощи, но нужно сказать—и чувство цѣломудренности не поддерживается?—Послѣ этого Посидоній переходитъ къ земледѣльцамъ, и не безъ краснорѣчія описываетъ, какъ почва разрыхляется сохою и затѣмъ еще разъ перепаживается, дабы размягченная земля была тѣмъ доступнѣе для лучей солнечныхъ,—какъ затѣмъ раскидываются сѣмена, и какъ выдергиваются руками попавшія случайно сорныя травы, дабы они не поднялись вмѣстѣ съ хлѣбнымъ злакомъ, ибо ихъ присутствіе вредитъ жатвѣ. И это искусство, поясняетъ онъ, есть дѣло мудрыхъ, какъ будто еще и до сихъ поръ земледѣльцы не изыскиваютъ многочисленныя средства, дабы возвысить плодородіе полей. Но ему мало того, что онъ приписалъ мудрымъ изобрѣтеніе этихъ искусствъ,—Посидоній поручаетъ имъ изобрѣсти и ручную

*) Ovid. Metam. VI, 55 и слѣд.

мельницу. Ибо онъ рассказываетъ, какъ мудрецъ, подражая природѣ, началъ готовить хлѣбъ. „Взятая въ ротъ хлѣбныя зерна, говоритъ онъ, размельчаются сходящимися между собою крѣпкими зубами, и что выпадаетъ у нихъ, подхватывается и приносится языкомъ къ нимъ-же; а послѣ того размельченное перемѣшивается со слюною, дабы безъ затрудненія могло пройти черезъ *нѣжныя* слизистыя оболочки пищепріемнаго горла; дошедши до желудка, оно переваривается его теплотворною силою; въ концѣ всего оно входитъ въ составъ тѣла. Придерживаясь этого образца, нѣкто помѣстилъ жесткій, шероховатый камень одинъ надъ другимъ, на подобіе зубовъ, такимъ образомъ, что одинъ изъ нихъ выжидательно стоитъ, въ то время какъ другой движется; послѣ чего брошенныя въ промежутокъ между тѣмъ и другимъ зерна отъ совокупнаго давленія обоихъ камней раздробляются, и, пронесшись подъ ними нѣсколько разъ, обращаются наконецъ въ мельчайшія частички. Тогда добытую муку онъ нѣсколько разъ обрызнулъ водою, и, переминая и перекатывая сдѣлалъ ее мягкой до такой степени, что она стала похожа на хлѣбъ. Этотъ хлѣбъ выпекался на первыхъ порахъ на горячей золѣ и на раскаленныхъ кирпичахъ; впоследствии *постепенно* были придуманы печи и другія приспособленія, жаръ которыхъ людямъ стало возможно употреблять на службу себѣ по произволу“. Не многого недоставало для того, чтобы онъ рѣшился утверждать, что и сапожное мастерство также придумано мудрыми.

Все это измыслилъ хотя и разумъ, но разумъ, направленный не по прямому пути. Все это—изобрѣтеніе чловѣка, а не мудраго, по крайней мѣрѣ столько-же, какъ и тѣ посуды, на которыхъ мы пересѣкаемъ рѣки и моря, принаровивши для пріема натиска вѣтровъ паруса, и приладивши въ кормовой части весло, долженствующее поворачивать судно по тому или другому направленію. Образецъ заимствованъ здѣсь у рыбъ, у которыхъ хвостъ служитъ вмѣсто кормила, и легкое движеніе котораго направляетъ ихъ быстрый бѣгъ въ какую угодно сторону. „Все это, говоритъ Посидоній, придумалъ мудрый, но онъ передалъ свои изобрѣтенія ра-

ботникамъ низшаго разряда, какъ нѣчто незначительное, недостойное того, чтобы имъ заниматься самому“. Совсѣмъ напротивъ,—не другіе додумались до этихъ открытій, а тѣ, которые и о сю пору озабочены ими. Кое-что въ этомъ отношеніи, мы знаемъ—сдѣлалось извѣстнымъ и на нашей памяти, какъ напр. употребленіе оконъ изъ кусочковъ прозрачной слюды, пропускающей дневной свѣтъ; какъ полки въ баняхъ, и заложенные въ ихъ стѣны трубы, могущія во всѣ стороны разливать нагрѣтый воздухъ, который въ свою очередь долженъ разливать тепло сплошь и въ верхнія и нижнія части. Говорить-ли о мраморѣ, который сверкаетъ у насъ на храмахъ и на домахъ,—объ этихъ грудахъ отполированныхъ круглыхъ камней, которыми поддерживаются галереи и пріемныя залы, могущія помѣстить въ себѣ многія массы народа? Говорить-ли о знакахъ, замѣняющихъ цѣлыя слова, посредствомъ которыхъ самая ускоренная рѣчь перехватывается, и рука успѣваетъ слѣдить за поспѣшностью языка? Это послѣднее изобрѣтеніе есть домyselъ рабовъ, въ общемъ мнѣніи существъ всего менѣе цѣнимыхъ: мудрость возсѣдаетъ выше,—она не руки обучаетъ мастерствамъ, а есть водительница душъ. Ты желаешь знать, что она вывела изъ мрака, что усовершила? Она не изобрѣтала ни непристойныхъ движеній тѣла, ни разныхъ стройныхъ напѣвовъ на трубѣ и флейтѣ, изъ которыхъ въ той и другой воздухъ, захваченный вдыханіемъ или выдыханіемъ, преобразуется въ звукъ; не изобрѣтала ни оружія, ни укрѣпленій, ни войнъ: всѣмъ своимъ вѣсомъ она упирается на полезное, благоволяетъ тишинѣ и спокойствію, и родъ людской призываетъ къ согласію. Она не есть, повторяю, споспѣшница въ изобрѣтеніи орудій, необходимыхъ для обыденной жизни.

Зачѣмъ ты назначаешь для нея столь маловажныя задачи! Ты смотри на нее, какъ на искусную устроительницу жизни. Она вѣдь и всякія искусства держитъ подъ своимъ господствомъ; ибо, если ей покоряется жизнь, то, значить, и украшенія жизни ей подвластны; при всемъ томъ въ основѣ ея замысловъ лежитъ одно—счастіе людей: къ этой цѣли она ведетъ, сюда открываетъ путь. Она наглядно обнаруживаетъ,

что есть дѣйствительное, и что только кажущееся зло; она изнимаетъ изъ души всякую суетность, и внѣдряетъ въ нее непоколебимое величіе; тщеславно-же раздутое и втунѣ красующееся величіе она принижаетъ: она не позволяетъ быть въ невѣдѣніи о томъ, что между напыщеннымъ гордостію и истинно величественнымъ есть разница; она преподаетъ знаніе о всей природѣ, равно какъ и о томъ, въ чемъ состоитъ она сама. Она просвѣщаетъ насъ относительно того, что есть Божество, и каковы Его свойства, что такое подземный міръ мертвыхъ, что такое духи—хранители семьи и геніи,—эти послѣ божественнаго имѣющія наиболѣе совершенный видъ бытія души,—гдѣ они пребываютъ, каковы ихъ дѣйствія, желанія и могущество. Вотъ съ чего начинается при помощи мудрости посвященіе людей въ высшія тайны,—посвященіе, чрезъ которое не только открываются двери въ почитаемыхъ народомъ святилищахъ, но и отверзается самый храмъ Божества, самый міръ снимаетъ свои запоры; истинное подобіе Божества, истинные образы его она предноситъ умамъ для созерцанія; ибо нашъ органъ зрѣнія слишкомъ слабосилень и тупъ, чтобы непосредственно взирать на столь великое. Послѣ этого опа, *мудрость*, дѣлаетъ шагъ ниже—къ началу вещей, и къ вѣчному разуму, удѣленному во всѣ части міра, и къ той силѣ, которая каждому отдѣльному сѣмени даетъ свойственный ему ростъ. По ряду затѣмъ, она начинаетъ дѣлать розысканія о духѣ,—именно, откуда онъ происходитъ, гдѣ и сколь долго пребываетъ, въ какихъ силахъ обнаруживается. Послѣ тѣлеснаго она переносится къ безтѣлесному, удостовѣряется въ его истинномъ бытіи, и перебираетъ доказательства на этотъ предметъ; вмѣстѣ съ тѣмъ разсматриваетъ, какъ слѣдуетъ разбираться въ вѣроятныхъ предположеніяхъ относительно такихъ вещей, какъ жизнь со смертію; ибо при рѣшеніи этого двойственнаго вопроса *обыкновенно* лживое примѣшивается къ истинному.

Мудрый,—и я скажу вмѣстѣ съ Посидоніемъ,—не отворачивается отъ искусствъ, но онъ къ нимъ не мало не льнетъ. Вѣдь онъ, по моему мнѣнію, всегда думалъ такъ, что нѣтъ нужды и изобрѣтать что-либо такое, на счетъ чего нельзя

было думать, что оно будетъ достаточно цѣнно для всегдашняго обихода; онъ не взялся-бы за изобрѣтеніе чего-либо такого, чему предстояло удаленіе на задній планъ и забвеніе. „Анахарсисъ *), говоритъ Посидоній, придумалъ гончарное колесо, верченіемъ котораго придается тотъ или другой видъ глинянымъ сосудамъ“. Послѣ этого, такъ какъ и у Гомера упоминается о гончарномъ колесѣ, то онъ хочетъ думать, что скорѣе стихи перваго лживы, чѣмъ его рассказъ. Самъ я не хочу стоять за то, что Анахарсисъ былъ виновникомъ этого изобрѣтенія; если оно было, виною его былъ, конечно, мудрый, но не какъ мудрый. Для уясненія своей мысли примѣромъ, мы скажемъ, что мудрые многое дѣлаютъ, поскольку они люди, а не мудрые. Предположи, къ примѣру, что мудрый хорошій ходокъ: если бѣгомъ онъ упредитъ всѣхъ, то потому, что быстро бѣгаетъ, а не потому, что мудрый. Я очень желалъ-бы показать Посидонію выдѣлывателя стекла, усиліемъ дыханія стеклянную массу превращающаго въ такіе многоразличные виды, что они съ трудомъ могутъ быть изваяны даже самою заботливо-искусною рукою. Послѣднее изобрѣтеніе сдѣлано тогда уже, какъ утратилась надежда отыскать хотя единаго мудраго. „Демокритъ, говоритъ онъ далѣе, придумалъ строенія на сводахъ, въ которыхъ дугообразный изгибъ склоняющихся другъ къ другу понемногу камней въ концѣ концовъ связывается срединнымъ камнемъ“. Безъ большихъ колебаній я могу сказать, что это ложно. Вѣдь естественно, что и раньше Демокрита были мосты и ворота, у которыхъ верхъ почти всегда закругленъ на подобіе свода.—Помимо этого, у васъ выпало еще изъ памяти, что тотъ-же Демокритъ придумалъ, какъ слоновую кость дѣлать мягкою и тѣмъ самымъ удобною для обработки, какъ посредствомъ расплавленія, простые камни можно превращать въ смарагдъ; при помощи этого способа, еще и донинѣ окрашиваютъ въ самые разнообразныя цвѣта пригодныя для этого камни. Пусть до всего этого и дошелъ мудрый, но не

*) Анахарсисъ—скнезъ изъ царскаго рода—для своего образованія предпринялъ путешествіе въ Грецію, и снискалъ тамъ своими дарованіями и чистотою нравовъ такое почтеніе, что былъ причисляемъ къ семи мудрецамъ.

въ качествѣ мудраго; ибо онъ дѣлаетъ многое такое, что, какъ мы видимъ, совершаютъ одинаково хорошо, и даже искуснѣе и пригоднѣе для дѣла люди самые ограниченные въ своемъ кругозорѣ.

Въ какой еще области знаній мудрые попали на слѣды истины, что извлекли изъ мрака на общее усмотрѣнiе, спросишь? Прежде всего, они объяснили намъ природныя свойства вещей, которыя они, вопреки прочимъ творенiямъ, познавали не одними тѣлесными очами, столь мало чувствительными къ божественному; затѣмъ законы жизни, которые они распространили на весь мiръ; они учили не вѣдать только Бога, но и слѣдовать ему, и приключающееся принимать не иначе, какъ и заповѣданное. Они возбраняли повиноваться лживымъ, ходячимъ мнѣнiямъ, и строго перевѣшивали на подлинныхъ вѣсахъ, чего стоитъ каждая вещь; отвергали, какъ виновное, чувственныя удовольствiя, сопряженныя всегда съ раскаянiемъ, *болѣе раннимъ или болѣе позднимъ*, и восхваляли доброе, никогда не перестающее быть желаннымъ для души; и своими поступками дѣлали явнымъ, что тотъ самый богатый счастиемъ, кому нѣтъ нужды до счастья,—тотъ самый могущественный, кто имѣетъ власть надъ собою. Не о той говорю я философiи *), которая гражданина ставитъ внѣ отечества, боговъ внѣ мiра, и которая удовольствiе надѣлила свойствами добродѣтели; но о той, которая ничего не почитаетъ добрымъ, кромѣ честнаго,—которая не можетъ покинуть свою строгость и спуститься до слабой уступчивости ни отъ даровъ людскихъ, ни отъ даровъ счастья; цѣна ея въ томъ, что она не можетъ быть заполонена ни за какую цѣну.

Мнѣ не хочется вѣрить, что такая философiя существовала въ мiрѣ въ тотъ грубый вѣкъ, когда еще и самыхъ искусствъ не было на лицо, и все полезное узнавалось изъ непосредственнаго опыта; въ этотъ отдаленный счастливый вѣкъ, когда дары природы лежали у всѣхъ подъ руками для пользованiя всѣмъ безразлично, когда еще не были извѣстны любостыжанiе и причудливая изнѣженность, расторгшия есте-

*) Сенека разумѣетъ здѣсь эпикурейцевъ.

ственный союзъ людей, и вмѣсто взаимнаго товарищескаго участія поставившія ихъ врозь — для хищенія другъ у друга, — въ этотъ вѣкъ люди не были мудрыми, хотя и дѣлали все, что необходимо стали-бы дѣлать и мудрые. Сказать по правдѣ, состояніе человѣческаго рода, иное, болѣе благополучное въ сравненіи съ этимъ, едва-ли кто можетъ и предугадать; и если-бы Богъ внушилъ кому-либо устроить земныя отношенія и насадить благіе нравы среди племенъ, онъ не безъ удовольствія оглянулся-бы на тотъ бытъ древняго поколѣнія людей, о которомъ гласитъ намъ память народнаго преданія. Тогда—говоритъ оно—

Въ плугъ не впрягали себя поселяне.

Ставить значки, или поле дѣлить на участки межами

Не было нужды; все было у нихъ подъ рукою; и почва

Все имъ давала охотно, не ожидая ихъ просьбы *).

Было-ли поколѣніе счастливѣе этого? Въ общемъ пользованіи были у нихъ дары природы; какъ родительница, она сама по себѣ достаточно приносила для охраненія жизни всѣхъ; она сама была надежнымъ складомъ общественныхъ сокровищъ. Почему-бы мнѣ не считать осыпаннымъ дарами счастья то поколѣніе людей, въ которомъ ты не могъ-бы отыскать бѣднаго? Вторглась въ порядокъ вещей, наилучше устроенный, корысть, и, въ то время какъ возжаждала одно и другое оттягивать у себѣ подобнаго и обращать въ свою собственность, все сдѣлала чужимъ, и прежнее безграничное обиліе умалила до нужды и тѣсноты во всемъ; внесла бѣдность, и, жаждая многого, упустила все. Пусть послѣ этого корыстный человѣкъ захочетъ войти въ прю, и возстановить, что потерялъ, — пусть онъ земли прибавляетъ къ землямъ, пусть онъ сосѣдей оттѣсняетъ съ ихъ земли цѣною денегъ или цѣною нарушенія ихъ правъ; пусть онъ расширяетъ свои пашни до протяженности цѣлыхъ провинцій, и пусть его владѣнія будутъ столь пространны, что онъ станетъ ихъ измѣрять нѣсколькими днями пути; расширеніе границъ обработки не возвратитъ насъ къ тому пункту, отъ котораго

*) Virg. Georg. 1, 124 и слѣд.

мы ушли далеко. Послѣ того, какъ сдѣлали все возможное, мы будемъ имѣть многое, но все мы имѣли прежде. Сама земля была плодоноснѣе, когда оставалась безъ усиленной обработки; она щедро разсыпала свои дары на пользу народовъ, когда они ничего не похищали у нея насильно. Что-бы ни возрастила природа, все не только найти, но и показать найденное другому доставляло радость; не возможно было, что у одного было много лишняго, а у другаго мало необходимаго: все дѣлилось по сердечному согласію. Человѣкъ мощный не накладывалъ еще на безсильнаго своей руки; еще корыстный не оттиралъ другаго отъ пользованія необходимымъ, ради того, чтобы припрятать себѣ вдали нѣчто такое, чему предстояло у него лежать безъ всякаго употребленія: заботы о другомъ было тогда не меньше, чѣмъ о себѣ. Оружіе было бездѣйственно: и люди, не обагрившіе своихъ рукъ кровью человѣческой, свою ненависть обращали пока еще на звѣрей. Люди эти, которые нѣкогда отъ солнца скрывались подъ сводомъ лѣсной чащи, которые, наперекоръ суровой зимѣ или дождю, жили безопасно въ дешевомъ пріютѣ изъ древесныхъ вѣтвей, — ночи проводили безмятежно и безъ вздоховъ. Насъ-же на нашихъ пурпуровыхъ ложахъ тяжелая забота переворачиваетъ съ боку на бокъ, и острыми уколами поднимаетъ на ноги. Тѣмъ людямъ—какой нѣжно-успокоительный сонъ давала ихъ грубая кровля! Надъ ними не висѣли рѣзные потолки; нѣтъ, они покоились на вольномъ воздухѣ, но за то до ихъ глазъ доходило сіяніе звѣздъ и величественное зрѣлище ночи; вселенная, на виду у нихъ, совершала свое безостановочно быстрое вращеніе, и—столь великое дѣло творилось ею въ такой глубокой тишинѣ! Столько-же днемъ, какъ и ночью, раскрывался предъ ихъ взоромъ видъ этихъ прекрасныхъ палатъ; любо было имъ созерцать эти свѣтила, то со середины неба опускающіяся внизъ, то изъ мрака поднимающіяся вверхъ. Да и что въ такой степени можетъ быть пріятнымъ, какъ блуждать взоромъ посреди этихъ на далекомъ пространствѣ разсѣянныхъ по небу чудесъ? А вы вотъ трусливо дрожите при всякомъ подозрительномъ шумѣ въ своихъ

домахъ; послышится-ли трескъ изъ-подъ вашихъ картинъ, вы бѣжите прочь, какъ-бы устрашенные громомъ. Тѣ, древніе, не имѣли домовъ на подобіе укрѣпленій. Свѣжій воздухъ, свободно вѣющій по незакрытымъ пространствамъ, и легкая тѣнь отъ скалы или дерева, и свѣтло-прозрачные источники, и потоки, не сдержанные и не умаленные ни запрудами, ни водопроводными каналами, ни искусственнымъ направлениемъ русла, но бѣгущіе на всей свободѣ, и луговины, красивыя безъ украшенія; а среди всего этого незатѣйливое жилище, поставленное собственными руками—*вотъ какова была обстановка прежнихъ людей.* Ихъ жилище соотвѣтствовало требованіямъ природы: любо было человѣку жить въ немъ, не боясь ни его самого, ни за него; у насъ-же теперь не малую долю для нашей боязливости доставляютъ наши дома.

Но хотя жизнь древнихъ, чуждая всякой неправды, представляется намъ съ чертами высокаго свойства, — они все-таки не были мудрыми, если правда, что это имя приложено только къ возвышенной дѣятельности. Впрочемъ, я не рѣшусь отрицать у нихъ присутствіе богатыхъ природныхъ даровъ, тѣмъ болѣе, что они, такъ сказать, были наиболѣе близко стоящими къ божественной силѣ созданія ея: ибо, нѣтъ сомнѣнія, что міръ *въ своей юности*, не истощенный родотвореніемъ, производилъ лучшихъ людей, *чѣмъ послѣ.* Но хотя они отъ природы наслѣдовали большую мужественность и способность къ перенесенію трудовъ,—ихъ душевныя силы не были доведены до степени стройнаго и завершенаго цѣлаго. Природа не даруетъ доблестей: сдѣлаться добрымъ—это цѣлая наука. Тѣ люди, *древніе*, по крайней мѣрѣ, не искали въ жидкомъ растворѣ земли подземныхъ безднъ ни золота, ни серебра, ни самоцвѣтныхъ камней; они даже щадили еще безсловесныхъ животныхъ, не говоря о томъ, что у нихъ и въ помышленіи не было, что человѣкъ можетъ умерщвлять человѣка, не въ гнѣвѣ и не изъ страха, а изъ одного желанія видѣть умираніе. У нихъ не были въ употребленіи одежды, окрашенные въ разные цвѣта, не были извѣстны одежды, затканныя золотомъ; да это золото и не было еще вырыто изъ земли. Что-же изъ этого слѣдуетъ?

По невѣдѣнію *многихъ* вещей, они были невинны; но вѣдь это вещи не соизмѣримы — не хотѣтъ грѣшнить, и совсѣмъ не вѣдать грѣха. У древнихъ не было понятія о настоящей правдѣ, о предусмотрительности, о необходимости ограничивать себя въ своихъ потребностяхъ, о храбрости. Ихъ грубоватая жизнь вмѣщала въ себѣ нѣчто, похожее на эти доблести; но настоящая доблесть находитъ пріютъ только въ душахъ, получившихъ много завѣтовъ *отъ* *прошлаго* и воспріявшихъ много знаній, и *отъ* *долговременной* внимательной работы надъ собою ставшихъ на *нѣкоторую* ступень нравственнаго совершенства. Для него мы и раждаемся на свѣтъ, но безъ него; и въ самыхъ лучшихъ даже людяхъ, прежде чѣмъ дадутъ имъ образованіе, существуютъ только задатки нравственной доблести, а не самая доблесть.

ЛИСТОКЪ

Д Л Я

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

15 Февраля № 3. 1886 года.

Содержаніе: Опредѣленія Святѣйшаго Синода.—Отъ училищнаго Совѣта при Св. Синодѣ.—Отчетъ о состояніи Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 1885/86 учебный годъ (окончаніе).—Отъ Харьковскаго комитета Православнаго миссіонерскаго общества.—Вѣдомость о средствахъ Харьковскаго епархіальнаго свѣчнаго завода на 1-е число января мѣсяца 1886 года.—Отъ правленія Харьковской духовной семинаріи.—Отъ Совѣта Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Опредѣленія Святѣйшаго Синода.

I. Отъ 18-го—31-го декабря 1885 года, за № 2774, о наградахъ за заслуги въ благотворительныхъ учрежденіяхъ.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложеніе г. синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 11-го минувшаго декабря за № 6004, коимъ объявляетъ Святѣйшему Синоду, для зависящихъ распоряженій, о томъ, что Государь Императоръ, въ 22-й день ноября 1885 года, Высочайше повелѣтъ извоилъ: 1) чтобы благотворительныя учрежденія не представляли къ наградамъ лицъ, состоящихъ на государственной службѣ въ правительственныхъ установленіяхъ, за услуги, оказанныя таковыми лицами вышеозначеннымъ учрежденіямъ, и 2) чтобы дѣйствіе сего правила не было распространяемо лишь на тѣхъ служащихъ въ благотворительныхъ учрежденіяхъ лицъ, которыя состоятъ въ оныхъ на службѣ по опредѣленію отъ правительства. Приказали: Объ изъявленной Высочайшей волѣ дать знать епархіальнымъ преосвященнымъ, циркулярно, чрезъ „Церковный Вѣстникъ“.

II. Отъ 9-го—31-го декабря 1885 года, за № 2695, о возстановленіи въ полной силѣ дѣйствія ст. 247 строительнаго устава относительно постройки иновѣрческихъ храмовъ.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложенныя г. товарищемъ су-

нодальнаго Оберъ-Прокурора, 17-го и 31-го октября 1885 года, за №№ 4857 и 5176: 1) копію отношенія управлявшаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, отъ 13-го октября 1885 г., № 4538, съ изъясненіемъ Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго по всеподданнѣйшему докладу его, управлявшаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, о возстановленіи въ полной силѣ дѣйствія ст. 247 строительнаго устава относительно постройки иновѣрческихъ храмовъ, и 2) экземпляръ циркуляра министерства внутреннихъ дѣлъ губернаторамъ по сему предмету, отъ 13 октября 1885 г., № 5253, слѣдующаго содержанія: Въ циркулярѣ, отъ 10 января 1862 г. за № 21, сообщено было, что Государь Императоръ, признавая для постройки иновѣрческихъ церквей достаточнымъ разрѣшеніе гражданскаго начальства и министерства внутреннихъ дѣлъ, Высочайше повелѣть соизволилъ, 6 января того-же года, исключить изъ подлежащихъ статей свода законовъ правило, по коему губернскія начальства, по представленіямъ о постройкѣ иновѣрческихъ церквей, обязаны предварительно сноситься съ православнымъ епархіальнымъ начальствомъ. Нынѣ Государь Императоръ, въ виду измѣнившихся обстоятельствъ, по всеподданнѣйшему докладу его, управлявшаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, въ 10 день октября 1885 года, Высочайше соизволилъ на отмѣну вышеприведеннаго Высочайшаго повелѣнія и на возстановленіе въ полной силѣ дѣйствія ст. 247 строит. уст., по силѣ коей губернскія мѣста, предварительно представленія въ министерство проектовъ на постройку иновѣрческихъ церквей, посредствомъ сношенія съ православнымъ епархіальнымъ начальствомъ, удостовѣряются, нѣтъ-ли какихъ препятствій къ разрѣшенію постройки. И, по справкѣ, приказали: Объ изъясненномъ въ циркулярѣ министерства внутреннихъ дѣлъ губернаторамъ, отъ 13-го октября 1885 г. за № 5253, Высочайшемъ повелѣніи относительно возстановленія въ полной силѣ дѣйствія 247 статьи строительнаго устава касательно построекъ иновѣрческихъ церквей, для свѣдѣнія и надлежащаго въ потребныхъ случаяхъ руководства по духовному вѣдомству, напечатать въ „Церковномъ Вѣстникѣ“, передавъ для сего редакціи упомянутаго журнала выписку изъ настоящаго опредѣленія.

Отъ училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ.

Въ училищный при Святѣйшемъ Синодѣ Совѣтъ поступаютъ отъ приходскихъ священниковъ, церковно-приходскихъ попечительствъ

и частныхъ лицъ просьбы о пособіи деньгами и книгами содержи-мымъ ими церковно-приходскимъ школамъ и школамъ грамотности. Всѣ таковыя просьбы училищный Совѣтъ преисправляетъ на предварительное заключеніе епархіальныхъ преосвященныхъ и разрѣшаетъ согласно съ ихъ отзывомъ, обыкновенно основывающимся въ свою очередь на отзывѣ мѣстныхъ епархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ.

Въ виду сего и во избѣжаніе замедленія въ удовлетвореніи означенныхъ ходатайствъ, училищный Совѣтъ симъ объявляетъ во всеобщее свѣдѣніе, что просьбы частныхъ лицъ изъ епархій о высылкѣ въ учрежденныя или вновь открываемыя ими церковно-приходскія школы и школы грамотности учебныхъ книгъ, и о денежномъ пособіи симъ школамъ, должны быть подаваемы мѣстнымъ епархіальнымъ преосвященнымъ, или въ мѣстныя епархіальныя училищныя совѣты, а сими послѣдними — представляемы на дальнѣйшее распоряженіе епархіальнаго преосвященнаго.

О Т Ч Е Т Ъ

о состояніи Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 18⁸⁴/85 учебный годъ.

(Окончаніе *).

IV. Библіотека и физическій кабинетъ

а) Въ фундаментальной библіотекѣ къ 1 ноября 1885 года числилось 869 названій въ 2135 томахъ. Сравнительно съ 18⁸³/84 учебнымъ годомъ, библіотека эта увеличилась на 51 названіе въ 106 томахъ. Въ числѣ вновь поступившихъ книгъ 27 названій въ 41 томѣ пожертвованы основателемъ и постояннымъ благодѣтелемъ библіотеки, Московскимъ купцомъ И. М. Коробковымъ; 14 названій въ 26 томахъ переданы изъ учебнической библіотеки, во исполненіе указа Св. Синода отъ 18 апрѣля 1884 года, 8 названій въ 34 томахъ пріобрѣтены на училищный счетъ и 1 названіе въ 4 томахъ пожертвовано о. предсѣдателемъ Совѣта, священникомъ Т. Буткевичемъ. Книгами изъ фундаментальной библіотеки пользуются только начальствующіе, преподаватели и другія служащія въ училищѣ лица. Завѣдуетъ этою библіотекою одна изъ воспитательницъ, на основаніи примѣчанія къ 40 § уст. епарх. ж. училищъ.

б) Въ учебнической библіотекѣ къ 1 ноября 1885 года числится 512 названій въ 1281 томѣ. Сравнительно съ 18⁸³/84 учебнымъ годомъ, библіотека эта увеличилась на 28 названій въ 66 томахъ, изъ которыхъ 23 названія въ 43 томахъ пожертвованы И. М. Коробковымъ и 5 названій въ 23 томахъ пріобрѣтены на училищный счетъ. Книгами изъ этой библіо-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1886 г. № 2.

теки пользуются исключительно воспитанницы, причемъ для воспитанницъ I и II классовъ берутъ книги, по своему выбору и подъ свою росписку и отвѣтственность, воспитательницы этихъ классовъ, а воспитанницы остальныхъ классовъ берутъ книги подъ свои росписки и отвѣтственность. Въ теченіе отчетнаго года изъ этой библіотеки воспитанницами всѣхъ классовъ взято для чтенія 3567 книгъ (въ 18^{83/84} учебномъ году 2971 книга), именно: воспитанницами I класса 148 книгъ, II класса—152, III класса—838 книгъ, IV класса 833 книги, V нормального класса—555 книгъ, V параллельнаго—468 книгъ и VI класса—573 книги. Завѣдуетъ этою библіотекою всегда воспитательница VI класса, при помощи двухъ, избираемыхъ ею, воспитанницъ того-же класса.

в) *Въ библіотекъ при педагогической школѣ* къ 1 ноября 1885 года состоитъ 163 названія книгъ въ 185 томахъ. Въ отчетномъ году эта библіотека приращенія не получала. Книгами изъ этой библіотеки пользуются воспитанницы VI класса, для подготовки къ практическимъ занятіямъ въ педагогической школѣ. Завѣдуетъ этою библіотекою надзирательница педагогической школы.

г) *Въ музыкальной библіотекѣ* къ 1 ноября 1885 года числится 268 названій фортепьянныхъ піесъ. Сравнительно съ 18^{83/84} учебнымъ годомъ библіотека эта увеличилась на 18 названій піесъ. Пользуются этою библіотекою воспитанницы, обучающіяся музыкѣ, а завѣдуетъ одна изъ живущихъ въ училищѣ учительницъ музыки.

Учебниками, учебными пособіями и учебными принадлежностями всѣ воспитанницы въ достаточномъ количествѣ снабжаются отъ училища, безъ взноса за это особой платы.

Кромѣ приобрѣтенія книгъ, Совѣтъ училища на 1885 годъ выписалъ еще, для пополненія фундаментальной и ученической библіотекъ, слѣдующія періодическія изданія:

А) Для чтенія воспитанницамъ:

- аа) „Игрушечка“.
- бб) „Дѣтскій отдыхъ“.
- вв) „Дѣтское чтеніе“.
- гг) „Семья и школа“ („Иллюстрированный отдѣлъ для дѣтей“).
- дд) „Семейные вечера“.
- ее) „Задушевное слово“.

Б) Для чтенія служащимъ въ училищѣ лицамъ:

- аа) „Церковный Вѣстникъ“, съ „Христіанскимъ чтеніемъ“.
- бб) „Вѣра и Разумъ“.
- вв) Труды Кіевской Духовной Академіи“.
- гг) „Творенія Свв. Отцевъ“.
- дд) „Православное Обзорѣніе“.
- ее) „Русскій Вѣстникъ“.
- жж) „Московскія Вѣдомости“.
- зз) „Новый Русскій Базаръ“.
- ии) „Всемирная Иллюстрація“.
- ii) „Нива“.

Физическій кабинетъ въ отчетномъ году не получилъ приращенія, потому что обладаетъ необходимѣйшими для практическаго преподаванія физики приборами. Завѣдуетъ кабинетомъ преподаватель физики.

На библіотеку, учебныя пособія и учебныя принадлежности, по смѣтѣ, утвержденной бывшимъ въ сентябрѣ 1884 года XI Харьковскимъ епархіальнымъ съѣздомъ, назначено 1429 руб. 68 коп. Музыкальная библіотека пополняется изъ спеціальныхъ суммъ, поступающихъ въ училище за обученіе воспитанницъ необязательнымъ предметамъ.

V. Средства училища.

По дѣйствующей въ настоящее время смѣтѣ, утвержденной на трехлѣтіе съ 1885 по 1888 годъ, училище на свое содержаніе должно получить 66393 р. 88¹/₂ к.

Эта общая сумма слагается изъ слѣдующихъ статей:

а) Проценты съ неприкосновеннаго училищнаго капитала 1648 р. 33 к. б) Доходъ съ принадлежащей училищу части дома въ г. Харьковѣ 890 р. 61 к. в) Изъ общеепархіальныхъ средствъ 34886 р. 28¹/₂ к. г) Однопроцентный взносъ съ жалованья духовенства 1418 р. 14 к. д) Отъ епархіальнаго свѣчнаго завода 6171 р. е) Пожертвованія отъ монастырей и церквей епархіи 2581 р. 19²/₃ к. ж) Пожертвованія отъ духовенства при полученіи наградъ 254 р. 86²/₃ к. з) Изъ кружекъ при чудотворныхъ иконахъ 60 р. 96²/₃ к. и) Пансіонерскій взносъ свокоштныхъ воспитанницъ 17400 р. і) За бланки для наградъ духовенству 50 р. 98 к. к) Отъ училищной экономіи 131 р. 51 к. л) Отъ епархіальнаго свѣчнаго завода на 10 бесплатныхъ вакансій 900 р.—Расходъ по содержанію училища тою-же смѣтою опредѣленъ ежегодно 65760 р. 12¹/₂ к. Въ дѣйствительности въ 1884 экономическомъ году по всѣмъ смѣтнымъ статьямъ поступило 69388 р. 88 к. Расхода въ томъ-же году по смѣтнымъ статьямъ произведено на 64651 р. 42 к.

Примѣчаніе: Въ смѣту не вошли взносы за обученіе воспитанницъ необязательнымъ предметамъ *), равно какъ и расходы по этой статьѣ, такъ какъ, на основаніи примѣчанія къ 80 § Устава епарх. ж. училищъ, распоряженіе этою суммою не подвергается контролю епархіальныхъ съѣздовъ.

VI. Дополнительные свѣдѣнія.

а) 6-го апрѣля 1885 года училище, вмѣстѣ со всею Россіею, торжественно праздновало тысячелѣтіе со дня кончины просвѣтителя славянъ, св. Меодія. Наканунѣ въ училищной церкви совершенно всеобщее бдѣніе, а въ самый день праздника литургія, причемъ не обычное въ другіе дни пѣніе тропаря и кондака въ честь свв. равноапостоловъ всѣми воспитанницами, и при томъ особенно—торжественнымъ напѣвомъ, произвело на всѣхъ весьма сильное впечатлѣніе и выдѣлило въ сознаніе дѣтей этотъ день

*) Французскому языку обучались въ отчетномъ году 102 воспитанницы, въ томъ числѣ 52 бесплатно; музыкѣ обучались 158 воспитанницъ, въ томъ числѣ 36 бесплатно; рисованію обучались 24 воспитанницы, въ томъ числѣ 19 бесплатно, за обученіе французскому языку взносится 10 р., за обученіе музыкѣ 25 р. и за обученіе рисованію 5 р. въ годъ съ ученицы.

изъ ряда другихъ. Послѣ заамвонной молитвы помощникъ законоучителя, священникъ Георгій Волобуевъ произнесъ приличное случаю слово о заслугахъ свв. славянскихъ апостоловъ. За литургіей слѣдовалъ молебенъ съ такимъ-же, какъ и раньше, пѣніемъ тропаря и кондака виновникамъ торжества. Въ 12 часовъ дня въ актовомъ училищномъ залѣ произошло торжественное засѣданіе, въ которомъ приняли участіе члены Совѣта, преподаватели, воспитательницы, ихъ помощницы, другія служащія въ училищѣ лица, воспитанницы и нѣкоторые почетные посѣтители. Засѣданіе началось троекратнымъ пѣніемъ воспитанницами пасхальнаго тропаря, затѣмъ о. председателемъ Совѣта было прочитано воззваніе Св. Синода о празднованіи тысячелѣтія кончины св. Меодія. Послѣ этого всѣ воспитанницы пропѣли тропарь и кондакъ свв. Кириллу и Меодію, а затѣмъ преподаватель русской словесности въ училищѣ, А. А. Снегиревъ произнесъ составленную имъ для сего случая прекрасную рѣчь о жизни и дѣятельности свв. братьевъ и ихъ великихъ заслугахъ для славянъ вообще и въ частности для Россіи, которая всегда должна помнить и прославлять своихъ первоучителей. Какъ бы въ отвѣтъ, на этотъ призывъ, воспитанницы — пѣвчія пропѣли гимнъ свв. Кириллу и Меодію, музыки Малашкина. Одна изъ воспитанницъ VI класса произнесла въ ихъ-же честь стихотвореніе и пѣвчія пропѣли второй гимнъ, музыки Главача. Закончилось торжество пѣніемъ народнаго гимна и пасхальной пѣсни: „Свѣтися, свѣтися“.

б) 5-го октября 1884 года училище посѣщаль, сопровождаемый Его Преосвященствомъ, Преосвященнѣйшимъ Амвросіемъ, Епископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, Его Высокопревосходительство Г. Оберъ-Прокуроръ Св. Синода, К. П. Побѣдоносцевъ, проѣздомъ изъ Крыма въ С.-Петербургъ. Встрѣченный начальницею училища, инспекторомъ классовъ и членами Совѣта отъ духовенства, высокій гость прошелъ въ актовъ училищный залъ, гдѣ собраны были всѣ служащія въ училищѣ и воспитанницы. Его Высокопревосходительство подходилъ къ воспитанницамъ каждаго класса и по нѣсколькимъ минутъ бесѣдовалъ съ ними и съ воспитательницами, подробно расспрашивая послѣднихъ о времени ихъ службы, мѣстѣ образованія и т. п. Подобные-же вопросы онъ предлагалъ членамъ Совѣта и преподавателямъ, которые ему были представлены Владыкою. Высказавъ сожалѣніе о томъ, что краткость времени не позволяетъ ему присутствовать на урокахъ и ознакомиться съ знаніями воспитанницъ, Его Высокопревосходительство пожелалъ услышать ихъ пѣніе. Воспитанницы прекрасно исполнили предъ нимъ церковную пѣснь: „Въ молитвахъ неусыпающую Богородицу“. Похваливъ пѣніе, высокій гость простился съ воспитанницами и, сопровождаемый Владыкою и членами Совѣта, прошелъ по всѣмъ училищнымъ помѣщеніямъ, причѣмъ бесѣдовалъ о нуждахъ училища, на которыя ему было указано: ветхости и ненадежности училищнаго корпуса, тѣснотѣ училищной церкви, — говорилъ, далѣе, о цѣли существованія епархіальныхъ женскихъ училищъ и вытекающемъ изъ нея характерѣ и направленіи воспитанія и обученія въ нихъ. Послѣ этого Его Высокопревосходительство посѣтилъ квартиру начальницы училища и затѣмъ, выразивъ полное удовольствіе по поводу всего видѣннаго и слышаннаго, отбылъ изъ училища.

Его Преосвященство, Преосвященнѣйшій Амвросій, Епископъ Харьковскій и Ахтырскій, посѣщаль училище въ теченіе года нѣсколько разъ,

именно: 31 октября, 4 декабря, 27 января и 30 апрѣля, при чемъ 4 декабря, въ день храмоваго училищнаго праздника, совершилъ въ училищной церкви божественную литургію, за которою воспитанницамъ сказалъ назидательное слово, и молебень св. великомученицѣ Варварѣ, и принялъ участіе въ трапезѣ, устроенной для всѣхъ служащихъ въ училищѣ въ квартирѣ г-жи начальницы, а 30 апрѣля присутствовалъ на экзаменѣ по Закону Божию въ VI классѣ, по окончаніи котораго предлагалъ вопросы по катихизису вызваннымъ сюда нѣкоторымъ воспитанницамъ IV класса, которыхъ кромѣ того спрашивалъ и по славянской грамматикѣ, желая удостовѣриться, насколько училище подготавливаетъ дѣтей къ будущей ихъ дѣятельности въ качествѣ учительницъ въ церковно-приходскихъ и вообще народныхъ школахъ. Отвѣтами воспитанницъ владыка остался очень доволенъ, за что и выразилъ одобреніе дѣтямъ и законоучителю. Присутствовалъ на этомъ экзаменѣ, по приглашенію владыки, также и о. ректоръ семинаріи, протоіерей І. А. Кратировъ.

в) *Ревизіи* со стороны членовъ учебнаго комитета при Св. Синодѣ училище въ отчетномъ году не подвергалось.

г) *Пожертвованія* на разныя училищныя нужды въ отчетномъ году поступили отъ слѣдующихъ лицъ:

аа) Его Преосвященство, Преосвященнѣйшій Амвросій, Епископъ Харьковскій и Ахтырскій, по прежнему внесъ 150 р. на содержаніе въ училищѣ двухъ сиротъ.

бб) Нѣкоторые изъ монастырей и церквей епархіи и въ отчетномъ году давали средства на содержаніе въ училищѣ сиротъ. Такъ, Святогорскій Успенскій мужской монастырь содержалъ 5 сиротъ, Ахтырскій мужской монастырь содержалъ 2 сиротъ, Николаевскій женскій монастырь 2 сиротъ и Харьковская Иоанно-Усѣкновенская Кладбищенская церковь 3 сиротъ. За каждую изъ этихъ стипендіатокъ внесено 100 руб.

вв) Попечительница училища, А. В. Гордѣенко, пожертвовала: книги для награды выпускнымъ воспитанницамъ на 15 р. 75 к., 10 р. на выписку журнала „Musée du jeune âge“ и игру „лото“.

гг) Почетный блюститель по хозяйственной части, Н. А. Чикинъ, пожертвовалъ 200 р. на нужды оканчивающихъ курсъ воспитанницъ—сиротъ, при выпускѣ изъ училища, 50 р. въ уплату за содержаніе въ училищѣ одной воспитанницы, дочери бѣдныхъ родителей и въ компанію засѣданій Совѣта портретъ Государя Императора, стоящій 50 р.

дд) Основатель и постоянный благодѣтель училищной бібліотеки, Московскій купецъ И. М. Коробковъ и въ отчетномъ году пожертвовалъ на пополненіе этой бібліотеки 50 названій книгъ въ 84 томахъ.

ее) Ахтырская кладбищенская церковь пожертвовала на нужды училища 6 руб.

жж) Члены училищнаго Совѣта на увеселеніе дѣтей въ праздники Рождества Христова пожертвовали 25 р.

зз) На тотъ-же предметъ помощникъ законоучителя, священникъ Георгій Волобуевъ пожертвовалъ 20 руб.

и) Староста кладбищенской Иоанно-Усѣкновенской церкви, К. Л. Залѣскій пожертвовалъ воспитанницамъ пѣвчимъ 24 ф. конфетъ.

Такимъ образомъ въ теченіе отчетнаго года на разныя училищныя нуж-

ды, не считая пожертвованій вещами, денежныхъ пожертвованій поступило 1726 руб. 75 коп.

Кромѣ пожертвованій, въ дѣйствительности полученныхъ училищемъ въ отчетномъ году, Харьковская духовная консисторія 28 мая 1885 года увѣдомила Совѣтъ училища о пожертвованіи умершею вдовою надворнаго совѣтника, Марією Гавриловною Салогубовскою, по духовному завѣщанію, утвержденному Харьковскимъ окружнымъ судомъ, 6000 руб. въ пользу училища съ тѣмъ, чтобы деньги эти внесены были въ Государственный банкъ на вѣчное время, а проценты съ нихъ употребляемы были на воспитаніе въ училищѣ дѣвицъ—сиротъ, по выбору училищнаго Совѣта. Деньги эти училищемъ, отъ душеприкащика умершей жертвовательницы, еще не получены.

Отъ Харьковскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества.

Харьковскій Комитетъ Православнаго Миссіонерскаго Общества объявляетъ, что въ составъ суммъ Комитета, въ декабрѣ мѣсяцѣ минувшаго 1885 года, поступило: отъ священника Алексѣя Снесаревскаго 3 руб.—черезъ него-же отъ разныхъ лицъ 5 руб., собрано отъ разныхъ лицъ: священникомъ Александромъ Набоковымъ 1 р. 47 к., священникомъ Павломъ Малышевскимъ 1 р. 50 к., священникомъ Іоанномъ Золотаревымъ 4 руб., священникомъ Іоанномъ Повродскимъ 3 р. 85 к., священникомъ Михаиломъ Сильванскимъ 4 руб., священникомъ Георгіемъ Можелевскимъ 3 руб., священникомъ Іоанномъ Криницкимъ 1 руб., священникомъ Петромъ Феодоровскимъ 3 руб., священникомъ Александромъ Любарскимъ 2 руб. 50 к., священникомъ Георгіемъ Гревизирскимъ 1 руб., священникомъ Павломъ Антоновымъ 4 р. 30 к., священникомъ Василиемъ Макухинымъ 60 коп., священникомъ Іоанномъ Колосовскимъ 3 р. 25 к., отъ священника Феодора Малиженовскаго 3 руб.—черезъ него-же отъ разныхъ лицъ 6 р. Отъ священника Василя Маслова 3 руб.—черезъ него-же отъ разныхъ лицъ 1 р. 30 к., собрано отъ разныхъ лицъ: священникомъ Іоанномъ Владыковымъ 2 руб., священникомъ Дмитріемъ Чернявскимъ 2 руб., священникомъ Феодоромъ Феодоровымъ 2 р. 40 к. Отъ священника Симеона Котлярова 3 руб.—черезъ него-же отъ разныхъ лицъ 87 коп., собрано священникомъ Николаемъ Жуковскимъ отъ разныхъ лицъ 2 руб. 15 к. Отъ священника Петра Мигулина 3 руб.—черезъ него-же отъ разныхъ лицъ 6 руб. 10 коп., отъ священника Григорія Праведникова 3 руб.—черезъ него-же отъ разныхъ лицъ 1 руб. 36 к., собрано отъ разныхъ лицъ: священникомъ Петромъ Дюковымъ 1 р. 10 к., священникомъ Василиемъ Тугариновымъ 1 руб., священникомъ Мартиріемъ Подольскимъ 70 коп., священникомъ Іоанномъ Сѣкирскимъ 3 руб., отъ священника Аѳанасія Горанина 3 руб., отъ учителя Ильи Войко 3 руб., собрано отъ разныхъ лицъ

священникомъ Аѳанасіемъ Горанномъ 6 р. 50 к., отъ священника Васи-
лія Якубовича 3 руб.—черезъ него-же отъ разныхъ лицъ 3 руб. 25 к.
отъ Конона Анисимовича Тойкина 3 руб. Получено кружечнаго сбора отъ
Старо-Харьковскаго Преображенскаго Куряжскаго монастыря 3 руб., отъ
іеромонаха Сосѳена 3 руб., отъ Д. А. Фирсова 3 руб., отъ А. Мурзина
3 руб., собрано отъ разныхъ лицъ священникомъ Петромъ Антоновымъ 1 р.,
отъ священника Александра Вербицкаго 3 руб., отъ священника Θεодосія
Мухина 3 руб., собрано отъ разныхъ лицъ: протоіереемъ Д. Сильван-
скимъ 1 руб., священникомъ Петромъ Дюковымъ 3 р. 10 к., священни-
комъ Іоанномъ Санжаревскимъ 2 р. 10 к., отъ священника Ілія Энеи-
дова 3 руб., отъ купческаго сына Ильи Васильевича Тупицына 3 руб.,
собрано отъ разныхъ лицъ: священникомъ Іліею Энеидовымъ 1 р. 5 к.,
священникомъ Михаиломъ Ольховскимъ 2 руб., священникомъ Стефаномъ
Эвенховымъ 1 р. 50 к., священникомъ Павломъ Лобковскимъ 2 р. 25 к.,
священникомъ Николаемъ Могилянскимъ 1 руб., священникомъ Григоріемъ
Дьяковымъ 1 р. 18 к., священникомъ Николаемъ Ѳедоровскимъ 3 р. 30 к.,
священникомъ Петромъ Леонтовичемъ 1 р. 20 к., священникомъ Алексѣемъ
Титовымъ 1 руб. 12 к., отъ священника Іоанна Ястремскаго 3 руб.—
черезъ него-же отъ разныхъ лицъ 2 руб. 75 к., собрано отъ разныхъ
лицъ: священникомъ Николаемъ Сильванскимъ 1 руб. 20 к., священни-
комъ Захаріемъ Ѳедоровскимъ 1 руб., священникомъ Львомъ Дейвихов-
скимъ 7 р. 45 к. Получено кружечнаго сбора отъ Верхо-Харьковскаго
Николаевскаго дѣвичьяго монастыря 3 руб., отъ Петра Давиденко 5 руб.,
отъ Маріи Кокиной 1 руб., отъ неизвѣстнаго лица 1 руб., отъ игуменіи
Магдалины 5 руб., отъ Ольги Кочетковой 1 руб., собрано отъ разныхъ
лицъ: священникомъ Андреемъ Ѳедоровымъ 1 руб. 3 коп., священникомъ
Андреемъ Закрицкимъ 2 руб., отъ Ивана Ивановича Герасимова 3 руб.,
отъ Никиты Ивановича Дергопуцкаго 3 руб., собрано отъ разныхъ лицъ:
членами Комитета Герасимовымъ и Дергопуцкимъ 46 руб., отъ священника
Петра Бородаевскаго 50 коп.—черезъ него-же отъ разныхъ лицъ 2 р. 3 к.,
отъ крестьянина Захарія Филімонова Чипыла 5 руб., отъ священника
Петра Дмитріева 3 руб., отъ помѣщика Н. Жилинскаго 3 руб., отъ за-
паснаго унтеръ-офицера Ф. Исаенко 3 руб., собрано отъ разныхъ лицъ
священникомъ Симеономъ Стеллецкимъ 2 руб., отъ священника Моусея
Руссовскаго 3 руб., собрано отъ разныхъ лицъ: священникомъ Іоанномъ
Губскимъ 5 руб. 17 к., священникомъ Михаиломъ Соколовскимъ 1 р. 70 к.,
священникомъ Николаемъ Житловымъ 4 руб., священникомъ Макаріемъ
Крохатскимъ 1 р. 50 к., священникомъ Іаковомъ Березовскимъ 2 р. 15 к.,
священникомъ Василиемъ Ковалевымъ 2 руб. 70 к., священникомъ Алек-
сѣемъ Грековымъ 1 р. 90 к., священникомъ Дмитріемъ Нестеровымъ 80 к.,

свѣщенникомъ Іаковомъ Ѳедоровскимъ 3 руб., отъ свѣщенника Александра Вертеловскаго 3 руб.—черезъ него-же 1 р. 85 к., отъ Ильи Нирова 3 р., отъ Дмитрія Муравщика 3 р.—черезъ него-же отъ разныхъ лицъ 8 р. 5 к., получено кружечнаго сбора отъ церквей 5 округа Старобѣльскаго уѣзда 24 руб. 33 к., отъ свѣщенника Василя Алексѣевскаго 3 руб., отъ протоіерея Михаила Павлова 3 руб., отъ протоіерея Михаила Ветухова 3 р., отъ свѣщенника Николая Матвѣева 3 руб., отъ свѣщенника Матвѣя Мочеева 3 руб., отъ свѣщенника Александра Ветухова 3 руб., отъ свѣщенника Василя Мантулина 3 руб., отъ свѣщенника Аполлона Станкова 3 р., отъ свѣщенника Харлампія Твердохлѣбова 3 руб., отъ свѣщенника Александра Ковалевскаго 3 руб., отъ свѣщенника Андрея Базилевича 3 руб., отъ свѣщенника Алексѣя Лобковскаго 3 руб., отъ свѣщенника Александра Ѳедорова 3 руб., отъ свѣщенника Іоанна Иннокова 3 руб., отъ свѣщенника Михаила Сенявина 3 руб., отъ свѣщенника Меодія Лядскаго 3 руб., отъ свѣщенника Николая Скларова 3 руб., отъ свѣщенника Константина Насѣдкина 3 руб., отъ свѣщенника Іоанна Ѳедоровскаго 3 руб., отъ свѣщенника Іоанна Ястремскаго 3 руб., отъ свѣщенника Андрея Титова 3 р., отъ свѣщенника Василя Попова 3 руб., отъ свѣщенника Петра Ветухова 3 руб., отъ свѣщенника Дмитрія Пантелеймонова 3 руб., отъ свѣщенника Степана Крыжановскаго 3 р., отъ свѣщенника Павла Ветухова 3 р., собрано отъ разныхъ лицъ: свѣщенникомъ Василемъ Алексѣевскимъ 1 р. 86 к., свѣщенникомъ Константиномъ Насѣдкинымъ 75 коп., свѣщенникомъ Александромъ Ковалевскимъ 1 руб. 66 к., свѣщенникомъ Андреемъ Лядскимъ 1 руб. 70 к., свѣщенникомъ Іоанномъ Ястремскимъ 1 руб., свѣщенникомъ Меодіемъ Лядскимъ 50 коп., свѣщенникомъ Николаемъ Скларовымъ 1 руб. 20 к., свѣщенникомъ Алексѣемъ Лобковскимъ 3 руб. 10 к., свѣщенникомъ Іоанномъ Инноковымъ 1 руб. 20 к., свѣщенникомъ Александромъ Ветуховымъ 2 руб. 50 к., свѣщенникомъ Василемъ Мантулинымъ 10 коп., свѣщенникомъ Александромъ Ѳедоровымъ 1 руб. 65 коп., свѣщенникомъ Аполлономъ Станковымъ 50 коп., свѣщенникомъ Дмитриемъ Пантелеймоновымъ 35 коп., свѣщенникомъ Андреемъ Титовымъ 3 руб., свѣщенникомъ Андреемъ Базилевичемъ 90 коп., отъ свѣщенника Павла Ветухова 2 руб., отъ псаломщика Ивана Попова 1 руб., отъ свѣщенника Петра Ветухова 2 руб., отъ псаломщика Ивана Константинова 1 руб., собрано отъ разныхъ лицъ: свѣщенникомъ Харлампіемъ Твердохлѣбовымъ 1 руб. 40 к., протоіереемъ Михаиломъ Ветуховымъ 50 коп., свѣщенникомъ Іоанномъ Ѳедоровскимъ 1 руб. 10 к., свѣщенникомъ Михаиломъ Сенявинымъ 2 руб. 20 к., получено кружечнаго сбора отъ Харьковскаго архіерейскаго домоправленія 6 руб. 20 к., отъ неизвѣстнаго 5 руб., отъ протоіерея Василя Никольскаго 3 руб., отъ псаломщика Подлущаго 1 руб.,

собрано отъ разныхъ лицъ протоіереемъ Васпліемъ Никольскимъ 3 руб., отъ священника Николая Фесенкова 3 руб.—черезъ него-же отъ разныхъ лицъ 1 р. 15 к., собрано отъ разныхъ лицъ протоіереемъ Θεоктистомъ Лашенковымъ 1 р. 25 к., священникомъ Димитріемъ Някулищевымъ 59 к. отъ протоіереея І. Максимовича 1 р.—черезъ него-же отъ разныхъ лицъ 1 р., собрано отъ разныхъ лицъ: священникомъ П. Сорочинскимъ 1 руб. 30 к., священникомъ Петромъ Чудновскимъ 3 руб. 46 к., отъ священника Андрея Ставровскаго 1 руб.—черезъ него-же отъ разныхъ лицъ 4 руб. 80 коп., отъ священника Василя Петровскаго 3 руб.—черезъ него-же отъ разныхъ лицъ 1 руб. 75 к.; собрано отъ разныхъ лицъ: священникомъ Константиномъ Новопольскимъ 3 руб. 23 к., протоіереемъ Георгіемъ Испиченковымъ 4 руб. 30 к., священникомъ Митрофаномъ Стефановскимъ 80 коп., священникомъ Іаковомъ Хорошковымъ 58 коп., отъ М. Алферова 2 руб., собрано отъ разныхъ лицъ: священникомъ Тимофеемъ Одинцовымъ 1 руб., священникомъ Т. Федоровымъ 1 р. 5 к., священникомъ Іоанномъ Коляновскимъ 45 коп., священникомъ Васпліемъ Любичкинымъ 2 руб., отъ священника А. Червонецкаго 30 коп., отъ причта и церковнаго старосты Георгіевской церкви, сел. Степановки, Сумскаго уѣзда, 5 руб.; собрано отъ разныхъ лицъ священникомъ Іаковомъ Павловымъ 4 руб. 45 к., отъ священника Павла Раевского 3 р.—черезъ него-же отъ разныхъ лицъ 3 руб.

(Окончаніе будетъ).

В Ъ Д О М О С Т Ъ

о средствахъ Харьковскаго Епархіальнаго свѣчнаго завода на 1-е число января мѣсяца 1886 года.

А) *Въ кассѣ*: наличными 4071 р. 39 к., билетами 100 р., всего 4171 р. 39 к. Б) *Въ матеріалахъ*: свѣчей бѣлыхъ, золоченыхъ и желтыхъ по 21 р. 50 к. 1968 п. 29 1/2 ф. 42327 р. 85 к., восковыхъ крестиковъ по 1 р. 9 1/2 ф. 9 р. 50 к., свѣчнаго лому по 21 р. 50 к. 3 п. 26 1/4 ф. 68 р. 61 к., воску бѣлаго по 20 руб. 75 коп. 2218 п. 14 ф. 46030 р. 75 к., воску желтаго по 20 руб. 25 коп. 4310 п. 26 3/4 ф. 87291 р. 3 1/2 к., обвощенныхъ остатковъ по 9 р. 51 п. 33 ф. 466 р. 42 1/2 к., свѣчныхъ огарковъ по 18 р. 181 п. 27 ф. 2694 р. 15 к., золота по 63 к. 120 книжекъ 75 р. 60 к., фитильной бумаги по 18 р. 34 п. 3/4 ф. 612 р. 33 3/4 к., связки для свѣчей по 8 р. 50 к. 2 п. 14 ф. 19 р. 97 1/2 к., оберточной синей бумаги по 5 р. 25 к. 2 п. 2 ф. 10 р. 76 к., этикетовъ по 2 р. 22 3/4 ф. 45 р. 50 к., масла деревян. 5 1/2 ф. 1 р. 65 к., масла подсолпечн. 1 п. 20 ф. 10 р. 50 к., ящиковъ укупорочныхъ 1457

штукъ 728 р. 50 к., олеонафту 25 ф. 2 р. 81¹/₄ к., красокъ для свѣчей 2 ф. 2 р. 80 к., гвоздей укупорочныхъ 15 ф. 1 р. 50 к., керосину 16 п. 22 ф. 18 руб. 20¹/₂ к., рогожныхъ кулей годныхъ 2290 шт. 503 р. 80 коп. Въ Харьковской свѣчной лавкѣ: свѣчей простыхъ золочен. по 21 р. 50 к. 82 п. 4 ф. 1765 р. 15 к., крестиковъ восковыхъ по 1 р. 23¹/₈ ф. 23 р. 12¹/₂ к., воску бѣлаго по 55 к. 10¹/₂ ф. 5 р. 77¹/₂ к., ящиковъ 8 шт. по 50 к. 4 руб., оберточной бумаги 1 п. 5 ф. 3 р. 60 к. Всего матеріалу на сумму 182723 р. 91 к. В) *Въ имущество*: недвижимомъ (въ землѣ, лѣсахъ, каменныхъ и друг. постройкахъ) 30000 руб., движимомъ 3147 р. 74 к. Г) *Въ домахъ заводу*: за комисіонерами 59917 р. 53¹/₄ к., за Харьковскими городскими, сельскими церквами и монастырями 7051 р. 5 к., за свѣчной лавкой архіерейскаго домоуправленія 1014 р., выдано въ задатокъ за воскъ 200 р., выдано впередъ за наемъ лавки 166 р. 67 к. Всего въ долгахъ 68359 р. 25¹/₄ к. А всего заводъ имѣеть въ наличности 288402 р. 29¹/₄ к.

Долги епархіального завода: Харьковскому епархіальному попечительству (билетами) 14400 р., по вкладамъ отъ церквей Харьковской епархіи и частныхъ лицъ 12075 р., ⁰/₁₀₀ по займамъ 1109 р. 23 коп., авансоваго взноса отъ церквей за 76 пуд. 20 ф. свѣчей 1989 руб., за купленный воскъ и др. матеріалы для производства свѣчей 21327 р. 68³/₄ к. Всего долгу на заводѣ 50900 р. 91³/₄ к. А за исключеніемъ долгу заводъ имѣеть 237501 р. 37¹/₂ к.

Кромѣ того изъ прибылей завода въ теченіи 1885 года: Выдано на содержаніе духовно-учебныхъ заведеній и др. нужды епархіи 16799 руб. 42 к., израсходовано на постройку новыхъ каменныхъ службъ 4033 р. 63 к., выдано вкладовъ съ ⁰/₁₀₀ 2607 руб. 45³/₄ к., выдано свѣчей по квитанціямъ авансоваго взноса 68 пудовъ на сумму 1767 р. Всего выдано изъ прибылей завода 25207 р. 50³/₄ к.

Отъ Правленія Харьковской духовной семинаріи.

Правленіе Харьковской духовной семинаріи изъявляетъ глубокую благодарность причту слободы Охочей, Зміевского уѣзда, за пожертвованные имъ въ пользу семинарской Іоанно-Богословской церкви 5 р. сер.

Отъ Совѣта Харьковскаго епархіального женскаго училища.

Совѣтъ училища имѣеть честь объявить духовенству Харьковской епархіи, что 1) при полученіи денегъ, вносимыхъ въ учили-

ще на его содержаніе, нерѣдко попадаются фальшивыя ассигнаціи, почему отъ 31 января н. г. Совѣтъ училища постановилъ: для обезпеченія на будущее время завѣдующаго при училищѣ казначейскою частію отъ убытковъ вслѣдствіе принятія фальшивыхъ ассигнацій, просить Его Преосвященство вмѣнить въ обязанность духовенству епархіи при взносѣ денегъ въ училище вмѣстѣ прилагать и описи *всѣхъ* представляемыхъ ассигнацій, безъ чего взносы принимаемы не будутъ, о чемъ къ свѣдѣнію духовенства и отпечатать въ Епархіальномъ Листкѣ журнала „Вѣра и Разумъ“. 2) На украшеніе новостроющагося храма при Харьковскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ поступили пожертвованія отъ нижеслѣдующихъ лицъ: собрано священникомъ Василиемъ Торанскимъ 15 руб., отъ священника Θεодора Заводовскаго 1 р. 50 к., отъ протоіерея Павла Александровича Солнцева 7 р., собрано отъ прихожанъ священникомъ Іоанномъ Поповымъ 5 р., благочиннымъ 2-го Волчанскаго округа, священникомъ Гавріиломъ Буханцовымъ 28 р. 50 к., благочиннымъ 2-го Зміевскаго округа, священникомъ Михаиломъ Котляровымъ собрано 5 руб. и по подписному листу, представленному училищнымъ экономомъ 70 р.; всего 132 р., а съ прежде пожертвованными 743 р. 75 к. Совѣтъ училища считаетъ пріятнымъ долгомъ выразить глубокую благодарность вышеозначеннымъ жертвователямъ и при семъ имѣетъ честь извѣстить, что пожертвованія могутъ быть присылаемы чрезъ оо. благочинныхъ или непосредственно на имя Совѣта епархіальнаго женскаго училища.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

— Законоучителемъ мужской Воскресной школы для взрослыхъ рабочихъ, учрежденной при Сумскомъ Павловскомъ рафинированномъ заводѣ торговаго дома *И. Г. Харитоненко* съ сыномъ, Его Преосвященствомъ, съ 19 января н. г., утвержденъ протоіерей Сумской Троицкой церкви, *Іоаннъ Максимовичъ*.

— Учителемъ Закона Божія въ начальномъ училищѣ с. Куяновки, Сумскаго уѣзда, содержимомъ г-жею *Кукольяснопольскою*, Его Преосвященствомъ, съ 19 января н. г., утвержденъ учитель сего училища, *Александръ Бляевъ*.

— Законоучителемъ Климовскаго земскаго начальнаго училища, Сумскаго уѣзда, Его Преосвященствомъ, съ 23 января н. г., утвержденъ священникъ Климовской Успенской церкви, *Митрофанъ Базановскій*.

— Священникъ *Іаковъ Давыдовъ*, за переходомъ его изъ прихода Успенской церкви слободы Клямовки, Сумскаго уѣзда, въ приходъ хутора Кольченкова, того-же уѣзда, уволенъ отъ должности законоучителя при Клямовскомъ начальномъ училищѣ.

— Священники церквей—Крестовоздвиженской слободы Лимана, Зміевского уѣзда, *Григорій Дьяковъ* и Захаріевской села Кантакузова, Валковскаго уѣзда, *Николай Лукашевъ* переимѣнены одинъ на мѣсто другаго.

-- 24 января 1886 года, священникъ Николаевской церкви слободы Каменки, Купянскаго уѣзда, *Матвѣй Богославскій* переимѣненъ къ Рождество-Богородичной церкви села Удѣ, Харьковскаго уѣзда, а на его мѣсто опредѣленъ, 25 января, священникъ *Іоаннъ Сапухинъ*.

— Діакономъ къ Георгіевской церкви с. Степановки, Сумскаго уѣзда, 10 января 1886 года, опредѣленъ псаломщикъ Николаевской церкви с. Буймера, Лебединскаго уѣзда, *Константинъ Сербиновъ*, рукоположенный въ санъ діакона 26 января 1886 года.

— Діаконъ Рождество-Богородичной церкви слободы Боромли, Ахтырскаго уѣзда, *Стефанъ Звѣревъ*, 23 января н. г. волею Божіею умеръ.

— 19 января 1886 года, псаломщикъ Вознесенской церкви, заштатнаго города Золочева, Харьковскаго уѣзда, *Петръ Кіяновскій*, рукоположенъ во діакона на штатное діаконское мѣсто къ приходской церкви.

— 19 января 1886 года, бывшій народный учитель *Михаилъ Слюсаревъ* рукоположенъ во діакона на штатное діаконское мѣсто къ Сергіевской церкви слободы Колодезной, Купянскаго уѣзда.

— На праздно псаломщицкое мѣсто при Волчанскомъ соборѣ, 5 февраля н. г., опредѣленъ священнической сынъ *Валеріанъ Щепинскій*.

— Псаломщикомъ къ Вѣлопольской Преображенской церкви, Его Пресвященствомъ, 25 января н. г. опредѣленъ бывшій воспитанникъ Харьковской духовной семинаріи 4-го класса, *Михаилъ Подольскій*.

— Псаломщикомъ къ Успенской церкви слободы Краснополя, Его Пресвященствомъ, 28 января н. г., опредѣленъ заштатный діаконъ *Іоаннъ Михайловскій*.

— На псаломщицкое мѣсто при Николаевской церкви с. Ряснаго, Богодуховскаго уѣзда, опредѣленъ сынъ псаломщика, *Косьма Хиженяковъ*.

— Псаломщики Воскресенской церкви слободы Новой-Водолаги, Валковскаго уѣзда, *Симонъ Федоровъ* и Николаевской церкви села Мартыновки, Лебединскаго уѣзда, *Алексій Краснопольскій* переимѣнены одинъ на мѣсто другаго.

— Праздно псаломщицкое мѣсто при Архангело-Михайловской церкви заштатнаго города Краснокутска, псаломщикъ с. Скрыпаевъ Вознесенской церкви, Зміевского уѣзда, *Василій Поповъ*, согласно его прошенію, по

старости и слабости здоровья, уволенъ за штатъ; на мѣсто его, *Попова*, опредѣленъ псаломщикъ Николаевской церкви села Замостья, Зміевскаго уѣзда, *Стефанъ Татариновъ*, а на мѣсто сего послѣдняго опредѣленъ діаконой сынъ, *Полпей Сергѣевскій*.

— 20 января 1886 года, бывшій ученикъ Харьковскаго духовнаго училища, *Павель Ковалевскій* опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто къ Успенской церкви слободы Комаровки, Куцянскаго уѣзда.

— 22 января 1886 года, бывшій воспитанникъ Харьковской духовной семинаріи, *Иванъ Федоровъ* опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто къ Воскресенской церкви села Хорошева, Харьковскаго уѣзда.

— 22 января 1886 года, бывшій ученикъ Харьковскаго духовнаго училища, *Иванъ Андроновъ* опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто къ Вознесенской церкви, заштатнаго города Золочева, Харьковскаго уѣзда.

— 22 января 1886 года, псаломщицкій сынъ *Никаноръ Поповъ* опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто къ Георгіевской церкви слободы Николаевки, Куцянскаго уѣзда, на мѣсто отца своего, псаломщика *Петра Попова*, умершаго 17 января 1886 года.

— 26 января 1886 года, бывшій ученикъ Куцянскаго духовнаго училища, *Василій Войтовъ* опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто къ Преображенской церкви слободы Панъ-Ивановки, Харьковскаго уѣзда.

— Старостою къ Предтечевской церкви с. Видновки, Ахтырскаго уѣзда, 1 февраля н. г. утвержденъ крестьянинъ *Иванъ Исидоровичъ Давиденко*.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

Содержаніе: Совѣтъ законоучителей въ Кіевѣ. — Дополненіе къ правиламъ относительно замѣщенія законоучительскихъ должностей. — Православная миссіонерская дѣятельность въ 1884 году. — Мѣры къ урегулированію пшеничнаго положенія сельскихъ сходовъ. — По поводу новаго закона о пятейной торговлѣ. — Кончина Ивана Сергѣевича Аксакова.

Главная духовно-просвѣтительская дѣятельность духовенства доселѣ сосредоточивалась въ законоучительствѣ, какъ и въ будущемъ будетъ несомнѣнно сосредоточиваться въ немъ. Но эта дѣятельность издавна страдаетъ отсутствіемъ какъ одной прочной системы, такъ и солидарности самихъ законоучителей. Въ виду этого нельзя не привѣтствовать образованія въ Кіевѣ совѣта законоучителей, засѣданіе котораго и происходило 10 января подъ предсѣдательствомъ преосв. Іеронима, викарія Кіевской митрополіи. „Въ засѣданіе были приглашены всѣ законоучители городскихъ училищъ различныхъ наименованій и инспектора мѣстнаго района. Преосвященный

открылъ собраніе краткою рѣчью, въ которой указалъ на то, что онъ пригласилъ оо. законоучителей для предварительнаго знакомства съ ними и для бесѣдъ по тѣмъ вопросамъ преподаванія закона Божія, которые они должны обсудить потомъ каждый дома, сообразить съ данными своей педагогической практики, и уже затѣмъ, въ слѣдующее собраніе, будетъ приступлено къ детальному рѣшенію намѣченныхъ вопросовъ. Цѣль-же всѣхъ совѣтовъ, по словамъ преосвященнаго Іеронима, слѣдующая: объединить взгляды на предметъ преподаванія закона Божія, выработать точную и опредѣленную программу, руководствуясь программой Св. Синода, и прочныя основы по существеннымъ вопросамъ преподаванія закона Божія; установить руководящія начала для религіозно-нравственнаго воспитанія дѣтей городской среды низшаго сословія и придти естественно къ понятію идеальнаго типа законоучителя, какъ пастыреводителя дѣтей. Резюмировавъ рядъ поставленныхъ для обсуждения вопросовъ, преосвященный обѣщаль немедленно побывать въ училищахъ на урокахъ закона Божія, чтобы познакомиться съ преподаваніемъ на мѣстѣ и со всякими педагогическими требованиями.

— По свѣдѣніямъ „Моск. Вѣд.“, министръ народнаго просвѣщенія циркулярно сообщилъ попечителямъ, что въ дополненіе правилъ относительно замѣщенія законоучительскихъ должностей и наблюденія за преподаваніемъ закона Божія въ учебныхъ заведеніяхъ Св. Синодъ установилъ: въ женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ и частныхъ заведеніяхъ законоучителей назначать по соглашенію съ епархіальнымъ архіереемъ. Требованіе это распространить и на другія учебныя заведенія министерства народнаго просвѣщенія, уставы коихъ не содержатъ надлежащихъ по сему предмету указаній. При этомъ подтверждается, что во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ министерства наблюденіе за преподаваніемъ закона Божія и за религіозно-нравственнымъ направленіемъ обученія воспитанниковъ православнаго исповѣданія принадлежитъ мѣстному епархіальному архіерею.

— Трудями нашихъ отечественныхъ миссіонеровъ въ 1884 году было обращено въ лоно православной Церкви 3,611 человекъ изъ инородцевъ Сибирскаго края. Братство св. Гурія, получающее средства отъ миссіонерскаго общества, продолжало свою переводческую дѣятельность и издало цѣлый рядъ церковно-религіозныхъ сочиненій на инородческихъ языкахъ, которыя и разсланы безвозмездно по миссіямъ и инородческимъ приходамъ. Приращеніе членовъ про-

изошло и въ Японской православной церкви. Въ отчетномъ году православныхъ христіанъ въ ней стало 9,981 челов., больше предъидущаго на 1,118 человекъ. Сама миссія Японская продолжала устроиться и крѣпнуть, благодаря приливу новыхъ свѣжихъ силъ изъ Россіи. Въ имѣющихся при Японской миссіи учебныхъ заведеніяхъ воспитывалось болѣе 300 учениковъ и ученицъ; въ томъ числѣ въ дух. семинаріи 72 воспитанника. Одинъ изъ окончившихъ курсъ ея отправленъ для продолженія образованія въ Казанскую духовную академію, а прочіе поступили на службу на своей родинѣ, въ качествѣ учителей и переводчиковъ богословскихъ книгъ, посвящая такимъ образомъ свои силы на служеніе воспитавшей ихъ Церкви.

— „С.-Петербургскія Вѣдомости“ сообщаютъ, что въ настоящее время вырабатываются нѣсколько важныхъ мѣръ къ упорядоченію дѣлъ въ сельскихъ обществахъ, главнымъ образомъ имѣющихся въ виду урегулировать нынѣшнее положеніе сельскихъ сходовъ. Изъ практики дознано, что на сходахъ весьма часто постановляются рѣшенія, прямо вредныя для всего сельскаго общества данной мѣстности; такія рѣшенія выносятся сходами, по большей части, подъ вліяніемъ угощенія со стороны заинтересованныхъ въ томъ или другомъ рѣшеніи односельчанъ. Для устраненія такого, конечно, ненормальнаго положенія, предполагается, какъ говорятъ, въ уѣздахъ назначать отъ правительства по нѣскольку особыхъ надзирателей, которые имѣли бы ближайшее наблюденіе за всѣми крестьянскими дѣлами въ предѣлахъ извѣстной мѣстности. Надзиратели будутъ прежде всего контролировать дѣйствія волостныхъ старшинъ и волостныхъ писарей, а затѣмъ наблюдать также за правильнымъ разрѣшеніемъ дѣлъ на сельскихъ сходахъ. Замѣчено, что на сходѣ являются нерѣдко даже совсѣмъ посторонніе данному сельскому обществу; новымъ надзирателямъ вмѣнено будетъ въ особую заботу наблюдать, чтобы чужеземцы не мѣшались въ мѣстныя дѣла. Надзиратели должны будутъ вести особые списки домохозяевамъ, имѣющимъ право голоса на сходахъ. На надзирателей возложена будетъ и обязанность поддержанія порядка на сходахъ, для чего они будутъ предсѣдать на сходахъ, не исключая и тѣхъ, на которыхъ учитываютъ должностныя лица сельскаго управленія и рассматриваютъ жалобы на нихъ. При нынѣшнихъ порядкахъ, когда на сходахъ предсѣдаетъ сельскій старшина, члены сходовъ, конечно, бывають поставлены въ затруднительное положеніе при учетѣ и контролѣ. Назначать надзирателей предполагается изъ

мѣстныхъ землевладѣльцевъ, по представленію мѣстныхъ губернаторовъ и съ утвержденія министра внутреннихъ дѣлъ.

— Примѣняемый нынѣ новый законъ о питейной торговлѣ, какъ извѣстно, не встрѣтилъ общаго сочувствія. Недовольные новыми питейными правилами говорятъ: „крестьяне могутъ заявить о нежеланіи имѣть кабакъ, а кабакъ все-таки откроется, буде питейное присутствіе заблагоразсудитъ разрѣшить его открытіе. Странный способъ искоренять пьянство!“ Но, какъ видно напримѣръ изъ опубликованныхъ на дняхъ документовъ по дѣлу о просьбѣ крестьянъ Сергіевской слободы, Петергофскаго уѣзда, касательно недопущенія въ этой слободѣ раздробительной питейной продажи, иногда бываетъ крайне трудно съ увѣренностью сказать, что подобныя ходатайства дѣйствительно вызываются стремленіемъ къ противодѣйствію пьянству, а не денежными расчетами, каковъ напримѣръ расчетъ на тайную безпатентную торговлю крѣпкими напитками.

— Въ общемъ, ходъ дѣла по примѣненію питейныхъ правилъ, по официальнымъ свѣдѣніямъ департамента неокладныхъ сборовъ, представляется удовлетворительнымъ. Кромѣ уже извѣстныхъ данныхъ по 14 губерніямъ, въ настоящее время департаментомъ получены еще изъ 20 губерній свѣдѣнія, изъ которыхъ оказывается, что „стремленіе сельскихъ обществъ къ воспрещенію открытія мѣстъ питейной продажи въ селеніяхъ замѣчается также въ большей части остальныхъ губерній, и исключеніе въ этомъ отношеніи составляютъ лишь нѣкоторыя западныя и южныя губерніи. Затѣмъ число селеній, пожелавшихъ воспользоваться предоставленнымъ имъ по закону 14 мая правомъ открытія общественныхъ питейныхъ заведеній и получившихъ на то разрѣшеніе присутствій по питейнымъ дѣламъ, оказывается также сравнительно весьма невелико въ большинствѣ губерній, и только въ губерніяхъ: Екатеринославской, Саратовской и Херсонской число разрѣшенныхъ къ открытію общественныхъ заведеній для раздробительной продажи питей представляется довольно значительнымъ. Всѣ эти данныя приводятъ къ тому убѣжденію, что въ наступившемъ 1886 году въ очень многихъ селеніяхъ заведенія для раздробительной продажи напитковъ во все не будутъ открыты.

— 28 января сего 1886 года скончался въ Москвѣ знаменитый публицистъ и общественный дѣятель Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ.

Сынъ извѣстнаго писателя Сергѣя Тимофѣевича Аксакова (родившагося 20 сентября 1791 года въ Уфѣ, умершаго 30 апрѣля 1859 года въ Москвѣ), Иванъ Сергѣевичъ родился въ селѣ Наде-

жинѣ, Куроѣдовѣ тожѣ, Белебеевскаго уѣзда Уфимской губерніи, 26 сентября 1823 года. Въ теченіе трехъ лѣтъ послѣ его рожденія, семья Аксаковыхъ прожила въ деревнѣ, гдѣ Сергѣй Тимофѣевичъ, занимаясь хозяйствомъ и охотою, переводилъ Буало и французскихъ трагиковъ. Въ 1826 году Аксаковы переѣхали въ Москву и отецъ И. С—ча получилъ должность цензора, которую и занималъ до 1833 года, а послѣ того былъ инспекторомъ межеваго училища. Литературная обстановка, которою была окружена семья Аксаковыхъ, должна была вліять на развитіе ея молодаго поколѣнія, и дѣйствительно, изъ ея среды вышли: Константинъ Сергѣевичъ (родил. 29 марта 1817 г. въ с. Аксаковѣ, Бугурусланскаго уѣзда, умеръ на островѣ Занте въ 1864 г.), который былъ впоследствии магистромъ русской словесности и, посвятивъ себя вполне ученой и литературной дѣятельности, никогда не былъ ни въ какой службѣ,—и нынѣ скончавшійся Иванъ Сергѣевичъ. Третій братъ Григорій Сергѣевичъ былъ Саратовскимъ губернаторомъ.

Иванъ Сергѣевичъ воспитывался въ училищѣ правовѣдѣнія и въ 1842 г. перешелъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ и былъ отправленъ въ Бессарабію, по нѣкоторымъ раскольничьимъ дѣламъ, при чемъ впервые познакомился съ внутренними отношеніями, установившимися въ раскольничьихъ кружкахъ, съ условіями ихъ процвѣтанія и съ административными взглядами на значеніе и положеніе раскола въ русской народной и общественной жизни. Въ апрѣлѣ 1849 г. онъ былъ командированъ для ревизіи городского управленія въ Ярославской губ. и для обсужденія на мѣстѣ вопроса объ единовѣрїи. Находясь тамъ-же, Аксаковъ состоялъ членомъ комиссіи для изслѣдованія секты странниковъ и описалъ ихъ ученіе и бытъ. Въ это время онъ близко ознакомился и съ условіями народной жизни велико-русскаго крестьянства и купечества. Въ 1850 г. И. С. вышелъ въ отставку и возвратился къ отцу своему, проживавшему по прежнему въ Москвѣ, гдѣ, увлеченный примѣромъ отца, издавшаго уже „Записки объ уженѣ рыбы“ (1847), и брата Константина, напечатавшаго диссертацию о Ломоносовѣ (тоже въ 1847 г.), занялся литературою. Впрочемъ первое стихотвореніе его „Колумбъ“ напечатано было еще въ 1844 году въ „Москвитянинѣ“.

Въ это время уже сплотившійся кружокъ московскихъ славянофиловъ издавалъ „Московский Сборникъ“; И. С. былъ редакторомъ одного изъ его томовъ. Изданіе впрочемъ не могло продолжаться. Тогда И. С., принявъ предложеніе Русскаго Географическаго Об-

щества описать торговлю на украинскихъ ярмаркахъ, отправился въ Малороссію въ концѣ 1853 г. и провелъ въ разъѣздахъ по разнымъ мѣстностямъ весь слѣдующій годъ. Результатомъ его трудовъ во время пребыванія въ малорусскихъ губерніяхъ было обширное „Ислѣдованіе о торговлѣ на украинскихъ ярмаркахъ“, изданное уже послѣ (въ 1859 г.) Географическимъ Обществомъ, удостоившимъ автора за его сочиненіе большой Константиновской медали. Академія наукъ, съ своей стороны, присудила ему половинную Демидовскую премію. Эта нелегкая работа познакомила Аксакова съ нашимъ торговымъ сословіемъ и его нуждами. Ислѣдованіе его, основанное на фактахъ, тщательно собранныхъ большею частью самимъ авторомъ, обнимало собою не одни украинскія ярмарки, но, по важному значенію ихъ для юга и сѣвера Россіи, почти все торговое и промышленное движеніе въ нашихъ главныхъ центрахъ промышленности и торговли. Въ то время русская статистическая литература была еще не обширна и книга Аксакова имѣла для нея то значеніе, что показала всю недостаточность и неточность оффиціальныхъ источниковъ, на основаніи которыхъ, безъ подробныхъ мѣстныхъ ислѣдованій, произведенныхъ людьми вполне понимающими дѣло, нельзя и думать о томъ, чтобы составить правильную оцѣнку нашей народной дѣятельности. Воротившись изъ Малороссіи въ Москву, Аксаковъ, въ самомъ разгарѣ Восточной войны, добровольно поступилъ въ ополченіе, именно въ Серпуховскую дружину, съ которою онъ и совершилъ походъ до Одессы, а оттуда въ Бессарабію. Въ мартѣ 1856 г., при первомъ извѣстіи о мирѣ, онъ оставилъ дружину и возвратился въ Москву, но въ маѣ того-же года былъ приглашенъ княземъ В. Васильчиковымъ принять участіе въ слѣдственной комиссіи, назначенной по дѣлу о злоупотребленіяхъ интендантства во время войны, для чего и отправился въ Крымъ; однакожь, не дождавшись конца комиссіи, возвратился въ декабрѣ 1856 г. въ Москву. Съ тѣхъ поръ онъ уже не принималъ на себя никакихъ оффиціальныхъ порученій и обратился къ дѣятельности отчасти литературной, отчасти общественной, значительно оживившимся въ Москвѣ, во время реформъ 1859—1864 гг.

И. С. Аксаковъ въ послѣдніе двадцать семь лѣтъ своей жизни былъ выдающимся изъ ряда публицистомъ и общественнымъ дѣятелемъ въ Москвѣ.

Въ половинѣ 1858 г. онъ принялъ на себя неоффиціально редакторство журнала „Русская Бесѣда“ и издалъ 3-й и 4-й томы

за тотъ годъ. Продолжая заниматься редакціей „Русской Бесѣды“, И. С. напечаталъ въ 1859 году шесть книгъ этого журнала, завѣдываніе которымъ впервые познакомило его ближе съ интересами западнаго и южнаго славянства; ибо журналъ получалъ много корреспонденцій изъ славянскихъ земель. Аксаковъ пожелалъ лично ознакомиться съ политическими и литературными дѣятелями среди славянъ и съ этою цѣлью почти весь 1860 г. провелъ въ путешествіи по славянскимъ странамъ. Вернувшись изъ-за границы, Аксаковъ сталъ издавать газету „День“ (1861—1865 гг.), которая одинаково отзывалась какъ на всѣ важнѣйшіе вопросы внутренней жизни Россіи, такъ и на вопросы внѣшней политики, въ томъ числѣ старалась укрѣпить зараждающуюся тогда въ русскомъ обществѣ мысль о необходимости держаться національной политики въ славянскихъ вопросахъ. Польское возстаніе вызвало „День“ на борьбу съ шляхетскими тенденціями и католическою пропагандою. Въ годы изданія „Дня“ Аксаковъ былъ также однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ существовавшего тогда въ Москвѣ Славянскаго благотворительнаго комитета. Съ тѣхъ поръ онъ былъ главнымъ, а по временамъ и единственнымъ посредникомъ между москвичами и нуждавшимися въ помощи славянами, какъ жившими внѣ Россіи, такъ и пріѣзжавшими въ Москву. Прекративъ изданіе газеты „День“, онъ черезъ годъ съ небольшимъ сталъ издавать и доселѣ еще не забытую по своему направленію и значенію газету „Москва“ (1867—1868) и временно замѣнявшую ее газету „Москвичъ“, хотя отвѣтственнымъ редакторомъ послѣдней было постороннее лицо. Въ промежуткахъ редакторской дѣятельности своей Иванъ Сергѣевичъ издавалъ сочиненія отца своего, брата Константина и Ѳ. И. Тютчева, бывшаго его тестемъ. Въ послѣдніе годы органомъ его публицистической дѣятельности была газета „Русь“. Апогеемъ въ его общественной дѣятельности были годы, предшествовавшіе послѣдней войнѣ Россіи съ Турціей, когда Аксаковъ явился главнымъ руководителемъ движенія русскихъ добровольцевъ въ Сербію. Кромѣ того онъ былъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ товарищемъ предсѣдателя въ Россійскомъ миссіонерскомъ обществѣ, предсѣдателемъ въ Московскомъ обществѣ любителей россійской словесности и предсѣдателемъ Московскаго и Славянскаго благотворительнаго общества, преобразованнаго изъ комитета. Дѣятельность его въ послѣднемъ званіи еще слишкомъ памятна Москвѣ, чтобы распространиться о ней здѣсь. Помимо всего этого И. С. Аксаковъ принималъ то прямое участіе въ занятіяхъ Московской городской думы—ибо,

хотя и недолго, былъ въ числѣ ея гласныхъ,—то косвенное; былъ участникомъ и руководителемъ различныхъ предпріятій экономическаго характера.

Такая обширная и плодovitая дѣятельность объясняется тѣмъ, что Аксаковъ былъ живой, сердечный и прямой человѣкъ, благодаря чему съ нимъ легко сближались люди, хотя и не раздѣлявшіе нѣкоторыхъ его убѣжденій, но сходявшіеся въ предметъ и цѣли дѣятельности, что давало большую силу ему даже въ такихъ предпріятіяхъ, за которыя другіе не рѣшались взяться.

Иванъ Сергѣевичъ скончался на 62 году отъ рожденія; его крѣпкое по виду сложеніе обѣщало ему долгую жизнь. Но въ послѣднія десять, двѣнадцать лѣтъ онъ страдалъ довольно частыми приступами катарра легкихъ, отъ котораго каждый разъ освобождался довольно легко. Постоянно пользовалъ его въ это время докторъ В. И. Ельцинскій. Иванъ Сергѣевичъ имѣлъ незначительную легочную эмфизему, которая дѣлала приступы его обычнаго простуднаго катарра довольно тяжелыми. Сердце у него было здорово, сколько можетъ быть здорово сердце, проработавшее и проволновавшееся шестьдесятъ слишкомъ лѣтъ. Съ очень давнихъ поръ, почти съ молодости, онъ страдалъ геморроемъ, и въ послѣднія три недѣли, какъ сказываютъ, у него открылись очень сильныя кровотечения. Сверхъ того, у Ивана Сергѣевича въ гортани былъ надъ голосовыми связками, съ лѣвой стороны, наростъ съ вишню величины. Въ здоровомъ состояніи онъ его не безпокоилъ и не мѣшалъ ему ни дышать, ни говорить, а въ болѣзненномъ наростъ этотъ всегда могъ угрожать отекомъ гортани, который легко присоединяется и къ простой катарральпой жабѣ. Ему предлагали сдѣлать операцію, но онъ не согласился. Между тѣмъ напряженная работа давала себя чувствовать. Въ прошлую зиму, по совѣту своего врача, онъ прекратилъ свои занятія, и въ февралѣ уѣхалъ на отдыхъ въ Крымъ. Въ августѣ онъ возвратился въ Москву, повидимому, съ возстановленными силами и снова принялся за обычную работу. Событія послѣдняго времени сильно волновали его. И вотъ, также какъ въ прошломъ году, въ январѣ возобновились его недуги. Отъ потери крови въ послѣдніе дни онъ замѣтно ослабѣлъ, но работать не переставалъ. Въ четвергъ, пятницу и субботу почувствовалъ онъ себя лучше и продолжалъ усиленно работать предъ выпускомъ послѣдняго нумера своей газеты. Въ воскресенье опъ опять почувствовалъ себя хуже, и въ 7 часовъ вечера ѣздилъ совѣтоваться о своемъ положеніи къ Г. А. Захарьину, а возвратился отъ

него въ 12 часовъ ночи, причеиъ чувствовалъ себя крайне утомленнымъ и легъ въ постель. Въ три часа ночи онъ пробудился и уснуть уже не могъ, хотя въ это время и потомъ уже днемъ говорилъ, что чувствуетъ какое-то сонливое состояніе. Весь этотъ день до роковаго часа (7 часовъ пополудни) онъ былъ въ полномъ сознаніи, и говорилъ о слѣдующемъ номерѣ „Руси“, который за бо-лѣзнію его долженъ былъ выйти безъ передовой статьи, и бесѣдовалъ съ посѣтившимъ его Д. Ѳ. Самаринымъ. Лишь за полчаса до кончины онъ почувствовалъ себя очень дурно и потребовалъ священника, исповѣдался и причастился Св. Таинъ. Передъ приходомъ священника Иванъ Сергѣевичъ просилъ супругу читать вслухъ привѣтствіе Архангела „Богородице Дѣво, радуйся“, и повторялъ за пею священные слова.

Близкія Ивану Сергѣевичу лица вскорѣ собрались въ квартиру, гдѣ ихъ другъ уже былъ мертвъ.

Въ 9 1/2 часовъ утра на другой день была получена супругою Ивана Сергѣевича, Анною Ѳедоровной, телеграмма отъ Государя Императора, въ которой Его Величество выражаетъ свое и Государыни Императрицы уваженіе къ покойному, какъ честному и преданному русскимъ интересамъ челоѡѡку, собо-лѣзнованіе супругѣ о ея потерѣ и пожеланіе, чтобы Богъ помогъ ей перенести ея горе. А. Ѳ. Аксакова отравила тотчасъ же благодарственную телеграмму Ихъ Императорскимъ Величествамъ.

31 января совершены были выносъ и отпѣваніе тѣла Ивана Сергѣевича. Выносъ тѣла въ университетскую церковь происходилъ въ 9 часовъ утра, при чемъ погребальная процессія носила особый характеръ: вѣнковъ, которые доставлены были для возложенія на гробъ Ивана Сергѣевича, въ ней не было, хотя ихъ было доставлено до 70. Иванъ Сергѣевичъ не одобрялъ обычая соединять при похоронахъ религіозный обрядъ съ свѣтскимъ и нести вѣнки по улицамъ рядомъ съ иконами и священно-служителями въ облаченіи. Поэтому во исполненіе желанія Ивана Сергѣевича и супруги его, гробу предшествовали лишь иконы: семейная и другая, съ которою явились проводить усопшаго нѣкоторые лица торговаго класса. Во главѣ духовенства при выносѣ находился преосвященный Мисаилъ, епископъ Дмитровскій, который совершилъ потомъ Божественную литургію и отпѣваніе въ сослуженіи нѣсколькихъ протоіереевъ и священниковъ. Во время причастнаго стиха произнесено было слово профессоромъ университета, протоіереемъ А. М. Иванцовымъ-Платоновымъ, а въ концѣ отпѣванія, предъ возгла-

пеніемъ вѣчной памяти, была сказана рѣчь профессоромъ университета, протопресвитеромъ Н. А. Сергіевскимъ.

Послѣ отпѣванія погребальная процессія направилась чрезъ Охотный рядъ по Мясницкой къ вокзалу Московско-Ярославской желѣзной дороги. По прибытіи къ вокзалу, процессію встрѣтилъ епископъ Мисаилъ съ духовенствомъ и совершена была на площадкѣ предъ вокзаломъ литія. Затѣмъ гробъ пронесенъ былъ чрезъ вокзалъ на поѣздную платформу и поставленъ въ траурный, обитый чернымъ сукномъ, вагонъ экстреннаго поѣзда. Въ 4 ч. 45 м. поѣздъ тронулся изъ Москвы и прибылъ въ Троице-Сергіевъ посадъ въ 6 ч. 55 м.

Здѣсь въ вокзалѣ погребальный поѣздъ ожидали старшій духовникъ Лавры съ 8 іеромонахами, которыми и была совершена литія. Въ воротахъ Лавры погребальная процессія была встрѣчена архимандритомъ Аѳанасіемъ съ братією. По отслуженіи здѣсь вновь литіи гробъ внесенъ въ трапезную церковь, гдѣ вскорѣ началась всепощная, которую совершилъ намѣстникъ Лавры, архимандритъ Леонидъ.

1 февраля послѣ литургіи совершено погребеніе. Могила Ивана Сергіича находится около Успенскаго собора Лавры, близъ лѣваго угла алтаря.

(Моск. Церк. Вѣд.).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ КНИГА:

„Слова, поученія и рѣчи съ тремя опытами внѣцерковныхъ собесѣдованій“

Ректора Владимірской духовной семинаріи Протоіерея Михаила Хераскова,

съ фотографическимъ портретомъ автора.

Книга содержитъ въ себѣ сорокъ девять печатныхъ листовъ, съ подробнымъ оглавленіемъ и раздѣленіемъ на три части 1) Слова и поученія. 2) Рѣчи и 3) Внѣцерковныя собесѣдованія. Первая часть подраздѣляется на шесть отдѣленій—съ обозначеніемъ самыхъ проповѣдническихъ темъ: а) Слова и поученія на праздники Господскіе, б) на праздники Богородичныя, в) на дни высокостепенныя, г) въ назиданіе юношества, д) слова и поученія надгробныя и е) на разные случаи.

Цѣна книги 2 руб. 50 коп. Пересылка за три фунта.

Книгопродавцамъ обычная уступка.

Съ требованіями обращаться къ автору, въ губ. гор. Владимірѣ.

ВЪ СУНОДАЛЬНЫХЪ КНИЖНЫХЪ ЛАВКАХЪ ВЪ МОСКВѢ И С.-ПЕТЕРБУРГѢ

(въ Москвѣ въ зданіи синодальной типографіи, въ С.-Петербургѣ въ зданіи Св. Синода)

ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖЪ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

БЕСѢДЫ ОБЪ ОТНОШЕНІИ ЦЕРКВИ КЪ ХРИСТІАНАМЪ,

соч. Амфитеатрова. Гр. печ., ц. въ бум. 50 к.

Означенное сочиненіе покойнаго профессора Кіевской дух. академіи М. К. Амфитеатрова, нынѣ вышедшее пятимъ изданіемъ, воспроизведено съ перваго изданія, вышедшаго при жизни автора, съ присовокупленіемъ 10 проповѣдей автора (пзл. 4-го изданія) и надгробнаго слова, произнесеннаго при его погребеніи бывшимъ ректоромъ Кіевской дух. академіи, а впослѣдствіи—архіепископомъ Херсонскимъ Димитріемъ. Книга эта въ первыхъ изданіяхъ имѣла большой успѣхъ среди русскаго православнаго общества. „Бесѣды“ Амфитеатрова касаются разныхъ потребъ и случаевъ въ жизни христіанина, изложенныхъ главнымъ образомъ въ Тренинхъ.

КАНОНЪ ВЕЛИКІЙ, твореніе св. Андрея Критскаго, напечатанный въ порядкѣ чтеній на 1-й недѣлѣ Великаго поста; въ 16 д. л. цер. п. ц. въ кол. 45 к., въ бум. 20 к. Гр. п. ц. въ кол. 40 к., въ бум. 20 к.

КАНОНЪ ВЕЛИКІЙ, твореніе св. Андрея Критскаго, напечатанный въ порядкѣ чтеній на 5-й недѣлѣ Великаго поста; въ 16 д. л. цер. п. ц. въ кол. 45 к., въ бум. 20 коп.

ЧЕТЫРЕ ПУТЕВОДИТЕЛЯ ДОБРОЙ ЖИЗНИ: Страхъ Божій, Мудрость, Трезвость и Трудъ (перев. съ галицко-русскаго). Священника Наумо-вича. Цѣна 30 коп.

Въ первый разъ напечатанная, съ разрѣшенія Св. Синода,

ПСАЛТИРЬ НА РУССКОМЪ И ЗЫРЯНСКОМЪ ЯЗЫКАХЪ.

Гражд. печ. въ 16 д. Спб. 1885 г. Ц. въ бум. 25 к.

СВ. ЕВАНГЕЛІЕ отъ Матоея, Марка, Луки и Іоанна, и Дѣянія святыхъ апостоловъ. На русскомъ и зырянскомъ языкахъ. Спб. 1885 г. Ц. 45 к.

Божественная литургія Св. Іоанна Златоустаго. На славянскомъ и зырянскомъ языкахъ. Спб. 1883 г. Ц. 25 к.

Всѣ означенныя книги назначены для удовлетворенія религіозно-правственныхъ потребностей зырянскаго населенія Россіи. Зырянскій переводъ ихъ сдѣланъ преподавателемъ С.-Петербургской 6 гимназіи, Г. Лыткинымъ.

Съ разрѣшенія Св. Синода духовнымъ учрежденіямъ и лицамъ, а равно благотворительнымъ обществамъ, выписывающимъ синодальныя изданія не для торговыхъ цѣлей, а въ видахъ благотворительнаго снабженія таковыми изданіями народа по возможно дешевымъ цѣнамъ, дѣляется 10% уступка, съ даровою пересылкою книгъ, но съ тѣмъ, чтобы таковыя требованія дѣлаемы были за наличныя деньги и при томъ на сумму не менѣе 25 руб. въ одинъ разъ; книгопродавцамъ же, а равно и прочимъ мѣстамъ и лицамъ при покупкѣ синодальныхъ изданій за наличныя деньги и на сумму не менѣе 25 руб. въ одинъ разъ, дѣляется 10% уступка, безъ даровой пересылки.

Н О В Ы Я И З Д А Н І Я :

Исторія первобытной христіанской проповѣди

(до IV в.). Сочиненіе профессора С. Петербургской духовной академіи Н. Барсова. Спб. 1885 Цѣна 2 р. 50 к. Въ Харьковѣ продается въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“. Выписывающіе непосредственно отъ автора (С.-Петербургская духовная академія) на пересылку не прилагаютъ.

Въ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга и Москвы продаются слѣд. сочиненія:

А. П. ЛОПУХИНА.

1. Законодательство Моисея. Изслѣдованіе о семейныхъ, соціально-экономическихъ и государственныхъ законахъ Моисея, съ приложеніемъ трактата: Судъ надъ Іисусомъ Христомъ съ юридической точки зрѣнія. Спб. 1882 г., стр. VI+313. Цѣна 2 р. съ перес. Первое и единственное сочиненіе этого рода на русскомъ языкѣ.

2. Жизнь за Океаномъ. Очерки религіозной, общественно-экономической и политической жизни въ Соединенныхъ Штатахъ Америки, съ замѣтками по пути въ Америку и обратно. Спб. 1882 г., стр. VIII+401. Цѣна 1 р. 50 к. съ перес.

3. Римскій католицизмъ въ Америкѣ. Изслѣдованіе о современномъ состояніи и причинахъ быстрого роста римско-католической церкви въ Соединенныхъ Штатахъ Америки. Спб. 1881 г., стр. VI+438. Цѣна 2 руб. съ перес.

4. Религія въ Америкѣ. Содержаніе: а) Религіозное содержаніе американскаго народа; б) Піонеры креста; в) Слобода совѣсти и г) Религіозный вопросъ въ американской школѣ. Спб. 1882 г., стр. VIII+272. Цѣна 1 р. съ перес.

5. Библія и научныя открытія на памятникахъ древняго Египта. Библейско-историческіе очерки отъ Іосифа до смерти Моисея. Стр. 150. Спб. 1885. Цѣна 1 р. 75 к. съ пересылкою.

Примѣчаніе. Духовенство, учащіе и учащіяся, епархіальныя, окружныя и приходскія бібліотеки при выпискѣ прямо отъ автора (въ С.-Петербургской духовной академіи, или: Спб. Невскій пр. № 190, кв. 7) получаютъ всѣ эти изданія вмѣстѣ и порознь за половинную цѣну, прилагая по 20 к. на пересылку.

Сборникъ статей разъясняющихъ польское дѣло по отношенію къ западной Россіи.

Выпускъ 1-й. Составилъ и издалъ С. Шелковичъ. Вильна. 1885. Цѣна 1 р. 50 к.

Вѣроученіе малорусскихъ штундистовъ,

разобранное на основаніи Священнаго Писанія въ бесѣдахъ православнаго міранина съ сектантами. Подъ руководствомъ епископа Теофана, составилъ А. Ушинскій. Изд. 3-е. Кіевъ. 1886. Цѣна 1 р. съ пересылкою отъ издателя. Для выписывающихъ отъ Н. Н. Дроби (Кіевъ, Златоустовская улица, д. № 50) не менѣе 5 экз. и для сельскихъ школъ, выписывающихъ не менѣе 2 экз. Цѣна по 60 к. съ пересылкою.

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ настоящемъ году по прежнему будетъ состоять изъ 24 №№ или полумѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первыя двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составитъ собою „Листокъ для Харьковской епархіи“. Къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать напечатанный въ прежнемъ адресѣ номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: Въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 2-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

~~Вѣра~~ Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.